

Глава пятая

Восстание и поражение

Я не мог уснуть [30 октября]. Будапешт гвоздем сидел в голове.

Никита Хрущев, объясняя свое решение о применении военной силы в Венгрии

1

Хотя невозможно с точностью утверждать, с чего именно началась венгерская революция, вполне очевидно, что с начала и до самого конца ее ключевой фигурой был Имре Надь.

Возможно, революция началась зимой 1944–1945 года, когда Красная армия оккупировала Венгрию и венгерские коммунисты исподволь, в течение трех лет, посредством обмана, запугивания и насилия захватили власть в стране. Возможно, она началась в июне 1953-го, когда Москва назначила реформатора Имре Надя председателем венгерского правительства. Или, может быть, ее истоки лежат в первых месяцах 1955-го, когда Кремль сместил Имре Надя и вернул к власти сталиниста Матяшша Ракоши, в то время как группа разочарованных интеллектуалов-коммунистов продолжила поддерживать Надя, настаивая на десталинизации Венгрии. Может быть, истоки восстания следует искать в Москве, где постсталинское руководство то и дело меняло политику в отношении злополучных сателлитов, способствуя опасному расколу в венгерской иерархии, который оно как раз и пыталось предотвратить.

В той мере, в какой революция могла быть спровоцирована событиями вне Венгрии и Советского Союза, восстание, возможно, началось в Белграде в конце сороковых, когда Югославия при Тито порвала с советским блоком и, сохранив тоталитарный режим, вступила на путь “национал-коммунизма”. А может быть, революция началась в Вашингтоне после Второй мировой войны, когда правительство США объявило своими внешнеполитическими приоритетами сдерживание советской экспансии и освобождение Восточной Европы. Может быть, восстание началось в Мюнхене в начале пятидесятых, когда радио “Свободная Европа” поддерживало в восточ-

ноевропейских странах огонек надежды на освобождение, давая понять, что Запад готов и даже стремится оказать им помощь.

Учитывая исторические связи между двумя странами, венгерская революция могла начаться в Польше 28 июня 1956 года, когда польский режим жестоко подавил восстание рабочих в Познани, или 19 октября того же года, когда под давлением народа польская компартия вернула к власти своего прежнего лидера, Владислава Гомулку. Гомулка, в 1948 году смещенный с поста, в 1949-м потерявший членство в партии, а в 1951-м — свободу, был, так сказать, “национал-коммунистом”, что роднило его с Надем. И Гомулка, и Надь были убежденными коммунистами, считавшими, что *некоторые* аспекты советской модели социализма неприемлемы для их более развитых стран.

Кремль, мягко выражаясь, был совсем не в восторге от того, что происходило у границ Советского Союза. Так, придя в ярость из-за предложения польских коммунистов сместить с должности министра обороны Польши Константина Рокоссовского, советского маршала польского происхождения, члены советского политбюро без приглашения вылетели в Варшаву. Взбешенный Хрущев потребовал объяснений: “Мы проливали кровь за эту страну, а теперь [вы] пытаетесь продать ее американцам и сионистам. Но у вас ничего не выйдет”. Гомулка спокойно ответил: “Если у одного на столе пистолет, разговора на равных не получится. Я не могу продолжать беседу в этих условиях”*. Поразительно, но несмотря на слухи о советских войсках, направляющихся в Варшаву, чтобы навести порядок, Хрущев отступил. “Польский октябрь” увенчался успехом.

Могло ли нечто подобное произойти в Венгрии?

Пламя венгерской революции возгорелось 21 октября 1956 года благодаря студентам Сегедского университета и Будапештского политехнического института, которые бросили вызов властям, восстановив впервые после 1948 года независимую организацию под названием Союз венгерских студентов, извест-

---

* См. работу Флоры Льюис, где приводятся слова Хрущева: Flora Lewis. *A Case History of Hope* (Garden City, N.Y.: Doubleday, 1958), 209–210, а также рассказ самого Гомулки об этом эпизоде: L. W. Gluchowski. Poland, 1956: Khrushchev, Gomulka, and “the Polish October”. // *Cold War International History Project Bulletin*, issue 5 (Spring 1995), 1, 38–49.

ную по ее венгерскому акрониму — МЕФЕС*. Прекрасным осенним днем 23 октября тысячи молодых венгров в Будапеште прошли маршем к памятнику Юзефу Бему, почитаемому польскому генералу, сражавшемуся за независимость Венгрии в 1848 году. Марш был организован в знак солидарности с польским движением за реформы. После напряженных консультаций по телефону демонстрацию поддержали и руководители кружка Петефи. В смятении министерство внутренних дел сперва запретило уже начавшуюся демонстрацию, но потом, после того как два предприимчивых редактора на государственной радиостанции “Кошут” придумали и выпустили в эфир “новость” о якобы положительном решении правительства, министерство сняло запрет... Не обращая внимания на вести из партийных или правительственных кабинетов, по улицам шли тысячи венгров, почти беспечные и окрыленные надеждой. У памятника генералу Бему выступавшие читали патриотические стихи, вспоминали мужество и заслуги генерала, прославляли храбрость венгров, сражавшихся за независимость в 1848—1849 годах, и превозносили дух товарищества между венграми и поляками.

В тот день, когда Будапешт готовился к демонстрации, Геза Лошонци, журналист, освобожденный из ракошевских тюрем во время первого премьерства Надя, пригласил Надя и ближайших друзей собраться в его квартире в половине одиннадцатого утра. Им предстояло обсудить последние события и выработать план действий. Последующие рассказы об этой встрече самого Лошонци и других ее участников указывают, что это было своего рода фракционное совещание — первое такого рода собрание “группы Надя”**.

* См. краткий рассказ очевидца об истории возрождения МЕФЕС в Сегеде: Leslie B. Bain. *The Reluctant Satellites: An Eyewitness Report on East Europe and the Hungarian Revolution* (New York: Macmillan, 1960), 95—96.

** Единственные более или менее современные письменные свидетельства об этой встрече приводятся в отчете Лошонци, составленном им спустя месяц после подавления восстания в румынском плену; эта работа была опубликована в феврале 1990 года в *História*, 34. Мне довелось обсуждать эту встречу с двумя ее участниками, Силардом Уйхейи (3 июля 1991 года) и Миклошем Вашархейи (19 июля 1991 года и в другое время). До этого дня реформаторы группы Надя, чтобы избежать подозрений в “заговоре”, никогда не собирались так открыто.

Собравшиеся в квартире Лошонци шестеро реформаторов, то есть Надя, Миклош Вашархейи, Шандор Харасты (тесть Лошонци), Силард Уйхейи, опоздавший на встречу Миклош Гимеш и сам Лошонци назвали своей целью “польскую развязку”, подчеркнув, что “вопрос о многопартийной системе не должен даже рассматриваться”. Они также пришли к согласию в отношении необходимости кадровых изменений, ожидая, что венгерское политбюро призовет Надя вернуться к руководству страной*. Что касается состава нового политбюро и перекроенного ЦК, они полагали, что Надя должен занять свой прежний пост председателя правительства, а в новое политбюро войдут реформаторы, как то: Надя, Харасты, Лошонци, Ференц Донат и Золтан Санто (который в дни восстания предал товарищей), а также более многочисленная группа центристов во главе с Яношем Кадаром (которому предстояло занять пост первого секретаря партии), Ференцем Мюннихом, Шандором Гашпаром и Йожефом Кёбёлем. Учитывая недостаток преданных Надю людей, которые могли бы руководить правительством и одновременно контролировать партию, вовлечение в коалицию центристов представлялось политической необходимостью. Участники встречи решили, что Надя может вернуться к руководству страной, только если его сторонникам будут предложены соответственно высокие посты в партии и правительстве; сталинистской старой гвардии не должно быть позволено кооптировать Надя, изолировать его и править от его имени**.

Лошонци и его друзья несколько разошлись в отношении того, какую политическую выгоду можно извлечь из происхо-

* Ранее, 22 октября два фрондерски настроенных члена ЦК партии зашли к Надю и сообщили ему, что, учитывая растущее недовольство в университетах и крупных промышленных центрах, стране вскоре понадобится его помощь.

** Главным политическим тактиком в группе Надя был Донат, в то время как Вашархейи отвечал за организационные вопросы. Доната, Вашархейи и нескольких их товарищей объединяли годы учебы в университете Дебрецена в 1930-х, где они вместе вступили в маленькую, тогда еще нелегальную коммунистическую партию Венгрии. К Дебреценской группе принадлежали Донат (которому в 1956 году исполнилось сорок три), Лошонци (тридцать девять лет), Вашархейи (тридцать девять лет), Уйхейи (сорок один год) и Силади (тридцать девять лет). В 1937 году они образовали так называемый Мартовский фронт с группой “крестьянских”, “на-

дившей в городе студенческой демонстрации. Все осудили первоначальное решение правительства запретить демонстрацию, однако Надь и Уйхейи подозревали, что сам марш или запрет на его проведение были провокацией со стороны партийного руководства или тайной полиции, и когда запрет был снят, Надь не считал это проявлением уступчивости со стороны правительства. Надь отказался также присутствовать на другой студенческой демонстрации, происходившей в то же время в Пеште, посчитав, что его появление там будет неверно истолковано: в конце концов, теперь он вновь был членом партии*.

родных” писателей, таких как Имре Ковач, Петер Вереш и Ференц Эрдеи. (Вереш был главным оратором у памятника Бему во время митинга 23 октября.) Эти молодые люди в Дебрецене весьма серьезно относились к созданному ими Мартовскому фронту и верили, что, согласно директиве Коминтерна 1935 года, левые должны объединить силы. Так или иначе, но из числа сторонников Надя самым близким ему человеком был Шандор Харасты (пятидесяти девяти лет от роду, Харасты был на год моложе Надя), журналист и публицист, не принадлежавший к Дебреценской группе. Заключенный в тюрьму в 1951 году Харасты два с половиной года провел в камере смертников. Освобожденный Надем, он публично назвал Ракоши убийцей. Чаще всего Надь встречался именно с Харасты, у которого, кстати, были разногласия с либеральным Гимешем. Так, к лету 1956 года Гимеш, согласно Вашархейи (интервью 19 июля 1991 года), выступал за проведение в Венгрии полностью свободных выборов. Харасты задал ему вопрос: что, если народ изберет кардинала Миндсенти (главу венгерской католической церкви и архиконсерватора)? Гимеш ответил, что в таком случае народ получит властителя, которого заслуживает. Похоже, что за исключением Дьёрдя Фазекаша и журналиста-диссидента Пала Лёчеи, никто из сторонников Надя не разделял его радикальных взглядов. Тем не менее Надь, несмотря на разногласия, уважал Гимеша, который, в отличие от других друзей, внимательно читал речи и статьи Надя и делал критические замечания, которые Надь высоко ценил.

* Ранее, около полуночи 22 октября Надь отклонил предложение встретиться со студентами Политехнического университета, чтобы обсудить с ними их политическую платформу. Поразительный ответ Надя посланцу студентов отражает его многолетний опыт коммунистического функционера: “[Студенты] могут задать мне ряд вопросов, на которые я не смогу ответить, потому что мне неизвестна позиция партии по данным вопросам”. Показания Надя в 1957 году, цит. по работе Райнера: János M. Rainer. *Nagy Imre: Politikai életrajz* [Имре Надь: политическая биография] (Budapest: 1956-os Intézet, 1996), vol 2, 240.

В течение всего четырехчасового совещания Надь не переставал тревожиться о “серьезных последствиях” демонстрации. Он опасался, что партийное руководство во главе с Эрнё Герё, Андрашем Хегедюшем и другими представителями сталинистского руководства обвинят его в потворстве студенческим волнениям. Он боялся, что манифестации нарушат или даже повернут вспять процесс, который было начато с его восстановлением в партии, и неминуемо приведут к его кооптированию в руководство. Надь также отказался присоединиться к друзьям, которые намеревались отправиться в город и разведать обстановку; вместо этого он пошел домой, собираясь поспать с внуками и поспать.

Тем временем на площади Кошута, у здания парламента собралась толпа в 200 000 человек, и к Надю стали поступать сообщения о том, что ему следует выступить перед народом. Он отказался, ссылаясь на то, что он только частный гражданин. Он хотел, чтобы к нему обратилась “партия”. Около семи вечера руководитель венгерского радио Валерия Бенке, позвонив Надю, обратилась к нему за советом: следует ли ей позволить университетским студентам зачитать свои шестнадцать требований в эфире? Надь высказал возражения против одного или двух требований и сказал, что на ее месте он пустил бы остальные в эфир, однако добавил, что ей необходимо следовать не его “личному совету”, а предоставить решение политбюро партии*. После еще нескольких телефонных звонков Надь все же принял сочинять речь. Она была полна устаревших формулировок, и ни один из находившихся в доме друзей Надя не одобрил ее. Вероятно, причина заключалась в том, что друзья Надя про-

---

* Протокол допроса Надя 14 июня 1957 года. Венгерский национальный архив, XX-5-h, VI. 12. d., vol. 1, 73. Вероятно, Надь возражал против первого и пятого пунктов в списке требований студентов, так как в первом говорилось о “немедленной эвакуации всех советских войск”, а в пятом — о “всеобщих выборах посредством тайного голосования... с участием всех политических партий”. В оставшихся четырнадцати пунктах выдвигались требования “очистить” компартию, назначить Надя председателем правительства, а также реорганизовать экономическую и судебную систему страны. Так, за исключением 1-го и 5-го пунктов, первоначальные призывы студентов не выходили за рамки умеренных внутрисистемных преобразований, с упором на восстановление Имре Надя в должности премьер-министра и возвращение к его “новому курсу” 1953—1955 годов.

вели день в городе и, наблюдая за демонстрациями, прониклись царившим на улицах духом, в то время как Надь оставался дома. Так или иначе, лишь когда два члена политбюро попросили его немедленно прибыть в здание парламента, он отправился в путь.

Было уже около девяти вечера, когда Надь наконец прибыл в здание парламента. Его провели на балкон, выходящий на площадь; когда толпа заметила его, над площадью повисло абсолютное молчание. Хотя Надь, вероятно, сразу понял, что подготовленная им речь совершенно неуместна, импровизировать он смог только под конец. Он никогда не был хорошим оратором; всю жизнь он читал речи по бумажке. На этот раз неудачным оказалось уже первое его слово: “Товарищи!”. Толпа ответила: “Мы больше не товарищи!”. Они ждали вождя, который сказал бы им: “Друзья, давайте пойдем на радио и убедимся, что наши требования услышаны!”. Или же: *“Друзья, давайте пойдем в здание партийного руководства, что через площадь отсюда, и скажем этим “товарищам” сталинистам, что их время вышло, потому что пришло наше время!”*.

Надь не был таким вождем. Он просил народ проявить терпение, говорил, что внутрипартийные консультации приведут к приемлемому для всех исходу. Будь эта речь произнесена несколькими часами ранее, ее могли бы встретить с пониманием; но теперь ее содержание было устаревшим, а партийный жаргон действовал раздражающе. Великолепный в своем отчаянии, сознавая, что он только что совершил большую ошибку, Надь дочитал свою ужасную речь и начал петь национальный гимн. В последнюю минуту он несколько пришел в себя и даже вернул расположение собравшегося на площади народа.

Недалеко, близ площади Героев, народ разбирал памятник Сталину, но — удивительное дело — никак не удавалось стащить с постамента сапоги диктатора. Студенты воткнули в них венгерские флаги. Части памятника потащили по городу, бросили их у Национального театра. Меньше чем в двух километрах оттуда, у Дома радио, студенты всё пытались попасть в здание, чтобы передать в эфир шестнадцать требований восставших. Двери были заперты. Внутри охранники в форме тайной полиции (большинство из них были новобранцами) ожидали подкрепления: вскоре здание охраняло пятьсот наспех вооруженных стражников. Валерия Бенке с балкона призывала сту-

дентов разойтись по домам. Обратившись к ним как к “товарищам”, она совершила ту же ошибку, что ранее Надь. “Мы — венгры, а не товарищи”, — последовал ответ. Разгневанная толпа, слышавшая переданную в восемь вечера речь Герё, становилась все многочисленнее. По городу поползли слухи, что внушавшая ужас тайная полиция начала стрелять по студентам. Из ниоткуда появились грузовики с солдатами венгерской армии, которые раздавали молодым людям легкое оружие. Никто не знал тогда (и никто уже не узнает), кто первым открыл стрельбу.

В городе уже бушевало восстание. В отношении речи Герё мнения разделились. Некоторые считали ее просто глупой; иные полагали, что она была предназначена для ушей Москвы, с тем чтобы Кремль немедленно выслал войска для восстановления порядка. Определенно, его речь только подлила масла в огонь. Герё говорил о “врагах народа”, пытавшихся “расшатать власть рабочего класса, ослабить союз между рабочими и крестьянами, принизить руководящую роль пролетариата в нашей стране и подорвать веру народа в партию”. Есть и такие, говорил Герё, кто клеветает на Советский Союз, пытаясь “создать противоречие между пролетарским интернационализмом и венгерским патриотизмом”, и те, кто “стремится ослабить связи между нашей партией и великой Коммунистической партией Советского Союза”*. Похоже, Герё плохо представлял себе, что происходит за стенами партийной штаб-квартиры, и не мог или не хотел понять динамику событий. После его совершенно неуместной речи последовало сообщение, что Центральный комитет партии соберется 31 октября — через восемь дней. Неужели они предполагали, что у них есть восемь дней на раздумья? Вскоре по радио передали уточнение: пленум состоится “через несколько дней”. Неужели они считали, что у них есть несколько дней на раздумья? Вскоре последовало еще одно сообщение: пленум ЦК состоится немедленно. В правительстве царило смятение.

* См.: Radio Address by Erno Gero, First Secretary of the Hungarian Workers Party, October 23, 1956, в сборнике *National Communism and Popular Revolt in Eastern Europe: A Selection of Documents on Events in Poland and Hungary, February–November 1956*, ed. Paul E. Zinner (New York: Columbia University Press, 1956), 402–407.

В десять вечера Надь, в сопровождении своего зятя Ференца Яноши, по просьбе Герё прибыл в здание ЦК партии. Когда Надь вошел в кабинет, Герё, очевидно не в первый раз за день, говорил по телефону с Кремлем, обсуждая необходимость вмешательства расквартированных в Венгрии советских войск для восстановления порядка. Кремль согласился, и собравшиеся в кабинете Герё члены политбюро испустили вздох облегчения*. Притом что большинство членов ЦК отсутствовало, заседание было посвящено кадровым вопросам. Надь предложил, чтобы Кадар заменил Герё на посту первого секретаря, однако Кадар отклонил предложение. Герё остался во главе партии. Центральный комитет вывел из состава политбюро наиболее непримиримых сталинистов из окружения Ракоши. Надь и Санто были введены в его состав. Лошонци стал кандидатом в члены политбюро, а Донат был избран секретарем ЦК. Впрочем, Лошонци и Донат, отсутствовавшие во время заседания, отказались от должностей, так как Надю не удалось ввести в состав ЦК и правительства всех реформаторов, кандидатуры которых обсуждались ранее в квартире Лошонци. С их точки зрения, спешные решения ЦК и сделка с Надем были иллюстрацией к фразе “слишком мало, слишком поздно”. Между тем “улица”, как теперь начали называть повстанцев, вынесла из сообщений о пленуме только то, что во главе партии остался Герё.

В партийных кабинетах переставляли шезлонги на тонущем корабле. Снаружи разворачивалась первая в мире антисоветская, антикоммунистическая революция.

2

Венгерская драма состояла из трех актов.

— В течение первой стадии революции, назовем ее *стадией конфронтации*, которая началась 23-го и продолжалась до 27 октября, “улица” и правительство противостояли друг другу. Повстанцы, поддерживаемые США посредством РСЕ, настаивали на выполнении всех своих требований, в то время как новое

* Протокол допроса Надя 8 июня 1957 года, Венгерский национальный архив, XX-5-h, Vi. 12 d., vol. 1, 75.

венгерское правительство во главе с растерявшимся Надем действовало под чудовищным давлением Кремля, требовавшего восстановить порядок.

— Во время второй, *координационной стадии*, с 28 по 30 октября, правительство Надя начало выполнять требования восставших, а Кремль попытался выработать курс на примирение. Между тем РСЕ продолжала “требовать” дополнительных уступок.

— На третьей стадии — *стадии сотрудничества*, — которая началась 31 октября и завершилась советской интервенцией 4 ноября, правительство и повстанцы достигли неких общих договоренностей, в то время как Кремль вероломно готовился к подавлению революции, теперь объединявшей коалиционное правительство и восставших. При этом РСЕ все еще предупреждала слушателей об опасности компромиссов с правительством.

3

Первая стадия в Будапеште: Имре Надь и правительство*. В течение первой стадии революции Имре Надь, похоже, не понимал сущности коренным образом изменившейся ситуации. Оставаясь единственным достойным доверия народа деятелем на венгерской политической сцене, он согласился на сотрудничество с режимом, которому осмелился противостоять. Он пока еще не принял сторону восставших. Он пребывал в бездействии. Он находился в разладе с собой и собственными убеждениями, что, учитывая его прошлое, было неудивительно. Принимая делегации своих реформаторски настроенных сторонников, он держался скорее отчужденно, чем дружелюбно. Его неспособность на протяжении нескольких критически важных дней взять в руки власть определила весь ход революции.

* В этом и в двух последующих разделах я рассматриваю три стадии восстания через призму четырех главных сил в событиях 1956 года: Имре Надя и его правительства повстанцев, Москвы и Вашингтона (включая ЦРУ и РСЕ в Мюнхене). Учитывая, что настоящее исследование сосредоточивается на “обманутых ожиданиях”, а также из-за естественных рамок этой книги, я не говорю о важных событиях, происходивших вне Будапешта, включая другие европейские столицы.

Ночь на 24 октября Надь провел в здании партийного руководства, иногда заходя в зал, где продолжалось заседание ЦК, иногда ожидая в коридоре; только около пяти утра 24 октября он узнал, что его вновь назначили председателем правительства Венгрии*. Четыре дня он был не тем Имре Надем, каким его представляли себе люди, и по Будапешту поползли слухи, что он стал “пленником политбюро”. Его поведение было непостижимо. Тот ли это был человек, который всего год назад пророчески предостерегал, что, если партия продолжит душить реформы, то “для того чтобы удержать ситуацию под контролем, придется идти на гораздо большие уступки”***? Создавалось впечатление, что Надь оказался неподготовленным к им же предсказанным событиям. Потому ли что считал себя обязанным соблюдать партийную дисциплину, или потому что не знал, как распорядиться своим новым положением и ответственностью, или потому что был все еще раздосадован своей речью на площади Кошута, которую не принял народ, или просто из-за крайней усталости, но в первые дни революции Надь оказался не на высоте положения.

В некотором смысле Надь действительно был пленником, правда не столько политбюро, сколько собственного коммунистического прошлого, то есть ограниченной идеологии и сформированного внутрипартийными интригами мышления, от которого не мог освободиться. Несколько дней он не поднимал два очевидных политических вопроса, которые, как следовало ожидать, должны были волновать и его самого, и его коллег. *На какие уступки восставшим должно пойти правительство? И как потом убедить Кремль согласиться на эти уступки?* До открытия архивов в 1989 году и публикации неизвестных ранее воспоминаний участников событий и очевидцев можно было

* О событиях того дня и ночи см.: J.Rainer. *Nagy Imre*, 237–252; Tibor Méray. *Thirteen Days that Shook the Kremlin: Imre Nagy and the Hungarian Revolution* (New York: Praeger, 1959), 65–91; András Hegedüs. *Élet egy eszme árnyékában: Életrajzi interjú* [Жизнь в тени идеи: воспоминание-интервью] (Vienna: Zoltán Zsille, 1985), 258–266. На тот день Надь был “назначенным”, но не утвержденным премьер-министром, так как согласно конституции кандидатуру председателя правительства утверждал Верховный совет, а не компартия.

** Imre Nagy. *On Communism...* (New York: Praeger, 1957), 49–50.

предположить, что Надем руководило чувство реализма: он воздерживался от поддержки повстанцев, так как знал, что Кремль никогда не пойдет дальше предлагаемой им программы реформ. Однако архивы свидетельствуют об обратном. Из Москвы к Надю поступали противоречивые сообщения, а Анастас Микоян, самый “либеральный” из кремлевских властителей, был даже готов поддержать восстановление в Венгрии многопартийной системы.

И, однако, четыре долгих дня Венгрия лицемерила Надя — партийного аппаратчика, — который считал, что в стране начался контрреволюционный мятеж и что его надо остановить. То был Надь, глухой к советам сторонников, впавший в оцепенение, истощенный. Надь, потерявший самообладание. Так, например, при всей его ненависти к Герё, Надь ждал, чтобы от того избавились советские товарищи, не предпринимая сам никаких шагов. Но даже в эти дни Надь в корне отличался от людей, окружавших его в здании партийного руководства. *В отличие от других членов политбюро, Надь не поддержал Герё, когда тот просил Москву о военном вмешательстве.* Хотя и не исключая применения силы, он один среди партийных вождей не одобрил план привлечения иноземных, то есть советских войск для подавления восстания. Казалось, Надь чувствовал, что Герё, Хегедюш и другие сторонники жесткой линии хотят ввести его в руководство, с тем чтобы именно он, Надь, выглядел человеком, ответственным за сокрушение мятежников, и таким образом дискредитировать его в глазах сторонников. Старой гвардии сталинистов, преследовавшей собственные цели, нужна была репутация Надя — после разгрома восстания партийной верхушке не составило бы труда с ним покончить. Короче говоря, в ту ночь их занимал вопрос не о разрешении кризиса, а о сохранении собственной власти.

Утром 24 октября радио “Кошут” от имени Надя заявило о введении в стране чрезвычайного положения. На допросах в 1957 году Надь показал, что он не давал согласия на введение чрезвычайного положения. Он говорил, что его назначение председателем правительства еще не было утверждено Президентским советом Венгрии, а поэтому он не имел полномочий подписывать соответствующий указ. Радио также сообщило, что “венгерское правительство” — сиречь Надь — попросило Советский Союз о военной помощи. То была неправда, но “улица” не

могла этого знать. В данном случае Надь отказался поддержать просьбу Герё, который, в свою очередь, не имел полномочий обращаться к Кремлю за помощью; в конце концов уже отправленный в отставку председатель правительства Андраш Хегедюш задним числом подписал направленное в Москву письмо*. Народ, не знавший, стоит ли за решениями руководства Надь, отождествил его с этими двумя непопулярными мерами. Образу Надя вряд ли помогло и то, что в своем личном обращении к “народу Будапешта”, которое передали по радио около полудня 24 октября, он заявил, что граждане “сложившие оружие, будут освобождены от судебной ответственности по совокупности содеянного”**. К тому времени события развивались с головокружительной быстротой, и популярность Надя, столь очевидная днем ранее, на площади Кошута, таяла на глазах.

Тем временем партийная верхушка занималась преимущественно интригами и кадровыми перестановками. К утру 25 октября Кадар сменил Герё на посту первого секретаря партии, однако Герё, наряду с Надем, Кадаром и Хегедюшем, вошел в состав комитета четырех, призванного сформировать новое правительство. Надь пытался ввести в правительство своих сподвижников, но ему это не удалось. Двадцать седьмого октября, после нескольких дней переговоров и политической торговли был наконец объявлен состав нового правительства, которое не отражало предпочтений Надя. Было сделано несколько позитивных шагов: так, Золтан Тилди, бывший лидер партии мелких хозяев и президент страны в послевоенную коалиционную эпоху, был назначен государственным министром. Однако сторонники жесткой линии наложили запрет на введение в правительство двух виднейших коммунистов-реформаторов, Лошонци и Доната***.

При столь хаотичных обстоятельствах было сложно понять сущность событий и особенно выработать оптимальный план

* András Hegedüs. *Élet egy eszme árnyékában* (Vienna: Zoltán Zsille, 1985), 262–265.

** Полный текст речи Надя см.: *National Communism*, ed. Zinner, 409–411.

*** Всесторонний анализ этих событий см.: Zoltán Ripp. A pártvezetés végnapjai [Последние дни партийного руководства], в *Ötvenhat októbere és a hatalom* [Октябрь пятьдесят шестого и власть], ed. Julianna Horváth and Zoltán Ripp (Budapest: Napvilág, 1997), 165–314.

действий. Лошонци и Донат принадлежали к немногим, кто с самого начала обладал ясным видением происходящего, однако они встали перед дилеммой. С одной стороны, они отказались от предложенных партийных постов, так как не желали входить в руководство, большей частью состоявшее из представителей старой гвардии и стремившееся подавить восстание. С другой стороны, они не хотели покидать Надя. Встретившись с ними 25 октября, Надь, вероятно, выказал им свое разочарование и даже раздражение: они не пошли с ним в трудную минуту. В поисках компромиссного решения Лошонци, Донат и Вашархейи остались в здании партийного руководства, чтобы помочь Надю в составлении радиообращения к нации. Оно вышло в эфир в тот же день. Несмотря на затхлый партийный жаргон, в речи Надя сквозило и нечто новое. “Как Председатель Совета Министров заявляю, — говорил Надь, — что венгерское правительство выступит с инициативой проведения переговоров об отношениях между Венгерской Народной Республикой и Советским Союзом, в частности о выводе советских войск, находящихся на территории Венгрии, в духе венгеро-советской дружбы, на основе пролетарского интернационализма, равноправия коммунистических партий и социалистических стран, а также национальной независимости”*.

Учитывая, что в остальном речь Надя была направлена на замирение партийного руководства и Кремля, Донат и Лошонци по-прежнему отказались занять посты в правительстве, хотя они и присутствовали на состоявшемся тем вечером заседании Центрального комитета. Лошонци призвал ЦК пригласить в партийную штаб-квартиру делегацию повстанцев, чтобы все могли выслушать их мысли и требования. Говоря об “улице”, Лошонци призвал народ к порядку без кровопролития и карательных мер. Это и пассаж в радиобрешении Надя указывали на два насущных вопроса, стоявших перед руководством: как найти общий язык с повстанцами и как удалить советские войска с территории страны? Однако ЦК пока еще не был готов к мирным переговорам. Ссылаясь на Лошонци и Доната, Кадар заметил, что, хотя он и не считает их предателями, суть их предложения состоит в том, что партии следует капитулировать. Ветеран компартии

* Текст речи Надя 25 октября 1956 года перепечатан в сборнике *National Communism*, ed. Zinner, 416–418.

Карой Кишш сказал Лошонци и Донату, что “он не может жить в буржуазной демократии, но только в народной демократии”. Лошонци, показывая, насколько резко изменилась его позиция, заявил, что теперь он стоит за введение многопартийной системы. Основной вопрос, согласно Лошонци, заключался в том, как спасти дело социализма — на основе народной поддержки или с помощью советских штыков? Три еретика — Лошонци, Донат и Вашархейи — также представили руководству партии письменное обращение, в котором призывали немедленно прекратить жестокое обращение с пленными повстанцами*.

Двадцать шестого октября, прежде чем их изгнали — как оказалось, временно — из здания партийного руководства, Лошонци и Донат сумели переговорить с Надем, который, как потом рассказывал Донат, согласился с их оценкой ситуации, но выглядел беспомощным и неспособным принимать решения. Телефонные звонки жены и дочери только усугубляли его одиночество и отчаяние. Его жена говорила о людях, которые верили ему, а теперь не могли понять его поведение. Когда дочь сказала ему, что на улицах Будапешта революция, Надь ответил: “Я знаю”. После этого он “ушел в себя, погрузился в глубокое молчание, по его щекам текли слезы”. Донат позже вспоминал, что “[Надь] производил впечатление человека, который, будучи исполненным благих намерений, всю жизнь прослужив своему народу, стране и делу социализма, оказался в очень тяжелом положении перед лицом неожиданных событий. Он не знал, что ему делать”**. На следующее утро, истощенный за предшеству-

* См.: György Kövér. *Losonczy Géza 1917–1957* [Геза Лошонци 1917–1957] (Budapest: 1956-os Intezet, 1998), 271–282. Эволюцию взглядов Лошонци я не раз обсуждал с близкими ему людьми, включая его вдову (3 июля 1991 года), Миклоша Вашархейи и Йожефа Кёбёла (4 октября 1991 года). Кёбёл, который не всегда разделял точку зрения Лошонци, сказал мне: “Ракошистские тюрьмы превратили Гезу в страстного, но и пронизательного человека. В отличие от многих людей, вышедших из сталинских тюрем, он не был растерян и, казалось, знал себе цену. Да, он был болен и встревожен, но он хотел сделать что-то хорошее для страны. Он был просто замечательный”.

** См.: Ferenc Donáth. *A Márciusi Fronttól Monorig: Tanulmányok, vázlatok, emlékezések* [От Мартовского фронта до Монара: исследования, очерки, воспоминания] (Budapest: Századvég Kiadó, 1992), 114–115. О звонках дочери Надя см.: J. Rainer. *Nagy Imre*, 269.

ющие дни, Надь почувствовал себя нехорошо; случайно присутствовавший при этом Михаил Суслов дал ему таблетку валидола, которая помогла ему справиться с приступом. Какая ирония в том, что тогда Суслов, быть может, спас Надю жизнь.

Вряд ли на этой стадии восстания Надя и пытавшихся изолировать его членов старой гвардии можно было назвать “вождями” ввиду малочисленности и слабости их сторонников. Так, например, пресса была не в их власти. Ежедневные газеты вообще не вышли 24 октября, дабы не печатать произнесенную накануне провокационную речь Герё. Двадцать пятого числа “Мадьяр Немзет” напечатала радикальные требования вновь сформированного Революционного совета университетской молодежи. В тот же день эта газета призывала к полной амнистии, выводу советских войск с территории Венгрии, восстановлению многопартийной системы и роспуску тайной полиции. На следующий день Тибор Мераи писал в “Непсава”, другой ежедневной газете, что он отказывается называть молодых людей, рабочих и солдат реакционерами, фашистами или контрреволюционерами только потому, что они стремятся к независимости и свободе.

Партия утратила контроль над прессой и отчасти над будапештской полицией. Начальником будапештского управления внутренних дел был тогда Шандор Копачи, человек простого, рабочего происхождения, который давно окружил себя группой из пяти или шести пронадевских интеллектуалов. К ним относились Йожеф Силади, Миклош Гимеш и Дьёрдь Фазекаш, из коих наибольшее влияние на Копачи имел Фазекаш (жена Копачи была кузиной его жены)*. Полиция отказалась принять

* См.: Sandor Kopacsi. *In the Name of the Working Class: The Inside Story of the Hungarian Revolution* (New York: Grove Press, 1987); György Fazekas. *Forró őszi Budapest: Életinterjú* [Жаркая осень в Будапеште: мемуары, интервью] (Budapest: Magyar Hírlap, 1989). В интервью с автором 22 июня 1991 года Копачи рассказал о своей встрече со срочно прибывшим в Будапешт главой КГБ Иваном Серовым, которая состоялась 24 октября в здании полицейского управления на площади Деака. Еле сдерживая ярость, Серов говорил, что не может понять, почему будапештская полиция оказалась абсолютно не готова к “противостоянию с этой фашиствующей толпой”. Копачи сказал ему, что, коль скоро у них недостаточно оружия, чтобы подавить восстание, необходимо искать политический выход из кризиса. Мне не удалось найти документальные подтверждения этой встречи.

сторону как партийной верхушки, так и повстанцев, отчасти потому, что Копачи разрывался между присягой и наставлениями своих друзей, отчасти же потому, что снаряжение подразделений МВД плохо соответствовало режиму чрезвычайного положения. Дабы выяснить, что ему надлежит делать в создавшейся ситуации, Копачи, вероятно в ночь на 24 октября, вскрыл конверт со сверхсекретными указаниями от вышестоящих лиц, которые были подготовлены несколькими месяцами ранее, после бунтов в Познани. В указаниях говорилось, сколько пулеметов, гранат и иных боеприпасов должно находиться в распоряжении полиции при возникновении ситуации, подобной познаньской. Вместо восьмидесяти пулеметов, у полиции обнаружилось только четыре; вместо запасов продовольствия, достаточных для тысячи полицейских в течение шести дней, удалось найти только несколько яблок. Как и многих в Венгрии, восстание застигло полицию врасплох*.

Первая стадия в Будапеште: повстанцы. Кто были повстанцы и к чему они стремились?

Венгерские исследователи, в частности Ласло Ёрши и его коллеги по Институту изучения венгерской революции 1956 го-

---

* См.: G. Korösi. *In the Name of the Working Class*, 115–116. Вот как автор описывает сцену в управлении полиции: “Пришло время вскрыть большой красный конверт с надписью: “ПЛАН М. Совершенно секретно! Вскрыть только в случае АБСОЛЮТНОЙ НЕОБХОДИМОСТИ”. План М был разработан министерством внутренних дел после событий в польской Познани, ввиду возможности возникновения схожей ситуации в Венгрии. Я созвал старших офицеров, затем сломал печати на конверте, пять больших и четырнадцать маленьких, и пробежал глазами текст. Он начинался с исчерпывающего списка оружия, которому надлежало быть в арсенале полиции. Я с изумлением узнал, что у нас должно быть “20 тяжелых пулеметов”. У нас был только один. Что до “80 пулеметов”, это было на семьдесят шесть больше, чем было в нашем распоряжении. И так далее: “боеприпасы, ручные гранаты, в количестве достаточном для ведения боя в течение 72 часов” (у нас их хватило бы на двенадцать часов), “свежее белье и форменная одежда, консервы, напитки, сигареты и т. д. для 1000 человек на 6 дней боя”. У нас было всего несколько комплектов форменной одежды и пара ящиков яблок. Мои офицеры горько улыбнулись. ...Знаменитый План М оказался фикцией. Как и столь многое в венгерской бюрократии, он не имел ни малейшего отношения к действительности”

да, а также Ласло Дюрко и другие независимые историки собрали огромный материал о происхождении повстанцев, их фактическом участии в боях и их целях*. Многие из их заключений гипотетичны или сделаны с оговоркой; некоторые зиждятся на обоснованных догадках.

Из этих работ следует, что восстание действительно было стихийным. Очевидно, что оно началось вечером 23 октября у здания радио, когда делегациям студентов, намеревавшимся передать в эфир свои требования из шестнадцати пунктов, не позволили войти в здание. Хотя охранявшие здание капитулировали еще до полуночи, партии удалось сохранить контроль над радиоэфиром из другой, тайной вещательной точки. Что до вспыхнувшей схватки, то она началась отчасти опять же из-за местоположения радиостанции в Пеште, и именно в этой части города в дни восстания происходили самые ожесточенные бои. Оттуда молодые повстанцы отправлялись по городу в поисках автотранспорта и оружия. Это далось им относительно легко, так как на автостанциях и в близлежащих армейских казармах они почти не встречали сопротивления. В четырех автопарках они сразу завладели 150 грузовиками — достаточно для перевозки небольшой армии. Группы восставших, которыми к тому времени руководили преимущественно молодые рабочие, а не студенты, разъезжали по городу всю ночь, размахивая национальными флагами или выкрикивая лозунги, например “Долой Герё!”.

Когда группа разгневанных людей появилась в казармах Килиан, недалеко от здания радиостанции, к ним примкнуло около 200 солдат. Уже ранним вечером в больницы стали поступать раненые повстанцы; сообщение о первом убитом мятежнике поступило в 9.37 вечера.

---

* См., в частности: László Gyurkó. *A bakancsos forradalom* [Революция в дырявых башмаках] (Budapest: Kossuth, 2001), изобилующую фактическим материалом и интересно написанную однотомную историю революции. См. также три фундаментальных труда Л. Ёрши: *László Eörsi. A Corvinisták 1956: A VIII kerület fegyveres csoportjai* [Корвинцы 1956: боевые группы в 8-м округе] (Budapest: 1956-os Intézet, 2001); *A Széna Tériek 1956* [Бойцы на площади Сена 1956] (Budapest: 1956-os Intézet and Állambiztonsági Szolgálatok Történeti Levéltára, n.d.); *Mitoszok helyett, 1956* [Вместо мифов, 1956] (Budapest; Noran, 2003). Ёрши предстает автором и ряда других важных работ по данной теме.

Согласно оценкам, в вооруженном восстании в целом приняло участие около 15 000 человек*. За редкими исключениями, все они были молодыми людьми. По моим подсчетам, средний возраст участников одного из крупнейших отрядов повстанцев составлял двадцать пять лет**. В некоторых случаях они занимали здания и промышленные предприятия, не встречая сопротивления; иногда жестокие уличные бои шли всю ночь. Большинство повстанческих отрядов были небольшими. Например, в восьмом и девятом округах Будапешта действовало тридцать три независимых отряда, включая “корвинцев” — вероятно, крупнейшую в городе группу сопротивления, которая объединяла шестнадцать подразделений***. На этой стадии восстания повстанцы еще не подчинялись единому командованию.

---

* См.: L.Eörsi. *Mitoszok helyett*, 30; G.Gyurkó. *A bakancsos forradalom*, 362. Дюрко отмечает, что установить точное число людей, принимавших активное участие в восстании, невозможно (166–167). Он пишет, что между 23 октября и 4 ноября в Будапеште в результате уличных боев и столкновений погибло около 760 повстанцев, из коих примерно 30 человек погибли 23-го, 200 — 24-го, 200 — 25-го, 120 — 26-го, 50 — 27-го, 40 — 28-го, 20 — 29-го, когда было объявлено о прекращении огня, 40 — 30-го, менее 20 человек — 31 октября и 1 ноября и менее 10 человек — 2 и 3 ноября. (Дату гибели остальных 30 человек установить, очевидно, не удалось.) *Иными словами, к 31 октября, когда Кремль принял решение о вторжении, уличные бои практически прекратились.* Дюрко сообщает также, что около 90 процентов погибших были убиты в Пеште, при этом почти половина из них — в 8 и 9 округах, где проживало много семей неквалифицированных рабочих и где происходили самые тяжелые бои. Примечательно также то, что, согласно Дюрко, в пяти районах Пешта, где были собраны данные о погибших, каждому четвертому убитому повстанцу было менее двадцати лет. Вот почему многие венгры по сей день называют восстание 1956-го “революцией детей Пешта”.

** Я благодарен Райану Миллеру, моему научному ассистенту в Школе международных исследований Пола Нитце, за помощь в проведении этих подсчетов. На основании данных о повстанцах в одном крупном отряде (который располагался на площади Сена в Буде), мы рассмотрели историю 259 членов отряда. Нам удалось установить дату рождения 202 повстанцев: их средний возраст составил двадцать пять лет. Так наши подсчеты подтверждает примерные оценки исследователей. Ср. L.Eörsi. *A Széna Tériek 1956*, 316–340.

*** См.: L.Eörsi. *A Corvinisták 1956*, 22–24. Название этого отряда происходит от названия кинотеатра “Корвин” и площади перед ним, с примыкающими к ней бульваром Йожефа и стратегически важной улицей Юллои с ее большими армейскими казармами.

Бойцы были молоды и как во всех современных революциях в основном необразованны: большинство повстанцев принадлежали к неквалифицированным рабочим. Хотя у нас нет достоверных сведений о происхождении всех 15 000 повстанцев, в некоторых подразделениях девять из десяти человек закончили только восьмилетнюю школу и девять же из десяти были чернорабочими*. Почти 30 процентов от общего числа повстанцев на площади Сена ранее привлекались к уголовной ответственности, однако треть этих бывших преступников были судимы за незаконное пересечение границы, то есть за попытку сбежать из коммунистической Венгрии, или иные политические “преступления” против репрессивного государства. Таким образом, хотя каждый пятый из повстанцев до 1956 года имел нелады с правосудием *не* по политическим причинам, утверждения пытавшегося оправдать применение военной силы Кремля о том, что восстание было поднято уголовниками, несостоятельны. В основной массе мятежники не были ни хулиганами, ни тем более представителями старорежимного высшего сословия, стремившегося вернуть Венгрию к “феодалным” или “фашистским” порядкам, существовавшим в стране до 1945 года. Вероятно, многие из них были людьми фанатичными или, с точки зрения образования, воспитания или жизненного опыта, “примитивными”, но они были не фашисты. Так, из тысяч участвовавших в боях повстанцев, личность которых удалось установить, только двое или трое были армейскими офицерами при довоенном, авторитарном режиме Миклоша Хорти**; поистине “улица” не стремилась “перевести часы назад”. Слабость повстанцев, вполне объяснимая при тех обстоятельствах, заключалась в их юношеской неспособности понять пределы возможного.

Повстанцы были разгневаны, доблестны, убеждены в своей правоте и бесстрашны перед лицом иноземного врага — они были готовы умереть за отчизну. Поначалу они хотели реформировать систему, но позже пришли к мысли о ее коренном преобразовании: процесс их радикализации был постепенным, но неуклонным***. Когда их не пустили на радио для передачи в эфир

---

* Там же, 12–15 и далее.

** См.: L.Gyurkó. *A bakancsos forradalom*, 168.

*** Показателен случай “радикализации” корвинцев. Их первым вождем был Ласло Ковач Иван (Иван была его фамилия), который на-

своих требований, когда Герё назвал их “фашистами” и “контр-революционерами”, повстанцы почувствовали себя загнанными в угол. Но даже тогда, несмотря на то что в руках у них было оружие, несмотря на годы притеснений и эксплуатации, они не стали уголовниками. Притом что витрины многих магазинов в Будапеште были разбиты, сообщений о грабежах почти не поступало. Радикализм повстанцев возрос после столкновения у здания радиостанции и в особенности после расстрела толпы снайперами у здания парламента спустя два дня после эпизода у Дома радио. Только тогда восставшие разыскали и арестовали нескольких сотрудников тайной полиции и политиков-сталинистов, которые, впрочем, не подвергались пыткам и были отпущены спустя несколько часов. Единственным исключением из, в целом, цивилизованного поведения восставших стала расправа на площади Республики 30 октября. (Об этом ниже.)

Подробности событий у здания парламента 25 октября до конца не выяснены. Утром в центре города началась демонстрация, участниками которой были преимущественно молодые люди, решившие выйти в город после того, как правительство приостановило действие введенного накануне комендантского часа. Ситуация оставалась двойственной. Достигшие Будапешта советские части пытались восстановить порядок, однако венгерская армия, похоже, не участвовала в операции; в результате, советские войска действовали самостоятельно, получив поддержку только от тайной полиции (УГБ). Тем временем полковник Пал Малетер взял командование над казармами Килиан близ кинотеатра “Корвин” и договорился с повстанцами о прекращении огня.

Некоторые из демонстрантов подходили к русским танкам, пытаясь убедить солдат перейти на их сторону. Невероятно, но

звал себя “национал-коммунистом”. Только 1 ноября он уступил командование отрядом гораздо более радикальному Гергели Понграцу (по прозвищу “усач”). Однако даже Понграц говорил о своих “социалистических убеждениях”. Это примечательно с учетом его последующей праворадикальной деятельности в США (где он жил после 1956 года) и в Венгрии (куда он вернулся в 1991-м). В своей книге он пишет: “В Венгрии в 1956 году мы хотели превратить коммунистическую социальную систему в подлинную социалистическую систему”. См.: Gergely Pongrácz. *Corvin köz 1956* [Корвинский перешеек 1956] Чикаго: авторское издание, 1982. (Репринт в Будапеште, 1985, самиздат; 1989; 1992.), 25.

командиры нескольких танков так и поступили. Затем, в атмосфере почти праздничной, толпа численностью в 8000 — 10 000 человек двинулась в сторону здания парламента. Люди, охранявшие парламент и находящееся поблизости здание партийного руководства, не могли понять, кто входит на площадь Кошута. Были ли это русские танки или они принадлежали венгерской армии? Внезапно началась беспорядочная стрельба. До сих пор неизвестно, кто начал стрелять, но наиболее вероятной следует признать версию, что огонь открыли сотрудники венгерской тайной полиции, расположившиеся на крыше здания министерства сельского хозяйства, что напротив здания парламента. Достоверно лишь то, что при расстреле толпы погибло от 60 до 80 демонстрантов и еще 100—150 человек получили ранения. Вину за эту бойню венгры были склонны возлагать на тайную полицию*.

Так день 25 октября знаменовал еще один кризис восстания. Демонстранты, по которым открыли огонь, не видели иного выбора, кроме как перейти от программы реформ к программе революции. Будучи производными системы, которая проповедовала построение нового, социалистического общества, *повстанцы взбунтовались против неспособности власти воплотить идеал, а не против самого идеала; возможно, они восстали против собственных обманутых ожиданий социалистического будущего*. Показательно, что поначалу их основным требованием было возвращение к власти Имре Надя, то есть коммуниста-реформатора, снискавшего их уважение в 1953—1955 годах, а не адмирала Хорти, кардинала Йожефа Миндсенти или, например, президента Венгрии во время демократического периода 1945—1947 годов лидера партии мелких хозяев Золтана Тилди. Вероятнее всего, им и в голову

---

* Эндре Мартон, корреспондент “Ассошиэйтед Пресс” и венгр по рождению, прошедший несколько лет в коммунистических тюрьмах, находился в тот день на площади Кошута вместе с Джоном Маккормаком из “Нью-Йорк таймс”. Endre Marton. *The Forbidden Sky* (Boston: Little, Brown, 1971), 133—138. Мой рассказ о расстреле демонстрации на площади Кошута основан на свидетельствах Мартона, за исключением числа жертв, скорректированного на основе недавних архивных находок специалистами Института изучения революции 1956 года. Ср.: John McCormack. Reporter in Budapest Tells How Protest Grew into War. // *New York Times*, October 27, 1956.

не приходило поднимать вопрос о реприватизации крупных промышленных предприятий и банков или о возвращении огромных земельных угодий старорежимным помещикам; так называемые социалистические завоевания Венгрии, по крайней мере в сфере экономики, ни у кого не вызывали сомнений.

Первая стадия в Москве. Во многом благодаря исступленным депешам посла Юрия Андропова и донесениям советской разведки, не все в кремлевском руководстве были удивлены вспышке насилия в Венгрии. Как на основе рассекреченных документов установил Марк Крамер, советское министерство обороны уже в июле 1956 года начало готовиться к волнениям в Венгрии*. План под кодовым названием “Волна” предполагал, что порядок в стране будет восстановлен менее чем за шесть часов. Неизвестно, были ли у Кремля подобные планы для каждой страны советского блока, или же “Волна” свидетельствовала о блестящей работе советской разведки в Венгрии. Так или иначе, Советская армия была готова к действиям. К 24 октября, то есть менее чем за день после начала событий, в составе советских войск в Будапеште находилось более 30 000 человек.

Решение направить в Венгрию две дивизии с Украины и одну из Румынии, а также мобилизовать советские войска, расквартированные в самой Венгрии, было принято после столкновения повстанцев с полицией у Дома радио в Пеште. Просьба венгерской партийной верхушки о военной помощи поступила в советское посольство и затем к Хрущеву ранее вечером, однако советское политбюро, собравшееся на заседание около полуночи по московскому или в десять вечера по буда-

* Mark Kramer. The Soviet Union and the 1956 Crises in Hungary and Poland: Reassessments and New Findings. // *Journal of Contemporary History* 33, № 2 (April 1998), 163–214; см. цитату на с. 180. См. также: Mark Kramer. Hungary and Poland: Khrushchev’s CPSU CC Presidium Meeting on East European Crises, 24 October 1956. // *Cold War International History Project Bulletin*, issue 5 (Spring 1995), 1, 50–56; Tibor Hajdú. Az 1956. október 24–i moszkvai értekezés [Встреча в Москве 24 октября 1956 года] в *Évkönyv 1992* [Альманах Института изучения революции 1956 года, 1992] (Budapest: 1956-os Intézet, 1992), 149–156.

пештскому времени (или в четыре вечера по вашингтонскому), не сразу и не единогласно приняло решение о военном вмешательстве. Полезные, хотя и очень неполные записи этой встречи, известные как записи Малина, по имени высокопоставленного сотрудника аппарата ЦК КПСС Владимира Малина, свидетельствуют о том, что Микоян возражал против интервенции. Он также призвал ввести Надя в руководство (что и так происходило в эти самые часы) и положиться на то, что венгры сами восстановят порядок в стране. Сторонников жесткой линии возглавлял Вячеслав Молотов: он выступал за интервенцию и против Нады. В конце концов Хрущев одобрил план интервенции, согласился на возвращение Нады в руководство, но не в качестве председателя правительства, и отправил в Будапешт Микояна и Сулова*.

Вполне возможно, что, когда Хрущев говорил с Герё по телефону поздним вечером 23 октября, они пришли к решению ввести Нады в руководство, не дожидаясь одобрения со стороны советского политбюро. Когда Микоян и Сулов прибыли в Будапешт 24 октября, Кремль, безусловно, возлагал на Нады надежды. Благоприятный отзыв о Наде содержался в информационной сводке ТАСС, а введение Надем чрезвычайного положения произвело хорошее впечатление на советских властителей. На этой стадии революции, хотя положение оставалось неопределенным, Москва искала пути разрешения кризиса по польскому или югославскому сценарию. Позже в тот же день Хрущев говорил югославскому послу в Москве, что стремится найти политическое решение венгерского кризиса, хотя его слова

* О записях Малина и в целом об эволюции советских политических решений в отношении Венгрии см. перевод этих записей, выполненный Крамером и сопровождаемым его обширными комментариями: New Evidence on Soviet Decision-Making and the 1956 Polish and Hungarian Crises. // *Cold War International History Project Bulletin*, issues 8–9 (Winter 1966–67), 358–384. Ср.: János M. Rainer. Döntés a Kremlben, 1956: Kísérlet a feljegyzések értelmezésére [Решение в Кремле, 1956: попытка истолковать записи], в *Döntés a Kremlben, 1956: A szovjet pártelnökség vitái Magyarországról* [Решение в Кремле, 1956: дебаты в советском политбюро о Венгрии], ed. Vyacheslav Sereda and János M. Rainer (Budapest: 1956-os Intézet, 1996), 111–154; См. Также: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года: сборник документов, под ред. Е. Ореховой, В. Середы и А. Стыкалина (М.: РОССПЭН, 1998).

не убедили дипломата: “Казалось, что [Хрущев] не верит в подобный исход”*.

Несмотря на огромную огневую мощь и абсолютное превосходство над восставшими, успехи Советской армии были весьма ограниченными. К 25 октября радио перешло в ее руки, однако в целом город не был под ее контролем: в нескольких районах здания партийных органов и полицейские участки были заняты восставшими, отчасти благодаря тому, что охранявшие эти здания люди перешли на их сторону. Советская военная интервенция, подкрепляемая яростной коммунистической риторикой, лишь подлила масла в огонь антисоветского восстания, которое теперь выплеснулось за пределы Будапешта. Однако Кремль, несмотря на содержательные телеграммы Микояна и Сулова, еще не был готов к перемене курса. Члены политбюро строили козни друг другу вместо того, чтобы обсуждать альтернативные политические решения (примечательно, что то же самое происходило в эти дни в венгерском партийном руководстве в Будапеште). В Москве, что выглядело как продолжение постсталинской борьбы за власть, Булганин, Молотов, Каганович, Маленков и другие давали выход своей досаде, нападая на “либерального” Микояна, вероятно с целью лишить Хрущева его самого верного сторонника. Защищая отсутствующего товарища, Хрущев констатировал, что, хотя Микоян и выступал за невмешательство, советские войска стоят в Будапеште, имея в виду, что Микоян, хотя и оппонировал коллегам, верой и правдой проводил их решение в жизнь. “Микоян делает все, как обещал”, — добавил Хрущев, несомненно, понимая, что объектом нападков старой гвардии служит как Микоян, так и он сам**.

* Veljko Mićunović. *Moscow Diary* (Garden City, N.Y.: Doubleday, 1980), 127.

** Когда стали доступны записи Малина, исследователи сделали вывод, что это заседание советского политбюро состоялось 28 октября. Однако неподражаемый Марк Крамер, выступая в роли ученого-сыщика, обнаружил, что это заседание было плановым продолжением заседания, состоявшегося двумя днями ранее, 26 октября. См.: Working Notes from the Session of the CPSU CC Presidium on 26 October 1956, в кн.: M.Kramer. *New Evidence on Soviet Decision-Making and the 1956 Polish and Hungarian Crises*, 389.

Неопределенность и политическая борьба в Москве и Будапеште привели 28 октября к атаке советскими частями корвинцев. Приказ был отдан Военным комитетом венгерской компартии при поддержке нескольких “ястребов” из венгерского министерства обороны и советских военных властей, несмотря на резкие возражения председателя правительства Надя. К тому времени корвинцы установили рабочие, если не союзнические отношения с офицерами близлежащих казарм Килиан, которыми командовал полковник Пал Малетер; в результате, что достойно удивления, советские части не смогли выполнить задание и уничтожить повстанцев в районе кинотеатра “Корвин”.

Революция приближалась к своей первой кульминации. Притом что венгерская армия заняла выжидательную позицию, война между могущественной Советской армией и проявившими чудеса изобретательности повстанцами зашла в тупик.

Первая стадия в Вашингтоне и Мюнхене. Со стороны американцев ни Белый дом, ни Госдепартамент, ни ЦРУ, ни даже радио “Свободная Европа” не ожидали всплеска насилия в Венгрии. Правительственным аналитикам было кое-что известно о “брожении умов” в Венгрии и Польше, однако большинство из них считали Имре Надя и его сподвижников мягкотелыми титоистами, менее энергичными и проницательными, чем даже польский Гомулка. Когда распространилась оказавшаяся ложной весть, что Надя призвал на помощь советские войска, Вашингтон заключил, что его негативная оценка венгерского реформатора была справедливой.

Всецело поглощенный избирательной кампанией, президент США Дуайт Эйзенхауэр видел в венгерском восстании проблему, а не возможность политического успеха. На заседании Национального совета безопасности 26 октября его, казалось, больше всего беспокоило то, что слишком острая реакция Москвы на события в Венгрии приведет к большой войне. Не теряя хладнокровия, президент призвал внимательно следить за действиями Москвы, чтобы Кремль “поддавшись соблазну крайних мер, не развязал глобальную войну”*.

* Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers, 1955–1957 (Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1988), vol. 25, 299.

дании Гарольд Стассен, советник президента по вопросам разрушения, выступил с интересным предложением. Он предложил немедленно послать в Кремль заверения в том, что США не заинтересованы в привлечении Венгрии в НАТО, но рассмотрят возможность “нейтрализации” страны по австрийскому образцу. Поначалу президент отверг это предложение, но в течение дня передумал и предписал госсекретарю Джону Фостеру Даллесу обдумать его. Двадцать седьмого октября Даллес неявно сослался на это предложение Стассена в своей единственной речи, посвященной Венгрии: “Мы не рассматриваем эти страны [Венгрию и Польшу] в качестве возможных военных союзников. Мы видим их как часть новой, дружественной и неразделенной Европы”. Если им будет сопутствовать успех и они добьются освобождения, добавил Даллес, США, опираясь на свое экономическое могущество, “помогут [венграм и полякам] преодолеть трудности переходного периода”^{*}.

На данной стадии революции дипломатические действия Вашингтона этим и ограничились. Послания в духе речи Даллеса были направлены американской администрацией в Кремль и столицы союзных государств. После многих лет неустанных проповедей “освобождения”, теперь, когда настал момент истины, США не знали, что им делать. В кабинетах Белого дома не содержалось планов дипломатических или политических акций; о предоставлении военной помощи Венгрии или, пуше того, прямой интервенции, не могло быть и речи. Речь Даллеса, из которой Москва поняла, что США не станут оказывать венграм военную помощь, была благоразумной, но ничем не обоснованной. К.Д. Джексон, влиятельный политолог и адепт психологической войны, служивший в администрации Эйзенхауэра, а позже ставший личным советником президента, предсказывал ситуацию, сложившуюся после речи Даллеса. В августе 1953 года он предупреждал Белый дом, что “основная стоящая перед нами проблема, когда мы призываем к сопротивлению за железным занавесом, заключается в том, в какой мере мы готовы поддержать освободительное движение в случае серьезных волнений. Было бы безнравственно и неэффективно провоцировать резню, в результате которой погибнут

* Там же, 318.

лучшие люди и которая разрушит образ [Америки] у народов за железным занавесом”^{*}.

Альтернатива безвольной позиции официального Вашингтона была предложена в статье патриарха американской журналистики Уолтера Липмана, опубликованной 26 октября в “Вашингтон пост энд таймс геральд”^{**}. Отражая мнение многих профессиональных дипломатов, Липман утверждал, что “не в наших интересах, чтобы волнения в Восточной Европе зашли настолько далеко, чтобы сделать невозможными переговоры и урегулирование с Россией. ...В интересах мира и свободы — свободы и от деспотизма, и от анархии — нам следует надеяться, что на время, не навсегда, но на время восстания в странах-спутниках [СССР] ограничатся титоизмом”. Тем не менее в условиях, когда политические суждения окрашивались эмоциями, ни один политик в США или Западной Европе не смел рисковать карьерой, открыто поддерживая титоизм.

Правда, идея частичных перемен в социалистическом лагере не была совсем чужда вашингтонским политическим кругам. Достаточно вспомнить редко цитируемый пассаж в речи Даллеса 1952 года: “Нам не нужна череда кровавых восстаний и репрессий,” — писал будущий госсекретарь в знаменитой статье в журнале “Лайф”, в которой отстаивал идеи освобождения в противовес ценностям “реальной политики”. “Как показал Тито, мирный развод с Москвой возможен, — добавлял Даллес, — и порабощение может стать настолько невыгодным, что хозяин предпочтет отступить”^{***}. Возможно, администрация Эйзенхауэра могла бы

* Цит. по: Н. W. Brands Jr. *Cold Warriors: Eisenhower's Generation and American Foreign Policy* (New York: Columbia University Press, 1988), 124. Семнадцатого ноября 1956 года, меньше чем через две недели после подавления восстания в Венгрии Джексон, все еще встревоженный последними событиями, нашел в сложившейся ситуации и нечто позитивное: “Агрессивный, имперский коммунизм получил чудовищный удар в Польше и Венгрии”, — писал он чиновнику в Белом доме. “Двухмиллионная военная машина вкупе с военизированными организациями оказались непригодны для достижения целей советских хозяев. Мистическая оболочка “всемогущего” коммунизма дала течь”. Там же, 132.

** Walter Lippmann. How Far in Eastern Europe? // *Washington Post and Times Herald*, October 26, 1956.

*** John Foster Dulles. A Policy of Boldness.// *Life*, May 19, 1952, 146–160.

отталкиваться от подобных идей во внешней политике, но теперь, видимо, было уже слишком поздно. Политический климат в США, включая убывающее, но все еще ощутимое влияние маккартизма, исключал поддержку титоизма. Кроме того, к середине пятидесятых основным адвокатом титоизма в Восточной Европе выступал Джордж Кеннан, а Даллес не мог принять сторону своего недруга*. Наконец, даже если бы Вашингтону удалось преодолеть эти проблемы и поддержать “лимитационистский” подход Липмана, американское правительство вряд ли смогло насадить титоистские взгляды там, где это имело наибольшее значение, — на радио “Свободная Европа”. В довольно невразумительной памятке венгерской редакции, датируемой июлем 1956 года, говорится, что “титоизм” и “национал-коммунизм” — это лозунги и ярлыки, “которых мы не одобряем и прибегаем к которым не собираемся”**. Для того чтобы венгерская редакция призывала слушателей в Венгрии к сдержанности и рассудительности, руководству РСЕ пришлось бы нанять на работу целый штат новых редакторов, репортеров и радиоведущих.

Так или иначе, предложить Белый дом мог немного. *Оправдание его беспомощности пришло на смену мифу об освобождении и иллюзии всемогущества.*

Что касается Центрального разведывательного управления, оно оказалось настолько же беспомощным, как и Белый дом и Госдепартамент. Вопреки коммунистической пропаганде и утверждениям критиков, ЦРУ не имело никакого отношения к организации венгерского восстания. Согласно составленному в 1958 году внутреннему отчету, на 23 октября 1956 года у американской разведки был только один венгероговорящий агент в Будапеште, а за пределами Венгрии — только “семь или около того носителей венгерского языка... с весьма различными способностями”***. Во время восстания у ЦРУ “не было [вен-

* См.: H.W.Brands. *Cold Warriors*, 11 n13.

** RFE/New York Special Guidance, July 9, 1956. Архив РСЕ в институте Гувера.

*** CIA, *Clandestine Services Historical Series (CSHP 6): The Hungarian Revolution and Planning for the Future, 23 October—4 November 1956, Volume I of II* (MORI DocID: 1203072; части, рассекреченные по моей просьбе в марте 2005 года), 78. О личности единственного агента ЦРУ в Будапеште см. прим. ** на с. 14.

герской] команды”, члены которой могли бы взаимодействовать между собой; так, каждая “пограничная поездка” — предположительно в пограничные с Венгрией районы Австрии — была “попыткой независимого зондирования”*. Там, в пограничных районах офицеры разведки наряду с журналистами всех мастей, сотрудниками австрийских организаций и другими поджидали перебежчиков из Венгрии — очевидцев событий. Учитывая, что доходившая сюда информация относилась главным образом к западной Венгрии, ЦРУ черпала недостающие сведения о событиях в стране из будапештских сообщений таких превосходных журналистов, как Джон Мак-Кормак из “Нью-Йорк таймс”. Притом что единственный резидент ЦРУ в Будапеште был практически оторван от внешнего мира, разведка “не получала регулярных донесений из центра революции в Будапеште”**.

Между 26 октября и 4 ноября в Венгрию проникли два агента ЦРУ. Один из них, “немного зная язык... проехал по Венгрии, вернулся обратно и написал превосходный отчет об увиденном”. Второй въезжал в страну дважды, встречался со студентами и успел выбраться из Венгрии перед самым началом советского вторжения 4 ноября***. В целом донесения в штабквартиру ЦРУ из Венгрии были скудными (по одному в день с 24 по 26 октября), однако 27 октября последовало два донесения. “До этого дня [27 октября], — говорится в упоминавшемся внутреннем отчете ЦРУ, — они [то есть штаб-квартира ЦРУ] не обладали информацией, так же как не обладали ею и американские радиоконпании и газеты, а поэтому [они] пытались реагировать на ситуацию, к которой оказались совершенно не готовы”****.

Запрашивая в последней из этих телеграмм инструкции в отношении дальнейших действий, “в особенности относительно отправки в Венгрию оружия и боеприпасов”, европейское отделение ЦРУ 28 октября получило недвусмысленный

* Там же, 79. Должно быть, в приграничные районы направлялись “внештатники”, так как “кадровым агентам... было запрещено” посещать приграничную полосу. Там же, 80.

** Там же, 83.

*** Там же, 85.

**** Там же, 90.

ответ. В инструкциях говорилось, что “мы должны ограничиться сбором информации; агенты, направляемые в приграничные районы, *не должны участвовать ни в каких действиях, способных обнаружить заинтересованность США или навлечь обвинения в интервенции*; [слово вычеркнуто] должен попытаться получить сведения о личностях активистов; через некоторое время, возможно, будет дано разрешение переправлять [в Венгрию] радиооборудование”. На следующий день штабквартира ЦРУ послала в Европу еще более категоричную депешу, запрещающую переправлять в страну американское оружие и боеприпасы. На практике, однако, этот запрет мало что значил, потому что “на это время никто не навел точных справок о местонахождении и характере американского или иного оружия, находящегося в распоряжении ЦРУ [предположительно в Западной Европе]”. Это было сделано только в декабре*.

Что до радио “Свободная Европа”, венгры гораздо больше прислушивались к голосу из Мюнхена, чем к словам вашингтонских политиков и чиновников. При этом с самого начала венгры слышали по «Свободной Европе», что *им не нужно доверять правительству Имре Надя, но следует продолжать стремиться к достижению всех поставленных целей, включая, разумеется, свержение правительства Надя*. Программы РСЕ не призывали к рассудительности и осторожности. В них не было цитат из западной прессы, где объяснялось двойственное положение Надя. Радио ничего не говорило о возможности титоистского сценария, или о могуществе и решимости Советской армии, или же о политических дилеммах на Западе. Радио даже не обмолвилось о том, что, поглощенная избирательной кампанией, администрация Эйзенхауэра и не думает оказать Венгрии военную помощь (хотя справедливости ради следует отметить, что, вопреки утверждениям критиков РСЕ, только в одной программе после начала советского вторжения 4 ноября утверждалось, что Запад *окажет* Венгрии военную помощь).

После того как в середине 1990-х годов были найдены и сделаны общедоступными записи радиопередач РСЕ того пе-

* Там же, 91–92. Курсив в оригинале.

риода*, не осталось сомнений в том, что тон многих комментариев был откровенно подстрекательским. В феврале 1957 года на закрытом заседании редакции РСЕ, посвященном оценке деятельности радиостанции во время венгерского кризиса, это признал и Уильям Гриффит, политический советник “Свободной Европы”. Отвечая на вопрос сотрудника, как следовало поступить редакции в случае еще одного восстания в Восточной Европе, Гриффит сказал, что, согласно новым инструкциям из Нью-Йорка, теперь РСЕ ограничилась бы только новостями и анализом и не стала бы принимать ту или иную сторону в конфликте или проповедовать собственные убеждения. Последовал вопрос: “Говорили ли бы мы открыто, что у восставших нет надежды?”. Гриффит: “Не открыто, только

* История записей венгерского вещания РСЕ показательна с точки зрения обеспокоенности американских и в особенности немецких властей содержанием радиопередач в конце 1956 и в 1957 году. Учитывая, что с 1955 года Западная Германия была суверенным государством, власти опасались, как бы общественное мнение не поставило под угрозу деятельность РСЕ в Мюнхене. Именно на этом фоне началась запутанная история с “венгерскими пленками” РСЕ, относящимися к октябрю – ноябрю 1956 года: в декабре 1956 года министерство иностранных дел ФРГ затребовало их, чтобы установить правомерность общественных обвинений в адрес РСЕ на предмет провокационности передач радиостанции. В январе 1957 года, после краткого ознакомления с содержанием передач, канцлер Конрад Аденауэр объявил о результатах проверки: РСЕ не нарушила свой устав. Немцы вернули пленки на радио. Но позже, в июле 1957-го, немецкий МИД и РСЕ договорились о передаче пленок МИДу, чтобы они не попали в руки суда по трудовым спорам Германии. Причина крылась в том, что уволенные с РСЕ журналисты грозились использовать пленки в ходе рассмотрения судом их иска о восстановлении в должности. Пленки оказались в федеральном архиве Германии в Кобленце и пролежали там почти сорок лет. Наконец пленки были переданы на венгерское радио и теперь, после технической обработки, они доступны в коллекции РСЕ/РС института Гувера, библиотеке Сечени в Будапеште и в федеральном архиве Германии в Кобленце. Согласно Дюле Борбанди, Gyula Borbándi. *Magyarok az Angol Kertben: A Szabad Európa Rádió története* [Венгры в английском саду: история радио «Свободная Европа»] (Budapest: Európa, 1996), 288–290, одно из тринадцати увольнений было особенно странным и несправедливым. Речь идет о Викторе Марьяше, журналисте, который в дни революции протестовал против ядовитых нападок РСЕ на Имре Надя. Его следовало бы наградить. В 1974 году Марьяш по невыясненным обстоятельствам совершил самоубийство.

косвенно. Мы бы доносили эту мысль посредством новостей и комментариев”*

С точки зрения содержания вещание РСЕ в период кризиса 1956 года не выдерживает критики. Спорный вопрос: кто был виноват в захлестнувшей РСЕ истерии — штаб-квартира ЦРУ в Вашингтоне, управление РСЕ в Нью-Йорке, ее американские руководители и советники в Мюнхене или эмигранты в венгерской редакции**? Или же, как отмечалось в главе 3, проблема уходила корнями еще глубже — в американскую политическую культуру, побуждавшую вашингтонских политиков делать вид, что победа возможна?

“Свободная Европа” относилась к Надю с большим скепсисом. В конце концов, именно Надь 24 октября ввел в Венгрии режим чрезвычайного положения. В тот день обозреватели РСЕ справедливо отмечали, что, если Надь не изменит своей политики, те же люди, которые привели его к власти, снимут его с поста. Двадцать пятого октября, после того как Надь заявил о намерении обсудить с Кремлем вопрос о выводе советских войск и обещал пойти на еще большие уступки восставшим, РСЕ в эмоциональной передаче наставляла Надя в том, что ему следует делать. “Ненадежные обещания” Надя, возглашал журналист, доказывают, что его правительство все еще не готово удовлетворить законные требования народа. Чуть позже другой репортер “напоминал” Надю, как “униженно он обращался к народу” по радио, как “дрожащим голосом он обещал амнистию”. Тот же репортер “предупреждал” Надя, что “вчерашняя популярность может смениться отвращением”. Недопустимо высокомерный тон ведущих только усугублял радикальность этих радиопередач — едва ли венгерская редакция понимала роль Надя в восстании и стоявшую перед ним дилемму***.

* G. Borbándi. *Magyarok az Angol Kertben*, 286.

** Подробнее вопрос об ответственности, на основе исследования всех существующих документов, будет, вероятно, освещен в фундаментальной истории РСЕ А. Росса Джонсона. Тем временем читатели могут обратиться к источникам, указанным в главе 3, в частности к пронизательной работе Арча Паддингтона. В моей книге уделено больше внимания содержанию и возможному воздействию передач РСЕ, а не внутренним делам радиостанции.

*** Комментарий из выходящих в эфир радиопередач РСЕ прост-

В относительно более уравновешенной передаче Андор Геллерт, глава венгерской редакции РСЕ, поставил вопрос об ответственности Надя за ввод советских войск. Геллерт отметил, что, возможно, решение обратиться к Москве за военной помощью было принято не Надем, что звучало вполне разумно, однако затем ведущий сказал, что это в конечном счете не имеет значения: Надю “нет оправдания”, так как он принял “наследство” своих предшественников. Короче говоря, он совершил “предательство” независимо от того, призывал ли он Советскую армию в страну или нет. Геллерт назвал Надя человеком с “печатью Каина на челе”*. Хуже того, через несколько дней, когда Надь занял более примирительную позицию по отношению к восставшим, нападки РСЕ стали еще более частыми и истеричными. Двадцать шестого октября: “Новому премьер-министру не нужно ничего обещать, народу не нужна его программа, не нужно его лживое правительство Народного фронта, не нужно его риторическое искусство, ни одно [его] слово. ...Момент упущен уже давно. Момент был упущен, когда первый мученик в этой битве за свободу упал на мостовую. Имре Надь упустил момент. Но у него есть еще последняя возможность. [Он все еще может последовать] велению родины и народа. Долой русских! А если нет, долой его самого!”**.

ранно цитируются в работе Юдит Катона и Дьёрдя Вамоша: Judit Katona and György Vámos. Nagy Imre és a Szabad Európa Rádió 1956-ban [Имре Надь и РСЕ в 1956 г.], в *Nagy Imre és kora: Tanulmányok és források* [Имре Надь и его эпоха: исследования и источники] (Budapest: Nagy Imre Alapítvány, 2002), 139–190. Благодаря Габору Ханаку из будапештской библиотеки Сечени я прослушал все эти записи и располагаю текстом некоторых из них. Все переводы выполнены мной.

* J. Katona and G. Vámos. Nagy Imre és a Szabad Európa Rádió, 156–58. Подробно анализируя радиопередачи РСЕ, Уильям Гриффит похвалил комментарий Геллерта, однако затем рассудительно добавил: “Геллерту следовало по крайней мере упомянуть, что мы, возможно, не знали о некоторых особенностях положения Надя, а поэтому наши оценки могли быть только гипотетическими”. Именно таких принципов следовало бы придерживаться венгерской редакции РСЕ в дни кризиса. См. текст обзора Гриффита, датированного 5 декабря 1956 года: Policy Review of Voice for Free Hungary Programming, October 23–November 23, 1956, в *The 1956 Hungarian Revolution: A History in Documents*, ed. Csaba Békés, Malcolm Byrne, and János M. Rainer (Budapest: Central European Press, 2002), 464–484.

** J. Katona and G. Vámos. Nagy Imre... 159–161. Согласно Гриффиту,

Вечером 26 числа враждебная антинадевская риторика достигла апогея. “Советские танки прибывают по приказу Имре Надя, у которого руки по локоть в венгерской крови,” — изрыгал проклятия радиоведущий. “Вы, Имре Надь, должны остановиться, пасть на колени перед нацией как кающийся грешник, попытаться искупить страшное злодеяние, не навлекать на нас советские полчища. Если вы все еще хотите придать подобие осмысленности своей напрасной жизни, у вас остался только один шанс: крикните “стоп!” советским наемникам, которых вы преступно спустили с цепи на наш народ! После этого — “руки вверх!” — подчинитесь непреклонной воле народа”*. Истолковать эту речугу можно лишь предположив, что автор не имел ни малейшего представления о мыслях, поступках и ожиданиях послевоенного поколения венгров; так или иначе, обозреватель мог подумать хотя бы о том, что на тот день в Венгрии попросту не было эффективной замены действующему премьер-министру.

Противоречивые чувства вызывает и то, что РСЕ убеждала венгров сражаться до победного конца, что явно или косвенно прослеживалось в каждой новостной или аналитической передаче. Наверное, по-другому и быть не могло. РСЕ была учреждена в соответствии с американской доктриной освобождения Центральной и Восточной Европы, а теперь развал коммунистического режима в Венгрии казался как никогда близок. Этого дня ждали редакторы и журналисты РСЕ, а также их шефы в Мюнхене, Нью-Йорке и Вашингтоне. Томясь в изгнании, многие из проживавших в Западной Германии венгров мечтали вернуться на родину. Их волнение было настолько же понятным, насколько и необузданным. Удивительно, впрочем, что Гриффит назвал “перевозбужденной” только одну радиопередачу тех дней. Позже он говорил, что 24 октября, в начале восстания, обозревателю не следовало открыто призывать венгров к вооруженной борьбе; он не должен был говорить, что “нет, мы более

этот комментарий был “начисто лишен... скромности” и, наряду с иными инвективами в адрес Надя, не соответствовал общей вещательной политике РСЕ. Во всяком случае, истеричный тон ряда этих передач не был следствием приказов, просьб или предложений американского руководства РСЕ.

* J. Katona and G. Vámos. Nagy Imre... 162–163.

не можем удовлетвориться словами и половинчатыми решениями... не прекращайте борьбу, пока не получите ответов на самые животрепещущие вопросы”*. Схожие призывы звучали и в других передачах РСЕ.

Тем временем в самой Венгрии первая стадия восстания подходила к концу, и конфронтация постепенно уступала место осторожным попыткам взаимодействия между восставшим народом и правительством.

4

Двадцать восьмого октября, после относительно спокойного дня, когда повстанцы вступили в переговоры с властями, и в частности с Надем, началась вторая, *координационная фаза* революции. В течение нескольких дней события, казалось, развивались в правильном направлении — настроения в Будапеште были мирными, даже оптимистичными.

Эта стадия началась с героической защиты корвинцев — они отстояли свой рубеж, отразив атаку советских войск; с приказа Надя об общем и немедленном прекращении огня; с создания нового правительства, в которое вошло несколько некоммунистов, как, например, Золтан Тилди и Бела Ковач, и с формирования узкого состава президиума компартии из шести человек, а именно четырех центристов (Кадара, Антала Апро, Кароя Кишша и Ференца Мюнниха) и двух реформаторов (Надя и Золтана Санто). Эта стадия завершилась восстановлением многопартийной системы по образцу 1945–1947 годов; формированием новой Национальной гвардии, состоявшей из полицейских, военных и представителей повстанческих групп; а также важным заявлением советского правительства о намерении немедленно вывести свои военные части из Будапешта и начать переговоры с Венгрией (и Румынией) о выводе Советской армии с территории двух этих стран. Однако на этой стадии не обошлось и без эксцессов: 30 октября группа разгневанных повстанцев напала на здание комитета компартии, что привело к отвратительному линчеванию дюжины или более партийных

---

* W. Griffith. Policy Review, 473.

чиновников и сотрудников тайной полиции. Ужасная, постыдная сцена попала в теленовости всего мира, создавая ложное представление о революции как раз в те дни, когда она, казалось, входила в мирное русло.

Вторая стадия в Будапеште: Имре Надь и правительство. Днем 27 октября состоялась драматическая встреча между Надем и несколькими его старыми сподвижниками. Встреча произошла благодаря своеобразному маневру, к которому, отчаявшись получить аудиенцию у Надя, прибегли несколько его радикальных сторонников, в том числе Гимеш, Силади, Тамаш Ацел и другие. Они собирались убедить Надя изменить курс правительства и сочли, что им будет проще встретиться с премьером, если они представятся членами делегации рабочих; они нашли двух рабочих из пролетарского района Андялфёльд и вместе отправились к Надю. Это была непростая встреча. Делегация, состоявшая из десяти мужчин и одной женщины, пыталась уговорить Надя оставить главное здание партийного руководства и перенести свой рабочий кабинет в полицейское управление Будапешта или в парламент. Они говорили ему о падении его популярности, о том, что в народе его называют “Имров”, а не Имре, подразумевая, что он превратился в марионетку Советов. Они хотели вновь увидеть “настоящего” Надя. Неизвестно, действительно ли эта беседа потрясла до крайности уставшего Надя и действительно ли он рыдал при встрече со старыми товарищами (как позднее показывал на допросах Гимеш*).

Так или иначе, но эта встреча сказалась на поведении Надя. Уже вскоре после нее, во время консультаций и заседаний политбюро председатель правительства выступил за изменение политики в отношении восставших. Удивительно, но его в этом поддержал Кадар. Новое в позиции Кадара, в частности его нежелание использовать военную силу против рабочих, произвело впечатление и на советских эмиссаров, и на центристов. На стороне Кадара выступило большинство ЦК. В советском по-

* Показания Гимеша 22 марта 1957 года, Венгерский национальный архив, XX-5-h, vol. 33, 16–29. См. также: Sándor Révész. *Egyetlen élet: Gimes Miklós története* [Удивительная жизнь: история Миклоша Гимеша] (Budapest: 1956-os Intézet and Sík Kiadó, 1999), 309–312.

сольстве Надь и Кадар встретились с Микояном и Суловым. После этого Надь обратился за помощью к своим союзникам-интеллектуалам, включая Доната, Лошонци и Вашархейи.

Несмотря на недостаток документов о содержании всех этих встреч, доподлинно известно, что на решающем заседании политбюро 28 октября Надь впервые открыто выступил за изменение курса. Присутствовавший на заседании в качестве “гостя” Микоян, настроенный скептически, но не враждебно, сказал: “Мы уважаем товарища Надя, мы считаем его честным человеком, но иногда он слишком поддается влиянию других. Необходимо проявить твердость и занять решительную позицию”. Надь, очевидно, уверенный в себе, ответил, что он не собирается “проявлять твердость”, когда интересы партии требуют, чтобы он «сделал шаг вперед»*.

Все еще верный марксистско-ленинским принципам, Надь превратился в нечаянного революционера.

Он осознал, что самое главное сейчас — идеологическая переоценка ситуации. Он заключил наконец, что в стране происходит народное восстание, а не контрреволюционный мятеж. Он был готов к сотрудничеству с рабочими, студентами и солдатами, добивавшимися независимости от СССР, он был готов к созданию коалиционного правительства, основанного на политическом плюрализме и социалистической экономике. Это было больше, чем предлагавшиеся им в начале пятидесятых “реформы”, однако новые цели теперь казались ему приемлемыми, если не привлекательными. Получив утром того дня “зеленый свет” в советском посольстве, Надь с помощью десяти или более своих старых сподвижников принялся составлять текст радиообращения, с которым собирался выступить вечером.

В своей речи Надь отказался от прежнего взгляда на восстание как на “контрреволюцию”. Мы стали свидетелями, сказал он, “грандиозного движения демократических сил”. Он поставил себя и свое правительство во главе борьбы, направленной на обеспечение “нашей национальной независимости, самостоятельности и суверенитета”, развитие венгерского общества, его экономической и политической системы в соответствии с

* См. протокол этого крайне важного заседания: *Ötvenhat októbere és a hatalom*, ed. Horváth and Ripp, 101–7.

принципами демократии, “поскольку только это может быть основой социализма в нашей стране”. Он объявил о всеобщем прекращении огня. Он пообещал, что участники восстания не будут подвергаться преследованиям. Он обещал распустить ненавистную тайную полицию (УГБ). Он сказал, что дал указание вооруженным силам открывать огонь только в том случае, если они подвергнутся нападению, и выразил готовность вступить в переговоры с повстанцами. Он сообщил, что его правительство и советское правительство договорились о немедленном выводе советских войск из Будапешта. Наконец, что явилось важным символическим жестом, он предложил парламенту восстановить герб Кошута в качестве национального герба Венгрии, а 15 марта (день начала революции 1848 года в Венгрии) вновь провозгласить национальным праздником*.

Учитывая, что в руководстве было по-прежнему много “умеренных” коммунистов, общественность не сразу осознала масштабность происходящих перемен. Несмотря на прогрессивность речи Надя, народ встретил ее прохладно, хотя бы потому что люди утратили доверие к словам в дни боев, хаоса и лжи. Возможно, речь Надя вызвала бы большее воодушевление, будь общественность осведомлена об отъезде из страны четырех презираемых сталинистов из старой гвардии — Герё, Хегедюша, бывшего министра внутренних дел Ласло Пироша и бывшего министра обороны Иштвана Бата. Тем вечером, под покровом тьмы, их тайно вывезли из Будапешта на советский военный аэродром и отправили в Советский Союз**.

Двадцать девятого октября премьер-министр Надя покинул здание партийного руководства на улице Алкотмань и переехал в свой прежний рабочий кабинет в здании парламента. Тем самым он будто пытался освободиться от влияния старых партийных коллег, тянувших его назад. Позже в тот же день он впервые за неделю, с той самой минуты как началась революция, отправился к себе домой на улицу Оршо. Утром 30 октября, выспавшийся и бодрый, он был готов к еще более радикальным шагам навстречу восставшим. Он переговорил с Микояном и Суслым, которые вновь были в Будапеште. С Микояном и Сусло-

* См.: Советский Союз и Венгерский кризис, 441–443.

** См.: András Hegedüs. *A történelem és a hatalom igazságában* [Зачарованная историей и властью] (Budapest, Kossuth, 1988), 305–307.

вым встречался и Кадар. У Тилди, фактического заместителя Надя, состоялась часовая беседа с Микояном — наедине они обсуждали восстановление многопартийной системы, и, согласно Тилди, Микоян “все принял”*.

Впервые за долгое время слова и действия Надя отвечали требованиям народа. В историческом радиобрешении к нации, переданном по радио в 2.28 пополудни 30 октября он сказал: “В интересах дальнейшей демократизации жизни страны мы ликвидируем однопартийную систему и устанавливаем правление на основе демократического сотрудничества коалиционных партий, возрожденных в 1945 году. В соответствии с этим в рамках Национального правительства создан узкий кабинет, членами которого являются Имре Надь, Золтан Тилди, Бела Ковач, Ференц Эрдеи, Янош Кадар, Геза Лошонци и один представитель, который будет позже назначен социал-демократической партией [им оказалась Анна Кетли]**”.

Несмотря на прежнюю или теперешнюю партийную принадлежность, демократы теперь составляли большинство в кабинете министров. К ним относились Тилди, Ковач, Лошонци и Кетли. Надь, очевидно, готов был воспринять наиболее передовые идеи. Эрдеи, номинальный генеральный секретарь Национальной крестьянской партии, а в действительности тайный член компартии, был действенным администратором и политическим долгожителем неопределенных взглядов. Наконец, Кадар был коммунистом-центристом, которому вскоре было суждено предать своих коллег и товарищей. Так, при всей разномасштабности состава правительства, в нем присутствовали зачатки “новой” Венгрии по образцу “демократической интерлюдии” 1945–1947 годов. *Примечательно, что новое правительство было сформировано при полной поддержке Микояна.*

Казалось, что революция победила.

Выступивший после Надя изможденный и однако торжествующий Тилди выразил чувства, которые испытывали в те дни многие венгры. Бывший кальвинистский священник, он сумел найти нужные слова: “Венгры! Братья! Глубоко потрясенный, я

* Эти слова Тилди стали известны благодаря Йожефу Кёваго, деятелю партии мелких хозяев и бывшему бургомистру Будапешта. См.: József Kovágó. *You Are All Alone* (New York: Praeger, 1959), 197–202.

** См.: Советский Союз и Венгерский кризис, 471.

стою перед микрофоном. Я не написал заранее своей речи, поэтому, возможно, в ней не все будет складно сказано, но я с любовью и радостью, переполняющими мое сердце, приветствую нашу дорогую венгерскую молодежь. ...Мы — малая нация, но мы хотим свободно жить в нашей стране, жить своей национальной жизнью. Я убежден, что если народы и руководители Советского Союза увидят, что они ведут переговоры не с униженной, а со свободной нацией, с представителями свободной нации, то отношение будет другим — между нами будет больше взаимопонимания, уважения и любви. ...Пусть больше не будет жертв, не будет разрушений! Будем же достойны самих себя, этого исторического момента, обеспечим мир и порядок в нашей стране! Радуйтесь, братья-венгры, и трудитесь!”*

Вторая стадия в Будапеште: повстанцы. “Улица” с понятным скепсисом встретила объявленное Надем 28 октября прекращение огня и перемирие. В конце концов, на предшествующей стадии революции у восставших не было особых причин рассчитывать на искренность или умеренность партийного руководства или правительства. Повстанцы, даже те из них, кто верил в серьезность заявлений правительства, еще не были готовы сложить оружие, не в последнюю очередь потому, что военный комитет партии и различные группы сотрудников тайной полиции не разделяли политику Надя. Тем не менее, несмотря на одиночные выстрелы, бои на улицах Будапешта прекратились.

На этой координационной или переходной стадии произошли два важных события: одно многообещающее, другое — ужасное и роковое. Первым событием стало создание Национальной гвардии под командованием генерала Белы Кирая. Кирай был кадровым военным, при сталинистском режиме он по сфабрикованному обвинению был приговорен к смертной казни, замененной пожизненным заключением. Освобожденный из тюрьмы в канун революции, он предложил свои недюжинные организаторские способности Надю. Действуя самостоятельно, но с ведома Надя, Кирай преследовал цель объединить силы полиции, вооруженных сил Венгрии и наиболее ответственных повстанческих групп. Эта задача представлялась сложной не

* Там же, 471-73.

только из-за подозрительности в отношениях повстанцев, с одной стороны, с армией и полицией — с другой. Дополнительные трудности создавало жесткое соперничество между группами повстанцев; между лидерами каждой из этих групп и членами повстанческих отрядов, не всегда доверявшими своим командирам; а также между принявшими сторону Надя военачальниками, как то Кирай и полковник Пал Малетер из казарм Килиан (которому через несколько дней предстояло стать министром обороны)*. Тем не менее, несмотря на профессиональное соперничество или неприязнь между различными силами, Национальная гвардия была все-таки сформирована. Казалось, что она должна сыграть ключевую роль в консолидации завоеваний революции.

Разумеется, сложности этим не исчерпывались. Так, особенно тяжело было договориться с Йожефом Дудашем, самопровозглашенным главой “Национального революционного комитета”, который был одним из наиболее ярких, но не мудрых деятелей революции 1956-го. Противник Москвы, один из организаторов антифашистского подполья в Венгрии и национал-коммунист Дудаш был арестован еще в 1947 году и вышел из тюрьмы только в 1954-м. В 1956-м он одним из первых в Будапеште организовал повстанческий отряд, во главе которого захватил редакцию коммунистической ежедневной газеты “Сабад Неп”. Несмотря на то что Надя в конце концов сел с ним за стол переговоров (30 октября), Дудаш отказался признать правительство Надя; более того, он провозгласил создание собственного революционного правительства. (На последней стадии восстания его даже арестовали, но выпустили по приказу Надя).

Куда больший ущерб делу революции нанесло линчевание сотрудников тайной полиции и, возможно, коммунистов на площади Республики (площади Кёзтаршашаг), перед зданием городского комитета компартии 30 октября. Тем утром по горо-

* Генерал Кирай эмигрировал в США после советского вторжения, получил докторскую степень по военной истории в Колумбийском университете, сделал выдающуюся академическую карьеру в США, а в 1989 году вернулся в Венгрию. Он автор многих трудов по военным аспектам революции 1956 года. См., например: *The Hungarian Revolution in Retrospect*, ed. Béla K. Király and Pál Jonás (Boulder, Colo.: East European Monographs, 1977).

ду распространились слухи, что под площадью скрываются катакомбы, в которых содержатся политические узники. Вскоре перед зданием собралась большая толпа; кто-то стал говорить, что слышит из-под земли крики о помощи. Чтобы найти ходы в подземелье, в здание попытались проникнуть вооруженные мятежники, но их арестовали. В последовавшей схватке охранники из органов безопасности открыли по толпе огонь. Прибыли танки. Перестрелка усилилась. Сотрудников госбезопасности выволокли из здания на улицу и казнили самосудом. Там же был убит Имре Мезё, секретарь будапештского горкома партии и сторонник Надя. Катакомбы и политических узников обнаружить так и не удалось*.

Итак, на этой стадии восстания повстанцы вступили в переговоры с представителями правительства и даже достигли некоторого взаимопонимания; тем не менее лишь немногие из участников уличных боев верили, что революция победила. То, что отношения между правительством и восставшими не развивались гармонично, объяснялось медлительностью и непродуманностью новой политики Надя, а также неопределенностью в отношении истинных намерений правительства и Кремля.

Вторая стадия в Москве. Между 28 и 30 октября советское политбюро вплотную занималось венгерскими делами. В своей оценке событий Кремль опирался главным образом на отчеты Микояна, Сулова и главы КГБ Ивана Серова, а также на донесения советского посла в Будапеште Андропова**.

* Один из моих русских собеседников, имя которого я не вправе называть, утверждал, что кто-то из советского посольства видел сцену линчевания и доложил об этом начальству. Согласно этому источнику, воспоминания о том дне преследовали госпожу Андропову, супругу посла, в течение многих лет. Хотя у меня нет возможности проверить эту историю, я нахожу ее вполне правдоподобной, учитывая то, что мой собеседник заслуживает безусловного доверия, а также то, что я сам оказался свидетелем этой сцены. Я и сейчас вижу, как разъяренная толпа глумится над трупами убитых. Спешу заметить, что это было исключением из правил; насколько мне известно, это был единственный подобный эпизод за все дни восстания.

** О событиях того дня в Кремле см., в частности, записи Малина и реконструкцию событий Марка Крамера: *Cold War International History Project Bulletin*, issues 8–9 (Winter 1996–1997), где опубликованы две статьи

Двадцать восьмого октября большинство членов политбюро продолжало выражать озабоченность поведением и Надя, и Кадара. Они справедливо считали Кадара новым союзником Надя и понимали, что тот готов обойтись без советской помощи. Опасаясь упреков в пораженчестве и шадя свою гордость, политбюро всячески настаивало, чтобы вывод советских войск из Венгрии не выродился в “капитуляцию”. Климент Ворошилов, раздосадованный пассивностью Микояна и Сулова, как всегда попал пальцем в небо: опираясь на ничем не обоснованный отчет Серова он заявил, что “американская агентура” действует в Будапеште активнее, чем советская сторона. Хрущев, который еще не был готов принять окончательное решение, рассмотрел предложения коллег и высказался за обращение к Китаю, Болгарии, Польше, Чехословакии и Югославии, в котором Москва выразила бы свою приверженность “общему делу”. Несмотря на обеспокоенность новым подходом венгерской компартии к “национальному восстанию” и союзом между Надем и Кадаром, советское политбюро неохотно проголосовало за поддержку изменившейся позиции венгерского руководства.

Хрущев, который был слаб и нерешителен 28 октября, 30-го предстал другим человеком. Основываясь на телефонных разговорах с Микояном, он заключил, что Кадар теперь “ведет себя хорошо”. Значительную часть заседания Хрущев посвятил обсуждению проекта декларации об отношениях СССР с Восточной Европой. Выступили и другие члены политбюро. Максим Сабуров: “Надо пересмотреть отношения. На равной основе надо строить отношения”. Георгий Жуков: “Перестройка [наших отношений с Восточной Европой] после XX съезда задержалась. ...Сказать, XX съезд осудил умаление равноправия”. Дмитрий Шепилов: “Ходом событий обнаружился кризис наших отношений со странами народной демократии. ... С согласия правительства Венгрии мы готовы вывести [войска]”. Николай Булганин: “Не смягчать самокритику, были допущены ошибки”. Удивительно, но эту позицию поддержал даже Молотов: “Декларацию объявить. Объяснить нашу позицию”. Хрущев: “Есть два пути. Военный — путь оккупации. Мирный —

Крамера: *New Evidence on Soviet Decision-Making and the 1956 Polish and Hungarian Crises*, 358–384, и *The “Malin Notes” on the Crises in Hungary and Poland, 1956*. Translated and Annotated by Mark Kramer, 385–410.

вывод войск, переговоры”. Хрущев резюмировал сказанное, выступив за невоенный, политический подход: “[Высказались] единодушно. На первом этапе — Декларацию выпустить”.

Декларация*, вкратце, знаменовала попытку Кремля распространить процесс десталинизации на отношения СССР с странами советского блока. Ранее советские властители уже говорили о “социалистической законности” во внутренних делах и о “мирном сосуществовании” с Западом. Однако, несмотря на улучшение отношений с Югославией Тито, Кремль никогда еще не пересматривал межпартийные и межгосударственные отношения со своими мнимыми союзниками. Вероятно, переоценка отношений с Польшей и Венгрией началась в июле 1956 года, после познаньского восстания — декларация должна была формализовать решение Советского Союза позволить венграм и полякам решать свои проблемы самостоятельно, без кремлевской указки и при условии вывода войск из Венгрии, Польши и Румынии. (В декларации ничего не говорилось о советских войсках в Восточной Германии.) Что касается положения в Венгрии, советское руководство заявило о своей готовности вывести войска из Будапешта, как только это покажется целесообразным венгерскому правительству. В декларации также выражалось намерение начать переговоры о присутствии советских войск на всей территории Венгрии**.

Опубликованная в “Правде” 31 октября советская декларация стала сенсацией. Искренни ли были советские вожди? Декларацию приветствовали в Венгрии и во всех странах соцлагеря; западные эксперты называли ее большим шагом в верном направлении. Как свидетельствуют протокольные записи заседаний советского руководства, в Кремле этот документ принимали без задней мысли. *На тот день декларация действительно отразила намерения советского правительства.*

Вторая стадия в Вашингтоне и Мюнхене. Соединенные Штаты оказались не на высоте положения. Правительство США

* “Декларация правительства Союза ССР об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и другими социалистическими государствами” от 30 октября 1956 года.

** Там же.

одобрило советскую декларацию, но не предложило ничего в ответ. Двадцать восьмого октября, когда в Будапеште установилось относительное затишье, внимание переключилось на Ближний Восток: в Вашингтон стали поступать первые донесения о британо-французско-израильской мобилизации. Госсекретарь Даллес сказал британцам и французам, что их действия ослабят позиции Запада в отношениях с Москвой; тем не менее ни открытые источники, ни рассекреченные с тех пор документы не позволяют утверждать, что Суэцкий кризис сыграл сколь-нибудь значительную роль в контексте венгерских событий. Мне представляется, что он не оказал влияния ни на Вашингтон, ни на Москву. В конце концов, у Вашингтона никогда не было планов дипломатически или иным образом отвечать на действия Москвы в Венгрии. Что касается советских вождей, то поначалу они вовсе не знали о разногласиях, возникших между западными державами в вопросе Суэцкого кризиса; не исключено, однако, что *выбор времени* для вторжения в Венгрию был связан с тем, что западные правительства увязли в Суэце.

Тем временем в дипмиссии США в Будапеште все еще не хватало квалифицированных сотрудников. (Новый посланник, Эдвард Т. Уэйлс, который, как оказалось, не обладал необходимыми для этой должности качествами, прибыл в Будапешт 2 ноября.) Госдепартамент, “приветствовав” частичное прекращение огня 28 октября, надеялся, что ситуация разрешится сама собой. Давая оценку советской декларации от 30 октября, Вашингтон заключил, что Кремль в поисках политического решения кризиса в Венгрии и Польше пытается выйти из затруднительного положения.

Президент Эйзенхауэр позже вспоминал, что он был настроен гораздо более скептически, чем его советники; он говорил, что не был уверен в искренности декларации и Кремля*. Президент сомневался и в возможности или желательности изменения европейского статус-кво. Он был военный человек, привычный рассчитывать баланс сил, за годы войны он научился верно оценивать военную и психологическую мощь Красной армии. Его мало интересовали “нравственные победы”, и в этом смысле он не питал особых иллюзий; не было в нем и мис-

* См.: Dwight D. Eisenhower. *Waging Peace* (Garden City, N.Y.: Doubleday, 1964), 79.

сионерского рвеня, присущего Джону Фостеру Даллесу. Кроме того, внимание Эйзенхауэра было, естественно, поглощено президентской кампанией, которая должна была завершиться на следующей неделе*.

Отношение ЦРУ к венгерскому кризису оставалось на этой стадии неизменным, не считая превосходного аналитического отчета о ситуации в Восточной Европе. Тридцатого октября разведка под руководством аналитического отдела ЦРУ выпустила Особый отчет национальной разведки (SNIE 12-2-56), озаглавленный “Возможные тенденции развития в Восточной Европе и последствия для советской политики”. Хотя в нем еще не были отражены последние события в Будапеште и других странах социалистического лагеря, аналитики ЦРУ обнаружили глубокое понимание возможных сценариев развития: “Если мятежники откажутся от переговоров с Надем, у Советского Союза будет две возможности: допустить возникновение некоммунистической, независимой Венгрии или предпринять массированное военное вторжение с целью захвата страны силой”**. Иными словами, ключевой вопрос состоял в том, пойдет ли венгерская революция дальше титоизма или сделки, которую собирался заключить с польским народом Гомулка. В этом контексте несколько отстраненный, аналитический язык отчета напоминает замечание Уолтера Липмана о необходимости “остановиться на титоизме”. Другой вопрос: был ли этот пронизательный отчет прочитан и воспринят людьми в американском правительстве?

К 30 и 31 октября сотрудники ЦРУ в Европе, опираясь главным образом на “пограничные источники... передачи местных

* Джон Лукач пронизательно отмечал, что Эйзенхауэр и Даллес проявили пассивность во время венгерского кризиса, потому что “не хотели перекраивать сферы влияния в Европе или показывать русским, что если те действительно уйдут из Венгрии, то американцы уйдут [из Западной Европы]”. Так, они даже “почувствовали облегчение, когда русские вернулись и растоптали венгерское восстание” (с учетом пропагандистской выгоды для США). Лукач добавляет, что Эйзенхауэр и Никсон “были не просто лицемерами, но людьми бесчестными”. В действительности, высказывания вице-президента Ричарда Никсона, процитированные в главе 3 (Лукач, кстати, не имел к ним доступа во время написания книги), подтверждают его едкие, но справедливые выводы. John Lukacs. *A Thread of Years* (New Haven, Conn.: Yale University Press, 1998), 390–391.

** CIA Electronic Reading Room, <http://www.foia.cia.gov/search>.

мятежных радиостанций и просачивающиеся из Будапешта слухи”, собрали достаточно информации*, чтобы послать в штаб-квартиру два обзорных меморандума. В документах “выражалось сожаление по поводу отсутствия единого центра революции, обсуждалось, будут ли Советы вмешиваться в происходящее в Венгрии, утверждалось, что революция теряет темп, что Имре Надь дискредитировал себя как возможный вождь восстания, и выражалась надежда на появление общенационального лидера, вокруг которого сплотится революционное движение”**. Датированный 30 октября, первый из этих отчетов, похоже, описывал положение в Венгрии до 28 октября. Весьма вероятно, что сумбурность и несвоевременность этих наблюдений была вызвана недостатком надежных источников или чрезмерным доверием к информационным службам РСЕ***.

Во внутреннем отчете ЦРУ за 1958 год критически отмечалась “относительная бесполезность традиционных тайных источников в кризисный период по сравнению с необычными и нетрадиционными источниками”****. За этой сухой фразой скрывалась мысль о том, что во время восстания внимательные читатели добротных газет получали из открытых источников информации столько же, сколько ЦРУ посредством своей агентурной сети (так, например, в лице Джона Мак-Кормака “Нью-Йорк таймс” имела блестящего корреспондента в Будапеште). В отчете также говорилось, что разведка широко пользовалась возможностями РСЕ по радиоперехвату для приема сигнала различных мятежных радиостанций*****. Среди других источников информации отмечались дипломаты и журналисты. В контексте извечного соперничества между бюрократическими ведомства-

* CIA, *CSHP* 6, 92.

** Там же, 92–93. Курсив в оригинале.

*** В это время за исключением Гезы Катоны, будапештского резидента (см. прим. ** на с. 14), у ЦРУ не было ни одного профессионального агента в Венгрии. Тем не менее разведка продолжала поиск венгеро-говорящих агентов в своей сети. “Среди прочего, штаб-квартира пыталась найти точный адрес бывшего [имя вычеркнуто] агента, который переехал на другое место. ...Это напоминало сцену из старой комедии, когда в отчаянном поиске пропавшего люди обыскивают ящики стола”. CIA, *CSHP* 6, 92.

**** Там же, 97.

***** Там же, 99.

ми становится понятно, почему в отчете ЦРУ говорится, что “в соревновании [по своевременности и надежности информации] между американской дипмиссией и журналистами победа остается за последними. ...Сообщения из американской дипмиссии были по меньшей мере спорадичны и насыщены необдуманными рассуждениями и выводами (из тех, что, по мнению дипломатов, необходимы их правительствам)”*.

В Мюнхене радио “Свободная Европа” продолжало жестоко критиковать премьер-министра Надя, несмотря на все уступки, которые тот сделал восставшим 28 и 30 октября. В выпущенной 29 октября 1956 года “Нью-йоркской директиве” для РСЕ, отражавшей официальную позицию США, не содержалось ни слова о политической эволюции Надя. Приняв сторону мятежных радиостанций в Венгрии, руководство предписывало РСЕ повторять их требования. В директиве также говорилось: “Радиостанция “Свободная Европа” намерена всячески воздерживаться от прямой или косвенной поддержки конкретных личностей во временном правительстве [sic], в особенности коммунистов, таких как Имре Надь или Кадар”, несмотря на то, “многие из [групп восставших], похоже, верят в то, что Имре Надь способен и будет отстаивать их интересы”**. Иными словами, руководство РСЕ поддерживало радикальные требования повстанцев, когда они были направлены *против* “временного” правительства Надя, но расходилось с повстанцами, когда те выступили *за* Надя и его правительство***. В этом отношении, как и во многом другом, РСЕ следовала в фарватере вашингтонской администрации (а не только подчинялась антикоммунистическим инстинктам эмигрантов из венгерской редакции). Кстати, выступивший

* Там же, 101.

** Неклассифицированные документы РСЕ/РС.

*** В 1996 году, на сороковую годовщину венгерской революции и вскоре после того как пленки РСЕ 1956 года стали достоянием общественности, Уильям Гриффит, политический советник РСЕ, признал на научной конференции в Будапеште, что “освещение РСЕ личности Имре Надя и его политики было, наверное, самой серьезной политической ошибкой во время революции, хотя [передачи РСЕ] соответствовали указаниям от руководства в Нью-Йорке и Мюнхене”. См.: W.Griffith. RFE and the Hungarian Revolution and the Polish October, доклад на международной конференции “Венгрия и мир, 1956: Новые архивные свидетельства”, Будапешт, 26 – 29 сентября, 1996, 3. (Курсив мой. — Ч.Г.)

в те дни с речью госсекретаря Даллес не проявил ни малейшей заинтересованности в Наде*.

Венгерская редакция с радостью восприняла указания от руководства из Нью-Йорка и Мюнхена. Двадцать восьмого октября, уже через несколько минут после радиообращения Надя, в котором тот назвал восстание широким демократическим движением, обозреватель РСЕ практически свел на нет слова Надя: “Сотни и тысячи мучеников [sic] жертвовали своими жизнями не ради таких убогих уступок, не ради этой косметологии”. Позже тем же вечером на Надя обрушил гневную тираду другой комментатор: “Почему он заметил это [демократический характер восстания] только сейчас, почему он не замечал этого, когда называл великое национальное движение реакционным, разбойничьим, контрреволюционным и [когда] насылал на Будапешт Советскую армию, [стремящуюся только к] уничтожению жизни и имущества”**.

Так продолжалось и дальше. Ничто из того, что предпринимал Надь, не могло заслужить одобрения РСЕ. Как в 1996 году признал Гриффит, венгерская редакция “политически была слишком правой, то есть не только антикоммунистической, но и, во многом, сочувствующей режиму Хорти”***. Возвращенные на яростном антибольшевизме межвоенных лет, впоследствии усилившемся из-за ужасов сталинизма и вашингтонской риторики об освобождении Восточной Европы от коммунистического гнета, большинство сотрудников венгерской редакции РСЕ в отличие от их коллег в польской редакции не могли и не хотели проводить различие между коммунистами “ортодоксами” и “ревизионистами”. В декабре 1956 года Гриффит, в частности, писал о радиопередаче 30 октября, ведущий которой в то самое время, когда Надь отказался от однопартийной системы, ожесточенно нападал на премьер-министра за то, что его правительство состоит из коммунистов и обычных преступников [sic], а также за “коварство”, с которым Надь скрывает от народа истинное положение вещей****. Упомянув еще одну “визгливую”

* Даллес считал, что правительство Надя не продержится долго и с пренебрежением относился к его планам. Подробнее об этом см. прим. ** на с. 244.

** J. Katona and G.Vámos. Nagy Imre... 166–167.

*** См.: W. Griffith. RFE and the Hungarian Revolution, 2.

**** W. Griffith. Policy Review, 472.

передачу от 30 числа, взбешенный Гриффит утверждал, что эти программы готовились за его спиной, и что “в них столько внутренних противоречий, что часто невозможно различить ни одной логичной фразы; создается впечатление, что для слушателей они звучали просто эмоциональными излияниями”^{*}.

Притом что распределить ответственность за истеричные нападки на Надя и поток ультиматумов между руководством и сотрудниками РСЕ было непросто, несколько американских и немецких представительных комиссий не усмотрели в венгерском вещании РСЕ ничего ошибочного; Гриффит, к его чести, считал иначе. Тем не менее после подавления венгерской революции в “Свободной Европе” произошли кадровые изменения. Так, был уволен главный администратор РСЕ в Мюнхене Ричард Кондон. В 1959 году с радиостанции ушли Гриффит, всемирно известный ученый и эксперт по коммунизму, и его заместитель Пол Хенце. Среди нескольких уволенных из венгерской редакции редакторов, репортеров и обозревателей были к тому же люди как правых, так и левых взглядов и тем самым создавалось впечатление, что никто не был наказан за безответственное вещание. Еще ощущалось дыхание маккартизма, и человека с “правыми” убеждениями фактически нельзя было признать неправым — экстремизм во имя “антикоммунизма” не считался пороком. Имре Микеш, человек, которого Гриффит назвал самым “визгливым” комментатором, оставался штатным сотрудником венгерской редакции до выхода на пенсию в 1967 году, а потом до 1976-го работал в РСЕ на полставки.

Вопрос о том, в какой мере РСЕ была действительно влиятельна на этой и других стадиях восстания, остается открытым. В стране с населением в 9,5 миллиона человек принимать сигнал РСЕ могли около полумиллиона радиоприемников; многие из обзорных передач транслировались по несколько раз в день; РСЕ была единственной радиостанцией, вещавшей почти круглые сутки. Интерес к ее программам прибавляло и то, что РСЕ ретранслировало передачи мятежных радиостанций внутри Венгрии. *Свидетельства о деятельности “Свободной Европы” и степени ее воздействия на слушателей во время первого премьерства Имре Нады в 1953–1955 годах, приведенные в составленном*

^{*} Там же, 473.

1955 году внутреннем отчете венгерских спецслужб, указывают на огромное влияние, которое оказывала радиостанция на венгерское население*. Существуют косвенные подтверждения тому, что влияние РСЕ оставалось столь же значительным и во время восстания.

На второй, крайне сложной стадии восстания, продолжавшейся с 28 по 30 октября, Имре Надь порвал с прошлым, восставшие и правительство начали переговоры, а Кремль предпочел политическое решение кризиса военному. Однако для РСЕ все это было неприемлемо. Сосредоточившись на теме вероломства советского и венгерского правительств, РСЕ усиливало сомнения в возможности мирного решения кризиса.

5

Третья стадия в Москве. В еще большей степени, чем ранее, исход восстания на его третьей стадии зависел от Москвы. Тридцать первого октября в миллионах экземпляров газеты “Правда” должна была появиться примирительная советская декларация, в которой говорилось об изменившейся природе советско-восточноевропейских отношений. Но в тревожную, бессонную ночь с 30 на 31 октября Хрущев пересмотрел и декларацию, и то решение, которое он и его коллеги вынесли накануне. “Я не мог уснуть, — вспоминал он позже, — Будапешт гвоздем сидел в голове”^{**}. Он передумал. На следующий день

^{*} Ср.: Béla Révész. A Belügyminisztérium SZER-képe 1955-ben [Образ РСЕ в министерстве внутренних дел...]. // *Múltunk*, № 2 (1999): 170–222. При этом следует принимать во внимание, что, как и во всех бюрократических ведомствах, сотрудники венгерского МВД и спецслужб были склонны преувеличивать значение РСЕ. Дабы подчеркнуть значимость своей работы, они малевали “врага” гораздо более страшным и опасным, чем он был на самом деле. У читателя подобных служебных отчетов создается впечатление, что правители западных держав, те же президент Эйзенхауэр и госсекретарь Даллес, только и думали о том, как бы свергнуть “социалистический порядок” в Венгрии.

^{**} Пожалуй, лучшая биография Хрущева принадлежит перу Уильяма Таубмана. William Taubman. *Khrushchev: The Man and His Era* (New York: Alfred A. Knopf, 2003); русское издание: У. Таубман. Хрущев. Пер. с англ. Н.Л. Холмогоровой. — М.: Молодая гвардия, 2005. О событиях 1956 года см., в частности, в русском изд. стр. 298–329 (цитата на странице 326).

по настоянию Хрущева политбюро круто изменило курс. К тому времени как “Правда” дошла до читателей, декларация потеряла силу.

Пересмотр первоначального решения был, пожалуй, менее удивителен, чем само решение. Казалось, что решение политбюро 30 октября и последовавшая декларация обнаружили готовность Кремля строить отношения с Венгрией и другими сателлитами по образцу отношений с нейтральными странами, такими как Австрия, Финляндия и Югославия. В декларации провозглашалось намерение, пусть и без определения сроков, вывести советские войска из региона после консультаций с национальными правительствами. Претвори Кремль это решение в жизнь, была бы устранена одна из основных причин холодной войны — господство Москвы в Восточной Европе. Ни к чему не обязывающие разговоры о разрядке в 1955-м и начале 1956 года могли бы перерасти в серьезное обсуждение будущего новой Европы.

Этот примирительный шаг Кремля, предвещавший решение Михаила Горбачева в 1988—1989 годах о выводе советских войск из Центральной и Восточной Европы *ради спасения дела социализма в Советском Союзе*, означал желание советского руководства распространить дух XX съезда на страны Варшавского блока. В 1956 году Хрущев стремился спасти коммунизм от сталинистского наследия и вернуться к так называемым ленинским нормам. Для достижения этой цели советское руководство почти немедленно после смерти Сталина предприняло ряд полумер, направленных на реорганизацию некоторых государственных институтов и изменение политических акцентов. Были закрыты многие исправительно-трудовые лагеря* и сделаны попытки восстановить “социалистическую законность” (но не верховенство права); наконец, в отношениях с Западом Кремль выдвинул доктрину “мирного сосуществования” (которая, впрочем, не предполагала безоговорочного стремления к миру). Это были в полном смысле слова полумеры, означавшие отказ от сталинизма, но не от коммунизма — в конце концов, ни “социалистическая законность”, ни “мирное сосуществование” не отменяли классовую борьбу дома и за рубежом.

* См. фундаментальный труд Энн Эпплбаум: Anne Applebaum. *Gulag: A History* (New York: Doubleday, 2003), в частности, стр. 476–505.

На схожих принципах была основана и декларация 30 октября. Она не обещала полной свободы и независимости для стран Центральной и Восточной Европы. Отказ от выстроенной Сталиным империалистической системы отношений объяснялся не тем, что такие отношения несправедливы, но тем, что они непродуктивны, — они и не усиливали сплоченность блока, и не развивали дело социализма. Сталинская система отношений между мнимыми союзниками перестала работать из-за непомерных политических издержек и экономических затрат, и именно поэтому Хрущев и несколько его коллег рассматривали возможность ее реорганизации. Учрежденный покойным диктатором режим господства над коммунистическими странами стал для Москвы бременем в той же мере, в какой террор нарушал деятельность советской элиты, а конфронтация с Западом вредила экономическим интересам СССР. Чтобы снизить это бремя, необходимо было идти на ограниченные реформы, не подвергая опасности хрупкий баланс сил в самой советской политике.

Если вывести советские войска из Венгрии, то в течение нескольких лет эта страна сможет уподобиться Польше Гомулки или даже Югославии Тито. Похоже, именно об этом Хрущев думал 30 октября, через неделю после конфликта с Гомулкой. В Варшаве, следует напомнить, Хрущев отступил, вероятно решив, что Гомулка, несмотря на свою польскую гордость, останется “хорошим коммунистом” (то есть, в понимании Хрущева, верным союзником СССР). Тридцатого октября, получив обнадеживающий доклад Микояна и Сулова и основываясь на драматическом польском эпизоде, Хрущев решил вверить судьбу Венгрии Надю и Кадару. У Союза сохранятся добрые отношения с Польшей, несмотря на уменьшение советского присутствия в польской армии и спецслужбах; несмотря на санкционирование деятельности двух или трех крохотных политических партий; несмотря на значительную свободу в религиозных вопросах и автономию католической церкви; несмотря на то, что молодым людям будет позволено слушать ту музыку, что им нравится, и читать угодные им вещи в малотиражных журналах; и несмотря на послабления частным крестьянским хозяйствам и семейным лавкам. Москва чуть ослабит поводок, оставит Гомулку у власти, но будет держать его под неусыпным надзором.

Венгрию, как видели ее Хрущев и в особенности Микоян, следовало держать на еще более длинном поводке. После ухода советских войск и введения многопартийной системы даже более представительной, чем в “Польше Гомулки”, Венгрия перешла бы от режима советского господства к режиму советской опеки. В конечном счете Кремль превратил бы сферу господства в сферу влияния. В конечном счете отход советских войск в приграничные районы Советского Союза мог бы привести к выводу американских войск с европейского континента. В конечном счете нейтральная Западная Германия могла бы начать дрейф от Соединенных Штатов к Советскому Союзу. В конечном счете все это могло обернуться благом для СССР. Как ленинец, Хрущев сознавал, что ему следует сделать шаг назад, может быть, большой шаг назад, подобно ленинскому НЭПу в двадцатых, чтобы утвердиться на позициях, а уж потом перейти в наступление.

Переменить решение Хрущева заставило то, что *Венгрия не собиралась становиться второй Польшей*. Венгрия не хотела идти за СССР на более длинном поводке — она вообще не желала быть на поводке. В Польше, отчасти благодаря реализму и сотрудничеству между коммунистом Гомулкой, кардиналом Стефаном Вышинским и рассудительным шефом польской редакции “Свободной Европы” Яном Новаком, народ, несмотря на сильную идеалистичную традицию, принял предложенные полумеры. В Венгрии Надь не был Гомулкой, Миндсенти не был Вышинским, а венгерскую редакцию РСЕ возглавлял не Ян Новак. Тридцатого октября венгерские коммунисты уже не контролировали ситуацию в стране: более того, они даже не пытались ее контролировать. Два критических события того дня в Будапеште — линчевание сотрудников тайной полиции на площади Республики и заявление о возврате к многопартийной системе — убедили Хрущева, что Надь и другие местные коммунисты слишком слабы, чтобы восстановить порядок. (Тем временем Микоян, не заручившись согласием политбюро, сообщил Надю и Тилди, что Кремль не возражает против формирования многопартийной системы.)

Согласно записям Малина*, 31 октября Хрущев открыл заседание политбюро с упоминания своего разговора с Гомулкой.

* См.: The “Malin Notes”, 393–394.

В записях нет сведений о содержании этого разговора, однако, делясь с коллегами своими изменившимися планами в отношении Венгрии, Хрущев наверняка думал о Гомулке. Во-первых, он предложил провести встречу с Гомулкой на следующий день в Бресте, а затем пояснил, почему политбюро следует изменить принятое накануне решение.

“Пересмотреть оценку, войска не выводить из Венгрии и Будапешта и проявить инициативу в наведении порядка в Венгрии. Если мы уйдем из Венгрии, это подбодрит американцев, англичан и французов, империалистов. ...Они [империалисты] поймут как нашу слабость и будут наступать. ...Мы проявим тогда слабость своих позиций. ...Нас не поймет наша партия. ...Выбора у нас другого нет. ...Если находит эта точка зрения [поддержку], разделяется, тогда продумать, как действовать”*

Это была историческая смена курса, решение, положившее конец процессу десталинизации в отношениях Москвы со странами советского блока. Озабоченность высказал только Сабуров: “После вчерашнего дня все-таки пустота. [Наше решение] оправдывает НАТО”. Однако несколько членов политбюро призвали “отказаться от того [мнения], что мы пересматриваем свои позиции”. Иными словами, партия утверждала, что ничего не изменилось — в конце концов, партия была непогрешима. Все согласились с предложением Хрущева, и политбюро принялось обсуждать детали осуществления нового курса. Жукову было поручено разработать военные планы. Что до будущего правительства Венгрии, все согласились на кандидатуру Кадара как главы “временного революционного правительства”. Ференц Мюнних был также номинирован на должность премьера с портфелями министерства обороны и внутренних дел. Поразительно, но Хрущев пока еще оставлял дверь открытой и для Нады: если он согласится сотрудничать, привлеките его в качестве заместителя председателя правительства**.

* См.: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы, 479.

** Мюнних, выполнявший роль посредника между Кремлем и центристской фракцией Кадара, был на то время ключевой фигурой. Оставаясь членом правительства Нады, он, согласно Хрущеву, обращался к Москве за помощью. На следующий день он убедил Кадара предать Нады и бежать в Советский Союз.

Во время принятия этого решения Микоян и Сулов были на пути из Будапешта в Москву. Хрущев несколько раз говорил с ними по телефону, и было очевидно, что между советскими эмиссарами возникли серьезные разногласия. Последнее проявилось на заседании политбюро 1 ноября. В то время как новые советские соединения входили в Венгрию, а Хрущев в Бресте обсуждал сложившееся положение с Гомулкой, Микоян все еще просил отсрочки. “Нам следует продолжать переговоры. Десять — пятнадцать дней. ... Нам нужно выждать еще 10—15 дней и поддержать правительство [Надя]. ... В сложившихся обстоятельствах лучше поддержать существующее правительство. Сейчас применение силы ни к чему не приведет”. Однако затем Микоян добавил: “Если режим будет разваливаться, нам придется решать что делать. Мы просто не можем позволить Венгрии уйти из нашего лагеря”*. Напротив, Сулов всецело высказался за интервенцию: “Опасность буржуазной реставрации достигла кульминации. Я не думаю, что восстание организовано Надем, но его имя используют. ... Только посредством оккупации мы сможем установить правительство, которое нас поддержит”**.

Микоян, на то время единственный член политбюро, выступавший против вторжения, еще не сдавался. Ему казалось, что коллеги реагируют на собственные страхи, а не на реальные события: “Если Венгрия станет базой империалистов — это другое дело. Есть еще три дня [до назначенной на 4 ноября даты вторжения], чтобы это обдумать”***. Микоян пытался настоять на своем и в частной беседе с Хрущевым. Как говорится в биографии Хрущева Уильяма Таубмана, Микоян, вернувшийся в Москву 31 октября, позвонил Хрущеву поздно вечером и назвал планируемое вторжение “ужасной ошибкой”. Хрущев ответил, что уже слишком поздно возвращаться к первоначальному пла-

* Любопытно, когда Микоян говорил о необходимости удержать Венгрию в “нашем лагере”, хотел ли он просто показать себя “ястребом” перед лицом политбюро или действительно верил в важность сохранения Варшавского блока любой ценой?

** Внимательный читатель вспомнит, что менее недели назад, когда Надю стало плохо, именно Сулов, которого никогда не покидало самообладание, дал ему таблетку и, быть может, спас ему тогда жизнь.

*** О роли Микояна см. также: М. Kramer. *New Evidence...* 371—372.

ну. Следующим утром, встретившись с Микояном, Хрущев произнес: “Думаешь, мне сейчас легко?”. Микоян ответил: “Если прольется кровь — я не знаю, что я с собой сделаю”. Хрущев, возможно подумав, что Микоян покончит с собой, сказал: “Это было бы большой глупостью, Анастас”. (Как оказалось, Микоян подразумевал отставку.)*

Действительно, было уже слишком поздно. Советская армия была готова к оккупации всей Венгрии. Первого ноября утром Надя разбудили вестью о том, что советские части пересекают советско-венгерскую границу. Хрущев тем временем занялся “челночной дипломатией”. Сообщив Гомулке о готовящейся интервенции поздним вечером в Бресте, на советско-польской границе, он отправился в Бухарест и Софию, чтобы уведомить о своих планах румынское, болгарское и чехословацкое руководство. Вернувшись на несколько часов в Москву, Хрущев вместе с Георгием Маленковым вылетел на югославский остров Бриони, где он намеревался встретиться с Тито в его адриатической резиденции. Они прибыли на Бриони в семь вечера 2 ноября, Маленков чувствовал себя скверно из-за плохой погоды. С Тито и его помощниками они проговорили о Венгрии десять часов. В Москву советские вожди вылетели в пять утра 3 ноября. Велько Мичунович, югославский посол в Советском Союзе, вел подробную запись брионской встречи**.

Во время переговоров с югославским вождем Хрущев взял инициативу в свои руки. Он сообщил, что цель его поездки — информировать югославов “о решении Советского Союза” и выслушать мнение Тито. Он обозначил пять обстоятельств, оправдывавших советскую интервенцию: (1) в Венгрии убивают коммунистов; (2) Надя денонсировал Варшавский договор, провозгласил нейтралитет Венгрии и обратился к ООН; (3) в Венгрии будет вот-вот восстановлен капитализм; (4) британо-французско-израильская интервенция в Суэце отвлекает внимание мирового сообщества от советской “помощи” Венгрии; (5) если он, Хрущев, не будет действовать ре-

* У. Таубман. Хрущев, 328.

** V. Mićunović. *Moscow Diary*, 130—142. Нижеследующее описание брионской встречи, основанное на отчете Мичуновича, соответствует анализу в моей ранней работе: Charles Gati. *Hungary and the Soviet Bloc*, 152—153.

шитительно, вопрос о том, *кто упустил Венгрию*, объединит сталинистов и военачальников против его антисталинистской фракции*.

Тито, старый враг Сталина, к этому времени вполне осознал необходимость поддержать Хрущева. Хотя возникновение “ти-тоистского” государства по соседству сулило югославскому диктатору некоторые политические преимущества, он знал, что сможет извлечь пользу и из советской интервенции. В глазах Запада и развивающихся стран он остался бы единственным независимым европейским коммунистом, заслуживающим внимания и поддержки. Подобно вице-президенту США Ричарду Никсону, летом 1956 года предсказавшему пропагандистские барыши от советского вторжения (см. главу 3), Тито, который также исповедовал принципы “реальной политики”, видел преимущества и в расширении пояса независимых коммунистических государств, и в сохранении собственной исключительности. Вот почему в конце концов он не только поддержал решение Кремля сокрушить венгерское восстание, но и предложил Хрущеву заманить Надя в югославское посольство в Будапеште, с тем чтобы позже выдать его сотрудникам КГБ (увезшим его в румынскую ссылку).

В Москве 2 ноября политбюро встретилось с Кадаром, Мюннихом (“московским” ветераном и бывшим венгерским послом в Москве и Белграде) и Иштваном Бата (бывшим министром обороны Венгрии). На следующий день состоялась еще одна встреча — на этот раз отсутствовавшего Бату замещал специалист по международным отношениям Имре Хорват**. Хорват, который хорошо говорил по-русски, вел протокол встречи***. Записи этих заседаний проясняют, почему Кадар

* Согласно Мичуновичу, единственное, что сказал Маленков, заключалось в том, Советская армия готова к действиям. Войска пойдут фронтом и очень решительно, сказал Маленков, так как *Советский Союз “изолирован от венгерского народа”*. (Курсив мой. — Ч.Г.) V. Mićunović. *Moscow Diary*.

** См.: M. Kramer. *New Evidence...* 395–397 (заседание политбюро 2 ноября) и 397–398 (заседание политбюро 3 ноября). Микоян принимал участие в обеих встречах; Хрущев присутствовал на второй встрече с венграми.

*** Там же, 398.

перешел на сторону Кремля. Как известно, Кадар и Мюнних исчезли из Будапешта 1 ноября. Ранее они оба поддерживали Надя и все его решения. Кадар казался ярким приверженцем восстановления многопартийной системы. Первого ноября он выступил за провозглашение нейтралитета Венгрии. В записанном в тот же день радиообращении он говорил о “нашей славной революции”.

Уже завтра, 2 ноября он был в Москве и обсуждал будущее своей страны с советским руководством.

Очевидно, что 1 ноября, уже после записи речи Кадара на радио “Кошут”, Мюнних, вероятно информированный послом Андроповым, сообщил Кадару, что советская декларация аннулирована и что Кремль решил подавить революцию. Кадару и Мюнниху было предложено возглавить новое правительство. Им было известно, что находящиеся в Москве члены старой гвардии, в частности Ракоши, Герё и Хегедюш, только и ждут возможности вернуться к власти в стране. Следовательно, перед ними стоял выбор — либо стать предателями революции, либо вновь вручить страну твердокаменным сталинистам. Мюнних, выполнявший роль посредника между Кремлем и Кадаром, немедленно согласился приехать в Москву для обсуждения состава и процесса формирования нового, антинадевского правительства. Кадару потребовалось два часа, чтобы принять предложение Москвы. Он покинул Будапешт, не сообщив, куда он направляется, даже своей жене. Профессиональные политики и отвлеченно рассуждающие политологи, возможно, назовут поступок Кадара разумным решением в невероятно сложных обстоятельствах и добавят, что именно так должен был поступить патриотически настроенный политик. В реальном мире, где, наверное, есть место и для порядочности и цельности натуры, Кадар проявил себя человеком с потрясающими способностями к рационализации — человеком без нравственных установок. Объясняя свои намерения и поступки задним числом, Кадар на протяжении последующих лет многократно говорил, что причина его дезертирства состояла в желании предотвратить возвращение к власти в Венгрии сталинистской гвардии во главе с Ракоши.

Во время встреч с политбюро в Москве 2 и 3 ноября Кадар производил впечатление беспокойного, запутавшегося и очень уставшего человека. Он говорил не только о событиях послед-

них дней, но и о сталинистских чистках в конце 1940-х — начале 1950-х годов. Он признал, что голосовал за все противоречивые решения правительства Надя, включая декларацию о нейтралитете. О Наде Кадар сказал, что “в [его] политике присутствуют контрреволюционные элементы”*. Почувствовав, что Кремль окончательно отвернулся от Надя, Кадар, на встрече 3 ноября, заговорил о бывшем товарище более критически. “О поведении Надя, — цитируют его слова записи Малина. — Они убивают коммунистов. Контрреволюционеры убивают их, а председатель правительства Надя обеспечивает прикрытие”**. Мюнних, игравший вторую скрипку, полностью поддержал выводы и оценки Кадара; Мюнних не искал для себя первой роли.

Жребий был брошен. Кадар и назначенное Кремлем правительство должны были вернуться в Венгрию на следующий день, после того как советские танки в значительной степени очистят страну от “контрреволюционных элементов”. Хрущев воспринимал интервенцию как вынужденную меру, но не как поражение своих планов десталинизации общества. Подобно Кадару, Хрущев сделал выбор исходя в первую очередь из соображений собственного политического выживания. В отличие от своего ближайшего соратника Микояна, отличавшегося, как представляется, чуть более твердыми принципами, Хрущев решил поиграть мускулами и показать молотовым и ворошиловым в политбюро, что он состоит и в их гвардии.

Третья стадия в Будапеште: правительство и повстанцы. С 31 октября по 3 ноября ситуация и настроения в Будапеште отличались крайней неопределенностью***. Несмотря на слухи и проскользнувшие в прессе сообщения о передвижениях советских войск, только Надя и его ближайшие сподвижники знали о том, что происходит. Надя отдал приказ хранить молчание о начавшемся в четверг 1 ноября советском вторжении. Лошонци и Санто посетили югославское посольство и подня-

* Там же, 395.

** Там же, 397.

*** См.: Ch. Gati. *Hungary and the Soviet Bloc*, 148–152.

ли вопрос о предоставлении правительству политического убежища, если “контрреволюционные банды” будут угрожать им или их семьям*. Принимая во внимание бесчинства на площади Республики, все бывшие и настоящие чиновники-коммунисты тревожились о своей безопасности. Не исключено, однако, что просьба о политическом убежище преследовала совершенно иную цель. Возможно, что Лошонци, теперь государственный министр и один из двух заместителей Надя, и Санто, член исполкома партии, рассматривали возможность политического убежища именно потому, что знали о начавшемся советском вторжении. Как еретикам, им следовало в большей степени опасаться Советского Союза, чем разгневанных повстанцев. Так или иначе, но югославский посол Далибор Солдатич еще не получил санкций на предоставление им убежища.

Притом что многие из повстанцев, да и венгров в целом судили о происходящем по тому, что представало их глазам — в данном случае по эвакуации советских войск из Будапешта, — в городе ощущалось ликование вперемешку с тревогой. Большинство людей знали, что советские войска уходят из Будапешта, но некоторым было известно и то, что другие советские соединения в это же время входят в страну. Один из колких газетных заголовков тех дней вопрошал: “Так что, они уходят или возвращаются?”**. Лишь единицы знали, что на самом деле они *возвращаются*. Среди немногих сведующих был и Надя. Несколько раз в день он звонил послу Андропову, требуя ответа. К тому времени Андропову оставалось только лгать, убеждая Надя, что все хорошо. Он вновь обратил внимание Надя на опубликованное накануне в “Правде” историческое заявление советского правительства, стремясь уверить главу венгерского правительства, что оно все еще в силе. В действительности, вероломный дипломат полностью одобрял решение Москвы сокрушить этих беспокойных венгров. Как показывают телеграфные депеши Андропова за много лет, посол не испытывал особой приязни ни к одному из членов вен-

* См.: G. Kövér. *Losonczy Géza*, 298, а также показания Лошонци и Санто на допросах в 1957 году.

** *Igazság*, 2 ноября 1956 г. Эта ежедневная газета издавалась в дни революции.

герского руководства*. Но обмануть Надя было не просто. Он верил в правдивость донесений с советско-венгерской границы, из городов в восточной Венгрии, например из Мишкольца и Дебрецена; он предупредил Андропова, что у него нет выбора, кроме как заявить о нейтралитете Венгрии, в одностороннем порядке денонсировать Варшавский договор и сообщить об этом в ООН. В минуту совершенного отчаяния Надя решил обратиться за поддержкой к международному сообществу.

Заручившись согласием руководителей партии и правительства (включая Кадара), около 8 часов вечера 1 ноября Надя обратился к венгерскому народу по радио:

“Ощущая большую ответственность перед венгерским народом и историей и выражая единую волю миллионов представителей венгерского народа, венгерское национальное правительство провозглашает нейтралитет Венгерской Народной Республики. Венгерский народ желает жить в обстановке мира и подлинной дружбы со своим соседом, Советским Союзом, и со всеми народами мира на основе принципов независимости и равноправия и в соответствии с духом Устава ООН. ...Многовековая мечта венгерского народа тем самым становится реальностью. ...Мы призываем соседние и далекие от нас страны с уважением отнестись к этому непоколебимому решению нашего

---

* При этом Андропов любил венгерскую музыку и литературу. Находясь в отпуске в Москве, Андропов в декабре 1956 года прочитал лекцию о венгерской «контрреволюции» в советской дипломатической академии, сообщив слушателям, что кризис был спровоцирован американскими империалистами. Разумеется, на США возлагалась вина за все беды Советского Союза и стран социалистического блока. После лекции в дипакадемии Виктор Израэлян, тогда молодой советский дипломат, специализировавшийся по Венгрии и писавший памфлет о коварной роли американского империализма в венгерском кризисе, остановил Андропова, обратившись к нему за документальными свидетельствами. “Это ерунда, — рассмеялся Андропов. — Венгерские события застigli американцев врасплох. Они пришли в советское посольство и просили нас объяснить, что происходит в Будапеште. Они не играли в этом никакой роли”. Viktor Israelyan. *On the Battlefields of the Cold War: A Soviet Ambassador's Confession* (University Park: Pennsylvania State University Press, 2003), 59. Посол Израэлян, занимавший видное положение в советских дипломатических кругах до своей отставки в 1987 году, вновь рассказал мне эту историю на конференции в Майами (интервью 24 ноября 1991 г.).

народа. Именно теперь стали подлинно истинными слова, что, вероятно, еще никогда в истории наш народ не был столь единоклубен в своем решении”*.

Речь Надя была краткой и драматичной. Он знал, что если Москва действительно приняла решение подавить восстание, его заявление и воззвание к ООН не возымеют в западных столицах никакого действия. Тем не менее 2 и 3 ноября он позвонил послам стран Организации Варшавского договора, объяснив свою позицию и обратившись к ним с просьбой о помощи. Помощи он не получил. Согласно англоязычному исследованию, подготовленному Институтом изучения венгерской революции 1956 года в Будапеште под редакцией Дьёрдя Литвана, “Надя сообщил Андропову, что он готов объявить недействительным свое обращение к ООН в обмен на обещание Советского Союза не продолжать военное вторжение; Надя также попросил о срочной встрече с высшим советским руководством, в чем ему было немедленно отказано”**.

Публично Надя объяснял свое воззвание только тем, что оно отражает волю народа. Он ни словом не обмолвился о неприятных разговорах с послом Андроповым или о том, что чувствует себя обманутым***. Он не раскрыл подлинную причину декларации о нейтралитете, хотя своим обращением к ООН он бросал вызов Советскому Союзу перед лицом начавшейся интервенции. Во избежание паники и, возможно, надеясь предотвратить дальнейшее кровопролитие, он продолжал скрывать факт советского вторжения от общественности. В результате, как говорилось в главе 1, в последние три дня революции, перед штурмом Будапешта 4 ноября венгры почувствовали облегчение. Неведение было блаженством. Появилось больше продовольствия. Заработали некоторые промышленные предприятия. Повстанцы стали вступать

---

* См.: Советский Союз и Венгерский кризис, 501-502.

** György Litván. *The Hungarian Revolution of 1956: Reform, Revolt and Repression 1953–1963* (London: Longman, 1996), 88. (Курсив мой — Ч.Г.).

*** На протяжении долгих месяцев в румынском плену и позже, в венгерских тюрьмах с конца ноября 1956 года и до дня казни в Будапеште в июне 1958-го, Надя, говоря о кремлевских властителях, неизменно повторял: “Они обманули меня... они предали меня”. (Интервью с Миклошем Вашархейи, 18 июля 1991 года.)

в ряды милиции и недавно сформированной Национальной гвардии. Появились десятки новых газет, представлявших все оттенки политического спектра. В Будапеште было спокойно, если не считать вестей о формировании все новых и новых политических организаций и партий. Третьего ноября вечером, накануне взятия Будапешта по радио прозвучало пронзительное выступление кардинала Миндсенти, которое стало своего рода печальным послесловием к революции. Кардинал Миндсенти, недавно освобожденный из коммунистических тюрем, произнес запутанную, двусмысленную речь, в которой в духе “Свободной Европы” поддержал борьбу венгров за свободу, но отказался встать на сторону правительства Надя. Однако слова Миндсенти уже не имели значения — Будапешт был в кольце и послание кардинала ничего не могло переменить*.

Третьего ноября возобновились переговоры о графике вывода советских войск. В тот день они начались в здании парламента и продолжились вечером на советской военной базе в Текеле. Около десяти вечера вошедшие в конференц-зал офицеры КГБ арестовали всех членов венгерской делегации. Примерно в то же время советские войска перекрыли австро-венгерскую границу. Арестовав некоторых видных военачальников, в частности только что получившего генеральские погоны Пала Малетера, и блокировав западные границы Венгрии, Советская армия приготовилась к неожиданностям. Атаковав столицу следующим утром, советские части застали горожан в состоянии удивления и подавленности. Краткое радиообращение Имре Надя, переданное в 5.20 утра, буквально за несколько минут до вхождения советских войск в город, едва ли могло прояснить ситуацию. Вот что сказал Надь в своем последнем публичном выступлении: “Сегодня на рассвете советские войска напали на нашу столицу с явной целью свергнуть законное демократическое венгерское правительство. Наши войска сражаются. Правительство на месте. Я уведомляю об этом народ нашей страны

* См. более положительную оценку речи кардинала (Миндсенти произнес ее в восемь вечера накануне советского вторжения) в работе Вали: Ferenc A. Váli. *Rift and Revolt in Hungary...* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1961), 335–337.

и весь мир”*. В четырех фразах Надь стремился донести до сограждан следующее. *Первое*: “Советские войска напали на нашу столицу”. Это была чудовищная правда, весть, принесшая в город смятение. *Второе*: “Наши войска сражаются”. Это была неправда. Надь не стал приказывать венгерской армии вступать в безнадежную битву с многократно превосходящими ее силами противника. *Третье*: “Правительство на месте”. Это также не соответствовало действительности. Вскоре после радиообращения Надь и его свита из сорока двух сподвижников (все они были коммунистами-реформаторами) и членов их семей оставили здание парламента и нашли укрытие в югославском посольстве. Пытался ли Надь сказать нечто, что так и не было понято народом, или то были только слова его неуклюжего прощания? Тилди, Донат и Надь составили текст в большой спешке и в необычных обстоятельствах. Цели и смысл этого послания остаются невыясненными до сих пор**.

Советская армия установила полный контроль над Будапештом, председатель правительства и члены его кабинета укрылись в югославском посольстве, и “1956-й” подошел к трагическому финалу. Такой исход не должен затемнять того факта, что последние четыре дня вся третья стадия венгерского восстания ознаменовалась растущим сотрудничеством между восставшими и правительством. Это достижение позволило венграм утверждать, вполне справедливо, что, пусть и на недолгий срок, их борьба за независимость оказалась победоносной.

* Statement by Prime Minister Imre Nagy Announcing an Attack by Soviet Forces on the Hungarian Government, November 4, 1956, в сборнике *National Communism*, ed. Zinner, 472.

** Венгерские следователи провели сотни часов, пытаясь выяснить, кто автор той или иной части этого четырехстрочного заявления; похоже, в конце они знали не больше, чем когда начинали допросы троих обвиняемых. Версию Доната см. в протоколе его допроса от 27 июля 1957 года в архиве венгерского МВД (АНМІА), V-150.000/47. Согласно его рассказу, предложение о том, что правительству следует выступить с заявлением, исходило от Тилди. Надь диктовал текст, а Донат печатал на машинке. Затем Надь отнес текст на ближайшую радиостанцию и зачитал его в эфире.

Третья стадия в Вашингтоне и Мюнхене. К этому времени возможности для дипломатических инициатив со стороны США, других западных держав или ООН были упущены. Вашингтон, осторожно одоббив декларацию советского правительства, обнародованную 31 октября, занял выжидательную позицию. Поступавшая из Венгрии информация была отрывочной. Чарльз Болен, многоопытный посол США в СССР, послал в Вашингтон несколько пронизательных депеш, основываясь на увиденном во время различных дипломатических приемов и на словах своих московских собеседников*. Государственный секретарь Даллес сказал в частной беседе с советником-посланником США в Венгрии, что ему нет необходимости встречаться с президентом Эйзенхауэром, так как “мы не особенно заинтересованы в современном правительстве [Надя]”**. Слова госсекретаря эхом вторили инвективам РСЕ, направленным против Нады. Хотя стареющий Даллес почти не высказывался в отношении венгерских событий, то небольшое, что он все-таки сказал, указывает, что он, как и РСЕ, считал правительство Нады, возглавляемое коммунистом, временным или переходным, а потому не заслуживающим ни интереса, ни тем более поддержки Америки.

Учитывая, что в это же время подходила к концу кампания по выборам Президента США 1956 года, что американские дипломаты были в первую очередь заняты сдерживанием британцев, французов и израильтян в Суэцком кризисе и что из Москвы и Будапешта поступали противоречивые сведения, Госдепартамент и в особенности Белый дом не были готовы занять активную позицию в отношении венгерских событий. Еще в большей степени, чем ранее, венгерский кризис оказался на задворках американской внешней политики. Многие в Вашингтоне возражали и против словесной поддержки Венгрии: одни считали, что Надя не заслуживает поддержки как коммунист; другие опасались, что повышенный интерес к Наде со стороны Запада усилит подозрительность Кремля. При

* См.: Charles E. Bohlen. *Witness to History, 1929–1969* (New York: W. W. Norton, 1973).

** Запись телефонной беседы Даллеса, цит. по: Bennett Kovrig. *Of Walls and Bridges: The United States & Eastern Europe* (New York: New York University Press, 1991), 92.

сложившихся обстоятельствах, полагали многие, правильное всего “залечь на дно”. Однако перед лицом сотен тысяч людей, вышедших на демонстрации в Нью-Йорке и в западноевропейских столицах, требующих от правительств сделать *что-нибудь*, США начали подумывать о вынесении венгерского вопроса на рассмотрение ООН. Впрочем, ООН в данном случае не могла быть эффективной, отчасти из-за неспособности противостоять одной из сверхдержав, отчасти же из-за поглощенности Суэцким кризисом.

В телевизионном обращении 31 октября президент Эйзенхауэр посвятил большую часть своего выступления Суэцкому кризису. Что касается Венгрии и в целом Восточной Европы, он отверг целесообразность дипломатического или иного вмешательства. Несмотря на провал политики “освобождения”, он похвалил администрацию за то, что она “поддерживала в этих народах надежду на свободу”*. Хотя венгры поднялись на борьбу против советских угнетателей, как того и желал Вашингтон, теперь сдержанность (или бездействие), по мнению Эйзенхауэра, наилучшим образом соответствовала интересам “восточноевропейских народов” и “основополагающим принципам” ООН. По сути, США решились внести венгерский вопрос в повестку дня ООН только после начала советской интервенции 4 ноября. Целью данного дипломатического шага было не помочь Венгрии, но заставить Советский Союз защищаться и, соответственно, использовать очевидные пропагандистские возможности.

Что до радио “Свободная Европа”, то несколько “особых директив”, поступивших из Нью-Йорка и Мюнхена 2 ноября, с непреклонностью говорили о необходимости вещательных программ, выступающих “за достижение полной демократии”. Правда, в этих же директивах содержались и безнадежно запоздалые призывы к умеренности, а именно что “скорость движения к демократии” может быть определена только народом Венгрии. Руководство РСЕ и в Нью-Йорке, и в Мюнхене подчеркивало, что не иностранным державам решать вопрос о политической судьбе отдельных венгерских государственных деятелей**.

* Council on Foreign Relations, *Documents on American Foreign Relations, 1956* (New York: Harper, 1957), 50.

** Коллекция РСЕ/РС, институт Гувера.

Вышедшая в тот день аналитическая передача Андора Геллерта, шефа венгерской редакции РСЕ, в целом соответствовала упомянутым директивам. Это была относительно спокойная передача, в которой обсуждались перспективы Венгрии и последствия возможной советской интервенции. Однако, заговорив о Наде, Геллерт тут же нарушил недавние указания руководства. “Кулак советского милитаризма вновь устрашающе завис над страной”, — провозгласил он. Затем, пустившись в наставительные речи, которых от него совсем не ждало руководство, он продолжил: “Исторический долг [венгерского] правительства заключается в том, чтобы поднять голос во имя нации, против начавшегося военного вторжения”. Распалаясь, он подверг сомнению надежность Надя, несмотря на то что накануне премьер убедительно доказал свою прогрессивность, заявив о нейтралитете Венгрии. Но этого было недостаточно. Геллерт: “При подобных обстоятельствах первый вопрос состоит в следующем: какое нравственное и политическое право имеет сегодняшний премьер-министр обращаться к нации с просьбой о единстве и доверии?”*. Очевидно, что в последние два или, возможно, три дня восстания директивы руководства РСЕ и фактические передачи венгерской редакции весьма различались в отношении оценки Надя и его роли. Венгерские радиовещатели были неспособны простить Надю его коммунистическое прошлое.

Как отличалось это от посланий РСЕ своим польским слушателям! В 1996 году Ян Новак так подытожил деятельность польской редакции РСЕ в 1956-м: “Наше послание звучало вполне определенно, — сказал бывший шеф-редактор на семинаре в Будапеште. — Если октябрьским завоеваниям суждено было закрепиться, их следовало держать в определенных границах, переступать которые было недопустимо. Эти границы очерчивались монополией на власть, сосредоточенной в руках реформированной коммунистической партии, и “союзом” с СССР в рамках Варшавского договора”**. Так поляки в Польше и польская редакция РСЕ в Мюнхене согласились на малое,

* Там же.

** Jan Nowak. Poles and Hungarians in 1956, доклад на международной конференции “Венгрия и мир, 1956: Новые архивные свидетельства”, Будапешт, 26 – 29 сентября, 1996, 5.

и Хрущев, поначалу намеревавшийся напасть на Польшу, изменил свою позицию и сказал “да” — Польша получила толику свободы и независимости. Напротив, венгры в Венгрии стремились к тому, чего, как им казалось, они достойны, а венгерские радиовещатели на РСЕ в Мюнхене побуждали их к достижению еще более радикальных целей. Тогда Хрущев, поначалу готовый проглотить обиду и принять Венгрию Надя, сказал “нет”. И венгерское восстание было разгромлено.

ЦРУ тем временем все еще искало венгероговорящих сотрудников. Второго ноября американская разведка послала в кратковременную командировку в Будапешт специалиста по связи*. Другим агентам было запрещено пересекать границу Венгрии — ЦРУ вновь и вновь повторяло формулу, в соответствии с которой ни один из сотрудников управления не должен был совершать действия, которые могли бы вызвать обвинения во вмешательстве во внутренние дела Венгрии**. Много сил и времени было отдано на выяснение “местоположения и планов Ференца Надя [венгерского политического изгнанника, никак не связанного с Имре Надем, бывшего лидера партии мелких хозяев], который в то время находился в Париже и пытался проникнуть в Австрию”***.

В ЦРУ стала поступать информация от венгерских граждан, в частности от служащих на железной дороге, пользовавшихся телетайпом. Согласно одному из донесений американской разведки: “Некоторые люди, с которыми мы говорили на границе, сообщали нам сведения, полученные в их городах по железнодорожному телеграфу из других областей”****. На этой, последней стадии восстания ЦРУ было особенно заинтересовано в сведениях о передвижениях советских войск. Пользуясь превосходными возможностями РСЕ, которая ловила радиопередачи восставших, 30 и 31 октября американская разведка полу-

* CIA, *Clandestine Services Historical Series (CSHP 323): Hungary External Operations 1946–1965* (MORI DocID: 1161462; части, рассекреченные по моей просьбе в декабре 2004 года), том 1, 69.

** CIA, *CSHP 6*, vol. 1, 95.

*** Там же, 96. Правительство США, включая ЦРУ, не хотело, чтобы Ференц Надь ехал в Вену, опасаясь, что оттуда он отправится в Венгрию, где его присутствие создаст еще большую неразбериху.

**** Там же.

чила сведения о перемещениях советских частей близ границы с Венгрией. В другом случае железнодорожные служащие из восточной Венгрии сумели передать важные сведения в Дьёр, город у западной границы страны*. ЦРУ удалось также почерпнуть некоторую информацию о происходящем у одного или двух венгерских водителей грузовиков, которых посылали в Вену за провиантом, но у водителей было мало времени для рассказов, так как они “естественно, очень спешили вернуться обратно”**.

Тем не менее, вследствие неподготовленности к восстанию, нехватки соответствующих кадров и отсутствия полномочий отправлять в Венгрию агентов, ЦРУ, как и остальная вашингтонская бюрократия, не ожидало второго и решающего советского вторжения 4 ноября. Это странно, если учесть подробные сведения о перемещениях советских войск в Венгрии, поступавшие из Будапешта и особенно из “восточного коридора” близ советской границы. Ночью 3 ноября “источник на границе сообщал, что он уверен в готовности русских к вторжению. Однако после вторжения некоторые агенты утверждали, что до ночи 3 ноября ни один из их источников не сообщал о начале интервенции”***. Так или иначе, но ЦРУ не сумело предсказать карательную операцию. В разведывательном управлении думали, что восстание увенчалось успехом.

Отчет ЦРУ заканчивается на сардонической ноте. “Четвертого ноября, — говорится в нем, — из центра пришла телеграмма [слово вычеркнуто], согласно которой бежавших лидеров сопротивления следовало готовить к выступлению в ООН, и где говорилось, что будут приняты меры для упрощения въезда таких лиц в США. *Шестого ноября мы уже обсуждали методы работы беженцев [в пропагандистских целях].* Вот и все”****. Так в изменившейся риторике американского правительства отжившие свое лозунги об “освобождении” должны были уступить место обличению советских жестокостей.

Был ли такой исход неизбежен?

* Там же, 105.

** Там же, 84.

*** Там же, 96.

**** Там же. (Курсив мой. — Ч.Г.).

Глава шестая Восстание и непредреженность поражения

В интересах мира и свободы — свободы и от деспотизма, и от анархии — нам следует надеяться, что на время, не навсегда, но на время восстания в странах-сателлитах [СССР] ограничатся титоизмом.

Уолтер Липман, 26 октября 1956 г.

1

Профессиональные исследователи венгерского восстания 1956 года редко рассматривали или же отметили саму возможность успеха революции, утверждая, что ее исход отражал баланс сил в холодной войне и, следовательно, был предсказуемым и неизбежным. Согласно подобной оценке, и Советский Союз, и Соединенные Штаты предпочитали существовавшее разделение Европы непредсказуемым последствиям изменений в послевоенном статус-кво. Восстание не могло не потерпеть поражение. Точка.

Однако в более неформальной обстановке, особенно пропустив рюмку-другую, венгры и американцы, вспоминая или интересующиеся революцией пятьдесят шестого, никогда не переставали размышлять об ином исходе венгерского кризиса. В конце концов, история — это не только череда “фактов” или “событий”, но и попытка их истолкования; пути мысли не противоречат разумным гипотезам. В той мере, в какой альтернатива историческим событиям *правдоподобна*, обсуждение возможного исхода тех или иных событий представляется правомерным и полезным интеллектуальным упражнением. Так, например, размышляя об истоках Второй мировой войны, мы вправе задаться вопросом, как изменилась бы международная обстановка, если бы Америка накануне войны занимала менее изоляционистскую позицию, или если бы в 1930-х во главе Великобритании стоял Уинстон Черчилль, а не Невиль Чемберлен, или если бы в Германии увенчался успехом заговор против Гитлера? А по поводу венгерских событий не лишены интереса следующие вопросы. Что если бы Никита Хрущев ради сохра-

нения региональной стабильности распространил процесс десталинизации на страны советского блока и допустил проведение преобразований подобных титоистским? Что если бы венгерская компартия, последовав примеру Польши, с самого начала поддержала курс Имре Надя? Что если бы Соединенные Штаты уже в 1950-х годах проводили в отношении Центральной и Восточной Европы миролюбивую политику, направленную на постепенное смягчение коммунистических режимов, как это происходило в шестидесятых? Что если бы во время венгерского кризиса США выступили с предложением двустороннего сокращения вооруженных сил в Центральной Европе?

В 2002 году известный венгерский историк Чаба Бекеш опубликовал обстоятельную, вызвавшую немало споров работу “Могла ли венгерская революция 1956 года увенчаться успехом?”*. Основываясь на доктринах школы “реалистичной политики” (Realpolitik), Бекеш утверждает, что подвергать сомнению неизбежность поражения венгерского восстания было бы анти-исторично. Используя общедоступные и недавно открывшиеся архивные источники, он рассматривает четыре основных “переменных” в венгерском кризисе, а именно: роль Суэцкого кризиса, Соединенных Штатов, Организации Объединенных Наций и, разумеется, Советского Союза. И заключает, мне кажется, справедливо, что Суэц был для Вашингтона не более чем удобным оправданием; США не изменили бы своей политики в отношении Венгрии и без Суэцкого кризиса. ООН находилась в тупике неразрешимых разногласий и поэтому была бесполезна. А что касается Кремля, где из всех членов политбюро наибольшую терпимость к венграм проявлял Анастас Микоян, который полагал, что правительство Надя сможет взять ситуацию под контроль и это, возможно, устранил необходимость советского вторжения, то ни он, ни какой-то другой советский правитель не смог бы позволить Венгрии “уйти на Запад”, сохранив при этом свой пост. Следовательно, считает Бекеш, наибольшее значение

* Csaba Békés. Gyozhetett volna-e a magyar forradalom 1956-ban? в *Mitosok, legendák, tévhitek a 20. századi magyar történelemből* [Мифы, легенды, иллюзии в венгерской истории XX в.], под ред. Ignác Romcsis (Budapest: Osiris, 2002), 339–360. См. также его работу: *The 1956 Hungarian Revolution and World Politics*, Cold War International History Project Paper 16 (Washington, D.C.: Woodrow Wilson International Center for Scholars, 1996).

в венгерском кризисе имели “замороженные” отношения между Москвой и Вашингтоном и логика холодной войны. А эта логика предполагала незыблемость границы, разделявшей Европу на Восточную и Западную, и не могла быть нарушена без войны между двумя главными антагонистами. Таким образом, восстание было обречено с самого начала — иного исхода быть не могло. Согласно Бекешу, венгры, как и значительная часть американской общественности, не понимали, что две стороны в холодной войне достигли молчаливого согласия в отношении разделения Европы и продолжали верить пустым лозунгам об освобождении, которые провозглашались лицемерными западными политиками и пропагандистами. Бекеш приводит данные социологического опроса февраля 1957 года, согласно которым — невероятно! — не менее 96 процентов находившихся в Австрии венгерских беженцев ожидали, что во время восстания США в той или иной форме окажут Венгрии помощь*.

Что же касается излишней горячности самих повстанцев и “подстрекательской” роли радио “Свободная Европа”, то по этому поводу многие авторы высказывали не менее фаталистичные суждения, полагая, что попытки венгерского правительства или РСЕ умерить требования восставших заведомо были обречены на неудачу. “Одной из вечных тайн истории, — пишет Беннет Ковриг в классическом труде “Миф освобождения”, — останется вопрос о том, могла ли революция окончиться консолидацией режима [Надя], если бы венгры были прагматичны и склонны к компромиссам”**. В то время как Ковриг не пытается ответить на этот вопрос, Дюла Борбанди, автор обстоятельной и вдумчивой работы по истории венгерской редакции «Свободной Европы», категорически отвергает саму возможность сдерживающего влияния РСЕ на повстанцев в тогдашних обстоятельствах***. В интервью с Арчи Паддинг-

* Результаты этого социологического опроса не следует принимать за чистую монету. Однако с известной определенностью можно утверждать, что большинство венгров, участвовавших в боях повстанцев и их сторонников, ожидали от США какой-то помощи.

** Bennett Kovrig. *The Myth of Liberation...* 182.

*** Gyula Borbándi. *Magyarok az Angol Kertben: A Szabad Európa Rádió története* [Венгры в английском саду: история радио «Свободная Европа»] (Budapest: Európa, 1996).

тоном Борбанди высказался следующим образом: “Что мы должны были сказать венграм: “Проявите умеренность, возвращайтесь домой, будьте сдержанны?””. С первого дня существования РСЕ мы призывали венгров сопротивляться коммунизму. А теперь нам надо было посоветовать рабочим вернуться к станкам? А солдатам вернуться в казармы? Мы не могли сказать венграм: “Пожалуйста, будьте сдержанны”. Советская армия стояла в Будапеште. ...Революция была антикоммунистической; Надь был коммунистом. Многие не могли понять, как коммунист может возглавлять антикоммунистическую революцию”*

К таким словам следует относиться с пониманием, даже с симпатией. В течение почти четырех лет руководство и сотрудники радио “Свободная Европа” питались громогласной риторикой Вашингтона об освобождении. Более того, после начала восстания они работали в условиях недостатка информации, почти неизвестности. Они искренне верили, что их тяжелая работа во имя венгерского народа наконец начинает приносить плоды.

Так или иначе, Бекеш приходит к заключению, что к 1956 году, несмотря на острую идеологическую вражду и продолжающийся кризис вокруг Западного Берлина, холодная война в Европе достигла патовой ситуации. Несмотря на все декларации США об освобождении и советские лозунги о неизбежном триумфе социализма, сложившийся в Европе статус-кво не подлежал изменению. На одном уровне реальной политики Вашингтон, молчаливо соглашаясь на разделение Старого Света на два лагеря, понимал, что Москва не отпустит страну, граничащую с нейтральной, но прозападной Австрией и независимой Югославией, и проливал крокодиловы слезы по поводу советской жестокости, не забывая использовать существующие пропагандистские возможности. А на другом уровне поощрял антиком-

---

* Arch Puddington. *Broadcasting Freedom: The Cold War Triumph of Radio Free Europe and Radio Liberty* (Lexington: University Press of Kentucky, 2000), 108. Паддингтон пишет на той же странице: “Признавая справедливость некоторых критических замечаний в адрес венгерской редакции, Борбанди считает, что часть ответственности следует возложить на руководителей РСЕ, не осуществлявших твердое политическое руководство радиостанцией».

мунистическую деятельность в Восточной Европе, в то время как Москва финансировала прокоммунистическое движение в Западной Европе. В сложившихся обстоятельствах повстанцы вряд ли могли проявить большую умеренность: в конце концов, они восстали против одной из сторон в холодной войне, в то время как другая сторона манипулировала их страданиями, как если бы они были пешками в великой шахматной партии. Притом что венгерское правительство возглавлял коммунист Имре Надь, РСЕ было не вправе советовать революционерам умерять свои требования.

Эти здравые, хотя и чрезмерно фаталистические замечания заслуживают пристального рассмотрения. То, что представляется очевидным в ретроспективе, могло выглядеть иначе для участников событий: так, мы беремся утверждать, что поражение восстания не было ни предрешенным, ни неизбежным. Таким образом, чтобы достичь лучшего понимания прошедшего, необходимо попытаться проникнуть в “вечную тайну” истории. Почему четыре главных участника венгерской драмы — Кремль, повстанцы, венгерское правительство и Вашингтон (включая РСЕ в Мюнхене) — поступали так или иначе? Могло ли их поведение быть иным? Могло ли это изменить ход событий?

2

То, почему через тринадцать драматических дней восстание потерпело поражение, не составляет секрета. Оно провалилось, потому что Москва позволила себе пойти на поводу у страха потери сателлитов; потому что Будапешт — сначала повстанцы, а потом и венгерское правительство — преследовал цели, неприемлемые для Кремля; и потому что Вашингтон, не будучи готовым оказать действенную помощь, не выдвинул никаких альтернативных предложений и при этом позволил РСЕ ратовать за достижение нереалистичных целей. Иными словами, повстанцы насмерть стояли на своем; венгерское правительство оказалось слишком слабым, чтобы добиться взаимоприемлемой сделки с Москвой; Вашингтон ни разу не призвал революционеров к сдержанности, что, надо признаться, было бы мудрым советом, а Кремль, нимало не

убоявшись слабого противника в Будапеште, решил сокрушить венгров.

Однако все это не означает, что, если бы революционеры, венгерское правительство и Соединенные Штаты действовали более изобретательно или осторожно, Москва позволила бы восставшим достичь желаемых целей. Даже если бы участники венгерской драмы вели себя более рассудительно, Кремль, вполне вероятно, не допустил бы появления пусть и полусвободной, полунезависимой Венгрии. Этого мы никогда не узнаем. Мы знаем только то, что в 1956 году действиями всех четырех ключевых участников руководили иллюзии и обманутые ожидания. Холодные головы не возобладали ни в Будапеште, ни в Вашингтоне, ни, конечно, в Москве. Бал правили эмоции, но не мудрость. В результате, вместо того чтобы завоевать хотя бы немного простора, как это случилось в Польше, венгры за свою замечательную доблесть не получили ничего.

3

Исход венгерского восстания 1956 года зависел от следующих факторов:

- выбора Кремля между прежними, имперскими инстинктами и новым, не вполне оформившимся постсталинским курсом;
- стойкости повстанцев и их политического мастерства;
- способности венгерского правительства удовлетворить требования как восставших, так и советского руководства;
- сдерживающего влияния Вашингтона, так чтобы восставшие, венгерское правительство, Москва и сам Вашингтон согласились на компромиссный исход кризиса.

Каждый из этих факторов заслуживает отдельного рассмотрения.

4

При рассмотрении политики Кремля в период венгерского кризиса важными представляются следующие вопросы. Что могло бы убедить Кремль продолжить курс на невмешательст-

во, принятый 30 октября, объявленный 31-го и аннулированный в тот же день? Могло ли что-то побудить большинство членов советского политбюро принять сторону Микояна и в течение еще нескольких дней поддерживать попытки Надя восстановить порядок? Могли ли сами венгры каким-то образом повлиять на решение Москвы?

Ответы на эти вопросы в контексте, во-первых, истории советско-восточноевропейских отношений, во-вторых, развивавшегося одновременно с венгерским советско-польского кризиса, и, в-третьих, принятого 30 октября поразительного решения Кремля не вмешиваться, ставят под сомнение расхожую истину о неизбежности поражения венгерского восстания.

Первое. Вопреки широко распространенному мнению, Кремль в отношениях со странами-сателлитами как до, так и после 1956 года вовсе не был склонен проявлять бездумную воинственность; порой Москва, стремясь приспособиться к изменившейся реальности, шла на благоразумные, хотя и тактические уступки. Правда, что в критических обстоятельствах Кремль не намеревался терпеть сепаратизм своих мнимых союзников, о чем свидетельствует советская интервенция в Восточную Германию в 1953 и в Чехословакию в 1968 году. Но правда и то, что при некоторых обстоятельствах Кремль, пусть и неохотно, мирился с отклонениями от “генеральной линии”. Так, Советы отказались от планов вторжения в Югославию, Польшу, Албанию и Румынию, несмотря на то что достаточно независимые коммунистические правительства этих стран успешно сопротивлялись жестким требованиям Москвы.

Осенью 1956 года направление советской внешней политики предполагало возможность, но не неизбежность военного вторжения в Венгрию. Присутствие советских войск на венгерской территории, как и в случаях с Восточной Германией и Чехословакией, а также соседство Венгрии с нейтральной, но в целом ориентировавшейся на Запад Австрией указывали на вероятность интервенции. Однако процесс десталинизации, начавшийся в СССР в первые месяцы 1956-го, мог означать, что реакция Москвы на события в Венгрии окажется менее яростной, как, в частности, произошло в случае с Польшей. Учитывая курс на десталинизацию и примирение с Тито, Кремль в конце 1956 года имел веские причины ставить “жизнеспособность ре-

жима” впереди “сплоченности блока”*. Укрепление “жизнеспособности режима” означало политику, способную придать правителям центрально- и восточноевропейских стран хотя бы толику легитимности, чтобы они могли получить известную поддержку со стороны собственного народа; напротив, понятие “сплоченности блока” предполагало, что страны-сателлиты должны следовать в фарватере советской политики. В целом история советско-восточноевропейских отношений свидетельствует о несколько более изощренном, чем принято считать, политическом мышлении Кремля; советская политика в отношении Центральной и Восточной Европы обнаруживает разнообразие ответов Москвы на кризисные ситуации и, в частности, на угрозу отступничества**.

Второе. Неопровержимо то, что при схожих, хотя и не идентичных венгерским, политических обстоятельствах в Польше Кремль решил не вмешиваться. Несколько подробнее об этом говорится в главе 5 настоящей работы. Здесь же стоит подчеркнуть, что Польша в 1956 году и в иное время имела для Москвы гораздо большее значение, чем Венгрия. Польша представляла важность из-за ее положения между Германией и Советским Союзом, ее размеров, общеславянских корней и исторических

* Замечательный анализ этих двух, тогда еще оригинальных концепций содержится в работе Дж. Брауна: J. F. Brown. *Relations between the Soviet Union and Its Eastern European Allies: A Survey* (Santa Monica, Calif.: RAND, 1975).

** Несмотря на присущие каждой стране особенности, антисоветские волнения и восстания в каждой из центрально- и восточноевропейских стран можно разделить на две общие категории. Некоторые, как в Восточной Германии (1953), Венгрии (1956), Польше (1956, 1968, 1970, 1976 и в 1980-х) и Чехословакии (1968) были вспышками народного гнева против коммунистических угнетателей, направленными в первую очередь против советского господства и отчасти против местных коммунистических боссов. Другие, как в Югославии (1948), Албании (1961) и Румынии (1964), возглавлялись жесткими и непримиримыми национальными компартиями, желавшими устранить или ослабить советское влияние. По общему признанию, советская интервенция в Восточную Германию, Венгрию и Чехословакию отражала геополитическую тревогу Кремля о странах советского блока, граничивших с западными государствами. При этом следует упомянуть, что так называемая Пражская весна 1968 года поначалу была, конечно, реформистским движением внутри коммунистической элиты, а не народным антикоммунистическим восстанием, как в Польше.

связей с Россией, а также как витрина прославляемых завоеваний социализма. Венгрия же имела значение только в контексте декларируемого Кремлем “социалистического единства” в регионе. И однако Советская армия вторглась в Венгрию, а не в Польшу.

В глазах советского руководства вопрос об устойчивости власти имел первостепенное значение. Владислав Гомулка точно знал, что он делает. Он крепко держал власть. Его не мучили внутренние противоречия. Он был поляк, он был коммунист и он был другом Советского Союза, но не марионеткой Кремля. После того как прежние правители Польши, в первую очередь Эдвард Охав, уступили ему главенство в стране, а католическая церковь и РСЕ одобрили его курс на “националистический коммунизм”, власть Гомулки, несмотря на его коммунистические убеждения, получила поддержку народа. Безусловно, Хрущев хорошо понимал и ценил Гомулку. Вот почему, несмотря на их первоначальный конфликт, советский и польский руководители пришли к взаимопониманию и впоследствии часто консультировались по телефону и лично. Хрущев хотел, чтобы Гомулка нашел политическое решение польскому кризису, и верил, что тот сможет это сделать.

В случае же Венгрии Хрущев ожидал, что Надь скорейшим образом возьмет в свои руки всю полноту власти в стране и удержит ситуацию под контролем. Вести, доходившие до Хрущева в первые дни восстания, внушали опасения, однако затем последовало относительное затишье, и советское политбюро решило вывести войска из Будапешта. Увы, Надь не обладал решительностью Гомулки. В течение первых пяти дней Надь, казалось, пребывал в состоянии совершенной растерянности и неохотно поддержал советскую интервенцию против контрреволюционных, с точки зрения коммуниста, элементов. Затем (поначалу опять же неохотно) он перешел на сторону восставших, но не смог предотвратить массовое убийство партийных работников и агентов тайной полиции на площади Республики 30 октября. Для Хрущева, да и для всех советских правителей за исключением Микояна, случившееся — хаотические убийства коммунистов — было непереносимо. Хотя очевидно, что внезапный поворот курса и окончательное решение Кремля сокрушить венгров было продиктовано и другими факторами, но глубоко укорененный в российской политической культуре *страх*

перед беспорядками сыграл, видимо, решающую роль. Если бы Надю удалось предотвратить зверства на площади Республики и если бы в глазах Кремля он предстал решительным, твердым, расчетливым, хотя и независимо мыслящим коммунистом, Хрущев, весьма вероятно, увидел бы в нем второго Гомулку и дал ему возможность самостоятельно навести порядок в стране. Вместо этого, советские эмиссары видели в нем измученного, сомневающегося человека.

Третье. Неопровержимо и то, что 30 октября советское политбюро единодушно постановило: оно *против* военного вмешательства в венгерские дела. Это решение обнаруживало нежелание Хрущева рисковать курсом на десталинизацию дома и возможностью разрядки во внешней политике ради укрепления “сталинистской” стабильности в одной из беспокойных провинций империи. Интригующий вопрос, однако, в том, *почему* он и его коллеги передумали и предпочли в конечном итоге “сплоченность блока” принципу “жизнеспособности режима”. Если учесть, что к 30 октября венгры по обе стороны баррикад в основном разрешили существовавшие противоречия и подтвердили объединявшую многих веру в социалистические ценности и в стране наступил период относительного затишья. Было ли в таком случае советское вторжение ответом на бесчинства против коммунистов, совершенные тридцатого числа? Или же наоборот, интервенцию вызвали не беспорядки, а страшившая Москву перспектива “новой”, антикоммунистической стабильности в Венгрии? Могло ли быть так, что окончательное решение кремлевского большинства и отказ прислушаться к страстным призывам Микояна об отсрочке интервенции было продиктовано не событиями в Будапеште, а тем, что Вашингтон в это время был занят Суэцким кризисом?

Доступные автору этих строк хотя и весьма неполные записи совещаний в Кремле, воспоминания нескольких советских руководителей и современный обмен между Москвой и Будапештом подсказывают, что, принимая решение о невмешательстве, члены советского политбюро рассчитывали, что Надя поведет Венгрию в социалистическое будущее. Они хорошо знали о его популярности в народе и верили ему. К тому же, как рассказывал в декабре 1956 года своему доверенному помощнику посол Юрий Андропов, в Москве знали, что Соединенные Штаты, несмотря на пропаганду, оставались лишь пассивным наблюдате-

лем*. Но в Москве знали и то, что, если Надя не справится с задачей, то есть “упустит” Венгрию, Кремль найдет способ напомнить ему о пределах своего терпения (как позже об этом напомнили Гомулке).

То, что Кремль переменял решение на диаметрально противоположное, было, вероятно, обусловлено также и ухудшающимися отношениями между Микояном и Михаилом Суловым — двумя советскими эмиссарами, курсировавшими во время венгерского кризиса между Москвой и Будапештом. По советским стандартам Микоян был умеренным антисталинистом, а Сулов — догматичным сторонником жесткой линии. До последних дней восстания они успешно сотрудничали друг с другом, причем оба предпочитали опираться на Надя, а не на советские войска. Однако 30 октября их пути разошлись. Вероятно, именно в этот день Сулов перестал верить, что Надя способен обеспечить социалистическое будущее Венгрии в рамках советского блока. И в тот же день Микоян (а не Микоян и Сулов) сказал заместителю Надя Золтану Тилди, что Кремль одобрил формирование в Венгрии многопартийной политической системы. Однако Микоян действовал от своего лица. Советское политбюро не санкционировало этот шаг, и к тому времени Сулов уже не был «вторым я» Микояна. Когда 31 октября эмиссары летели в Москву, политбюро радикально переменяло курс и, несмотря на возражения Микояна, проголосовало за интервенцию.

Микоян и Сулов были в Будапеште в день убийств на площади Республики. Они все еще были в Будапеште, когда венгерское правительство, после беседы Микояна с Тилди, начало готовиться к введению в стране многопартийной системы западного образца. В этот же день, 30 октября, Микоян и Сулов встретились с Надем и нашли его другим человеком: теперь, после недели нерешительности и колебаний, этот некогда “московский” премьер-министр превратился в венгерского патриота и революционера. Пусть даже тогда он остался марксистом и ленинцем, но Сулову этого было недостаточно. Он ожидал совершенного послушания. Нам неизвестно, когда и как Сулов сообщил в Москву, что не согласен с Микояном, однако из записей совещаний в Кремле очевидно, что Сулов не возражал против окончательного решения политбюро, изменившего

* См. прим. * на с. 240.

принятый накануне курс на невмешательство. Возможно, к тому времени Хрущев, предчувствуя политические проблемы и не желая быть изолированным от коллег, предпочел равняться на Суслова, а также на посла Андропова и главу КГБ Серова, а не прислушиваться к советам своего самого верного товарища и сторонника Микояна. Именно потому, что ранее Суслов поддерживал все хрущевские решения в отношении Венгрии, советский правитель полагался на него так же, как оппозиционно настроенные сторонники жесткой линии в Кремле.

В конце концов Надь превратился в нечаянного революционера, который не сумел предотвратить внезапный всплеск насилия 30 октября и главным образом из-за этого лишился доверия Москвы. При принятии решения о подавлении революции известную роль сыграл и Китай, негласно поддержавший вердикт Хрущева. Высокопоставленная китайская делегация, прибывшая в то время в Москву, поначалу стремилась убедить Кремль не вмешиваться в польские и венгерские дела, несомненно из страха китайского руководства перед потерей собственной независимости от постсталинского политбюро. Однако ужас перед народной яростью пересилил иные соображения, и Китай проявил солидарность с Москвой. Так, китайцы сыграли роль пассивного советника: они поддержали Хрущева и когда советский правитель высказался в пользу невмешательства 30 октября, и когда он принял решение об интервенции 31 октября.

Итак, окончательное решение Советов о вторжении было вызвано: всплеском насилия на площади Республики; перспективой укрепления союза между правительством Надя и повстанцами; решением о восстановлении в Венгрии многопартийной системы, принятым венгерским правительством утром 30 октября после беседы с Микояном, всего за шестнадцать или восемнадцать часов до изменения курса в Кремле; и страхом Кремля перед ростом беспорядков в странах советского блока. Что в сложившихся обстоятельствах могло убедить Москву отложить военную операцию? Очевидно, что предотвращение кровопролития на площади Республики и отказ Надя принять требования восставших об окончании однопартийного правления позволили бы Москве держаться поистине исторического решения 30 октября, то есть постсталинского подхода к советским сателлитам в Центральной и Восточной Европе.

5

Если не отличавшиеся политической искусностью венгерские повстанцы преподали миру урок доблести, то у венгерского правительства, столкнувшегося с советской двуличностью и угрозой военного вторжения, в последние дни восстания почти не было пространства для маневров.

Изложенные выше рассуждения о мотивах и значимости тех или иных событий для Советского Союза показывают, как могли бы поступить венгры, чтобы дать себе шанс на победу. Во-первых, повстанцы должны были с еще большим тщанием избегать участия в кровавых бесчинствах, в особенности 30 октября, на площади Республики. Во-вторых, правительство не должно было терять пять судьбоносных дней, прежде чем примкнуть к восставшим, а приняв сторону революции, оно должно было убедить повстанцев умерить свои требования и отложить осуществление радикальных планов.

То, что движение за реформирование системы превратилось в восстание против системы, было исключительной особенностью венгерской революции. Студенты, а также вставшие рядом с ними молодые рабочие и солдаты верили в социалистические идеалы; они также верили в независимую Венгрию. Первоначальные требования восставших, выдвинутые 23 октября, были вполне сообразны политической действительности в Югославии Тито, а поэтому их можно было транслировать по радио “Кошут”, не угрожая коммунистическому режиму. Непроходимую глупость директора радио “Кошут”, отказавшегося пустить эти требования в эфир, можно сравнить разве что с недалекостью руководства компартии, во главе которой стоял тогда Эрнё Герё. Черно-белые категории коммунистической идеологии и политики — тот, кто не с нами, тот против нас — не позволяли им видеть нечто среднее. Руководство компартии радикализировало венгерскую молодежь. Что еще хуже, политбюро подорвало репутацию Надя, отождествив его с антиреволюционными мерами. К сожалению, растерявшийся, уставший и нервный Надь позволил кооптировать себя в политбюро в то самое время, когда он остался единственным человеком, способным предотвратить кровопролитие и удержать Венгрию на “социалистическом”, приемлемом для Кремля пути. Поведение Надя не отражало его популярности и доверия к нему в на-

роде, ведь в начальный период восстания он имел все возможности на успех при условии, что партийное руководство и его советские хозяева были согласны на неинтервенционистское разрешение кризиса.

Первая возможность “титоистской” развязки была упущена в тот день, когда радио “Кошут” отказалось передать требования студентов в эфир и таким образом подогрело революционный настрой молодежи. Вторая возможность была упущена, когда Надь не заявил публично о своих глубоких разногласиях с Герё и его приспешниками. Еще одна возможность была упущена, когда никто из коалиционного правительства, за исключением генерала Пала Малетера, не вышел к повстанцам и не призвал их умерить требования и отказаться от прямых оскорблений в адрес Советов. В своих многочисленных речах Надь ни разу не призвал к спокойствию, хотя он мог бы объяснить восставшим, что храбрость без рассудительности равнозначна ребяческому романтизму и что Венгрии необходима как отвага, чтобы избавиться от угнетателей, так и осторожность, чтобы заставить их отступить без войны.

Свою относительную бездеятельность на первой стадии восстания Надь попытался компенсировать в течение его третьей стадии. Поначалу отмежевавшись от восставших, он впоследствии полностью встал на их сторону, поддерживая все, даже самые радикальные требования. Если излишнюю горячность восставших можно извинить их молодостью, Надю в таком оправдании должно быть отказано. Он был опытным шестидесятилетним политиком, который должен был сознавать, что в политике есть время идти вперед и время отступать, время прислушиваться к зову сердца и время действовать головой. И, прежде всего, время, когда вы соглашаетесь на меньшее, чем то, чего, на ваш взгляд, вы достойны. Для маленькой страны, как Венгрия, частичная победа — это победа. Если бы с первого дня революции Надь стремился к целям, достигнутым к тому времени в Югославии Тито или в Польше Гомулки, в полной мере сознавая необходимость компромисса и направляя корабль революции между надеждами повстанцев и опасениями Кремля, первоначальные реформистские, социалистические цели восстания могли быть достигнуты.

Человек большого личного обаяния и одновременно природного упрямства, Имре Надь был, в известном смысле, про-

изводным и коммунистической идеологии, и венгерского романтизма — учений, схожим образом делящих мир на хорошее и дурное, правое и неправое. Обладая энциклопедическими познаниями в венгерской истории, он любил цитировать близких ему по духу поэтов или государственных деятелей. Похоже, что герои и мученики импонировали ему больше рассудительных, мудрых политиков, ищущих компромисса. Люди, подобные Шандору Петефи (поэт и герой венгерского восстания 1848—1849 годов против иноземного ига) впечатляли его гораздо больше, нежели, к примеру, Ференц Деак, в 1867 году добившийся компромисса с Австрией: его оппортунистическая политика не принесла тогда Венгрии полной независимости, но сыграла ключевую роль в экономическом подъеме страны и в удивительном архитектурном ренессансе, творения которого украшают Будапешт по сей день.

Прошлое и склад политического мышления Надя не подготовили его к роли вождя революции, который добился бы в 1956 году Великого компромисса. Его одинокие попытки реформировать сталинистскую систему на посту председателя правительства в 1953—1955 годах, его честность и благонамеренность в 1956-м и его беспредельное мужество и мученичество в 1957—1958 годах не должны затенять его политическую слабость в дни восстания. В конечном итоге, ему не удалось убедить московских властителей и будапештских повстанцев довольствоваться малой победой.

6

Наиболее характерной чертой политики США в отношении Венгрии в рассматриваемый период было лицемерие. Разумеется, лицемерие зияло в расхождении между официальной риторикой “освобождения” и отсутствием конкретных действий. Однако оно проявлялось и в расхождении между тайными решениями и нежеланием проводить их в жизнь. Непостижимая правда, непостижимая с точки зрения политического анализа, состоит в том, что, декларируя намерение заставить коммунистов отступить, правительство США ввело в заблуждение не только остальной мир, оно обмануло само себя. Американские должностные лица, от президента Эйзенхауэра до Френка Уис-

нера в ЦРУ и Уильяма Гриффита на радио “Свободная Европа” были искренне удивлены и глубоко разочарованы, когда их слова ободрения не принесли венграм свободу. Похоже, они испытывали чрезмерную, почти религиозную веру в могущество слов. В этом смысле они были подлинными идеалистами, жертвами собственных иллюзий. Между тем другие чиновники были просто циничны. Вице-президент Ричард Никсон, высказывание которого процитировано в начале третьей главы, не считал, что советская интервенция будет “однозначным злом” (так как она позволит США эксплуатировать тему жестокости Кремля)*, однако впоследствии он встретился с беженцами из Венгрии и в Австрии, и в Кэмп-Килмере, в штате Нью-Джерси. Возможно, его цинизм был производным высших политических интересов. Тогда его заботил вопрос об освобождении Конгресса от демократов.

Если отставить вопрос о лицемерии и мотивах, в 1950-х годах Соединенные Штаты совершили в своей венгерской политике три серьезные ошибки.

Во-первых, Вашингтон заигрывал с планом содействия титоизму в Центральной и Восточной Европе, однако в конце концов отказался от этой идеи. Слухи о разногласиях внутри администрации просочились в американские газеты, в частности в колонку Шульцбергера в “Нью-Йорк таймс”, но идея достижения умеренных целей не получила должной политической поддержки. В 1956 году по прямому указанию из штаб-квартиры в Нью-Йорке и от вашингтонских чиновников из Госдепартамента и ЦРУ радио “Свободная Европа” призывало венгерских слушателей не отступать от радикалистских требований и даже, усугубляя и без того непростую ситуацию, давало им рекомендации по изготовлению оружия для борьбы с советскими оккупантами. Если РСЕ и не “подстрекала” венгров к вооруженной борьбе, она, безусловно, “поощряла” их максималистские притязания.

---

* С одной стороны, Никсон, конечно, был прав. Советская интервенция потрясла ряд коммунистических партий в Западной Европе и подпортила репутацию Москвы в глазах непримкнувших стран третьего мира. С другой стороны, явное нежелание Никсона помочь венграм в сочетании с его стремлением извлечь выгоду из их героизма и жертв откровенно циничны.

Во-вторых, и это связано с вышесказанным, Соединенные Штаты едва ли замечали Надя и уж точно не испытывали к нему приязненных чувств. Так было и в течение первого премьерства Надя, и во время восстания. Не желая признавать незаурядность и подлинную популярность этого «москвича», Вашингтон и Мюнхен считали его просто еще одним коммунистом — не лучше и не хуже других. Если бы американское правительство обладало сведениями о связях Надя с НКВД в тридцатых и, возможно, в более поздние годы, у США был бы благовидный предлог не поддерживать его в 1953–1955 годах и в 1956-м. Однако в той мере, в какой это возможно установить, такая информация о Наде не была доступной. Следовательно, Вашингтон и Мюнхен просто не хотели думать о возможном единстве сторонников Надя среди коммунистов и понять суть “полицентризма”, развивавшегося в социалистическом лагере с появлением Югославии Тито.

В-третьих, во время самого восстания американская администрация не выступила ни с одной дипломатической инициативой, которая могла бы привлечь внимание Кремля и по крайней мере отсрочить день вторжения. Единственное послание США в адрес Москвы содержалось в речи госсекретаря Джона Фостера Даллеса 27 октября, в которой он поспешил уверить Хрущева, что Америка не заинтересована в Венгрии как в возможном военном союзнике. Иными словами, США прояснили, чего они *не* хотят и *не* планируют делать. Но ничего не было сказано о том, как США *планируют* поступать. Понятно почему! Ведь даже когда 1 ноября мировая пресса сообщила о начале второго и последнего советского вторжения, Соединенные Штаты не выступили, например, с рекомендацией о поездке в Будапешт Генерального секретаря ООН, который своим присутствием мог бы попытаться сдержать или отложить интервенцию. Администрация Президента США не предложила обсудить и обоюдное сокращение вооруженных сил в Европе или вывод американских войск из небольшой западноевропейской страны в обмен на вывод Советской армии из Венгрии. Короче говоря, существовало несколько дипломатических возможностей побудить Кремль отказаться от интервенции или отложить ввод войск. Однако Вашингтон, по причинам, рассмотренным выше, упустил всякую возможность сохранить верность венграм — и самому себе.

7

Слишком многие представители советской политической элиты питали иллюзии в отношении возможности построения жизнеспособного государства на основе принуждения, а не убеждения. Слишком многие венгры питали иллюзии, полагая, что их отважное восстание заставит Советский Союз отступить. Слишком многие американцы питали иллюзии, надеясь, что их громогласная риторика отведет руку Москвы.

Слишком многие венгры и американцы верили в победу только потому, что были убеждены в собственной правоте.

Действенное противоядие от подобных иллюзий следует искать не в «реалистичной политике», принимающей положение вещей как оно есть, но в зрелости и готовности к постепенным переменам*. Если бы главные действующие лица в венгерской драме 1956-го были идеалистами без иллюзий, то есть если бы они не ставили недостижимых целей, исход восстания мог быть совсем иным. Документальные материалы со всей очевидностью свидетельствуют, что если бы Соединенные Штаты убедили венгров проявить сдержанность и умерить свои требования, то принятое 30 октября 1956 года историческое решение Советского Союза о невмешательстве не изменилось бы на прямо противоположное уже через сутки.

При этом не следует забывать, что, несмотря на все тактические и стратегические ошибки американцев и венгров во время восстания 1956-го и в предшествующий период, тяжесть вины за неудачу благородной попытки Венгрии обрести независимость лежит, конечно, на Москве, а не на Вашингтоне или Будапеште.

---

* Здесь и в иных местах книги обобщения относятся к 1956 году. В то время обстоятельства международной политики благоприятствовали ограниченным переменам. В 1989 году, напротив, обстоятельства международной политики — в особенности решение Кремля отпустить так называемую «внешнюю империю» — сделали возможными фундаментальные преобразования.

Глава седьмая

Эпилог: ВОСПОМИНАНИЯ ВЫТЭСНЕННЫЕ И ОЖИВШИЕ

Как могли вы [венгры] тридцать три года жить без свободы?

Имре Меч, студент университета, смертный приговор которому за участие в восстании 1956 года был позже смягчен. 16 июля 1989 года

1

Тысяча девятьсот пятьдесят шестой год стал поворотным в моей жизни; по сей день события того времени с необычайной живостью встают перед моим мысленным взором. Однако, имея непосредственное отношение к истории 1956-го и к людям, участвовавшим в восстании, я ждал почти три десятилетия, прежде чем включить главу под названием “Москва и Имре Надь, 1953–1956” в изданную в 1986 году книгу “Венгрия и советский блок”. Только тогда я счел, что могу рассмотреть этот предмет с известной беспристрастностью.

В начале девяностых, когда вслед за падением коммунизма открылись некогда тайные архивы, я решил обратиться к этой теме снова. Мне хотелось знать, подтвердят ли новые документы мой собственный опыт и те сведения, которые я почерпнул в открытых источниках. Ответ на этот вопрос оказался неоднозначным. В общем и целом, многие из ставших доступными документов и в меньшей мере некоторые интервью с венграми, оказавшимися во время описываемых событий по разные стороны баррикад, подтверждали то, что мы знали или о чем догадывались ранее. Разумеется, документальные свидетельства и беседы с участниками событий оказались полезными. Открылись новые подробности, относящиеся к биографии повстанцев; к действиям и бездействию революционного правительства Надя; к поведению СССР, Югославии и США в дни кризиса; к вещательной деятельности радио “Свободная Европа” и к образованию просоветского, постреволюционного правитель-

ства Яноша Кадара. Поразительным оказался проступивший портрет Имре Надя — ключевой фигуры в драме 1956 года. Мне посчастливилось одному из первых получить доступ к документам о его румынской ссылке в конце 1956 и начале 1957 года, о его отношениях с обвинителями после революционных событий и о его бесстрашном поведении перед лицом двух тайных венгерских судов в феврале и июне 1958-го.

Надь, колеблющийся и неуверенный в своих силах в дни революции, превратился по дороге на плаху, в 1957–1958 годах, в решительного, стойкого, волевого и неуступчивого борца за свои убеждения. В мужественном противостоянии следователям и так называемым судьям на венгерских судилищах Надь показал себя подлинным героем и патриотом. Это тем более поразительно, что, если учесть московское прошлое Надя и то, что если бы после начала советского вторжения он официально ушел в отставку и признал сформированное Москвой правительство Кадара, ему сохранили бы жизнь; возможно, он даже смог бы участвовать в политической или академической жизни Венгрии. Но он отказался сотрудничать со своими тюремщиками. Он не стал каяться в политических грехах. Несколько раз он упрямо отказывался подписать протокол допроса и даже объявил голодовку, когда грубый следователь не позволил ему изложить свою версию событий.

Суд над Надем в феврале 1958 года был прерван по просьбе советского руководства; Москва не хотела, чтобы оглашение смертного приговора помешало работе по организации советско-американской встречи на высшем уровне. Второй и последний суд, состоявшийся в июне 1958-го, был запечатлен на киноленту, однако в настоящее время доступны лишь небольшие отрывки этого фильма. Здесь Надь бросает вызов кафкианскому кошмару судилища: здесь он предстает главным обвиняемым на тайном показательном процессе, в котором судья, двое обвинителей и команда по-овечьи кротких адвокатов вовсю стремятся продемонстрировать, что следуют нормальной юридической практике. Во время всего процесса, на котором присутствовала группа доверенных офицеров тайной полиции (один из них снимал отвратительное действие на пленку), Надь ни разу не уступил обвинителям. Словно ожидая, что кинозапись суда однажды станет достоянием общественности, он сражался за свое наследие. Он не стал просить о помиловании.

В последнем слове он призвал “международное рабочее движение” восстановить его доброе имя. Он погиб истинным мучеником и, пожалуй, единственным в истории добродетельным большевиком.

Таким образом, можно утверждать, что Надь был верным коммунистом, который стал патриотом Венгрии. Сложнее понять то, что коммунист Надь превратился в патриота, оставшись при этом коммунистом.

2

Шестнадцатого июня 1989 года, спустя тридцать один год после того как они были повешены и похоронены в безымянной могиле, прах Имре Надя и четырех других мучеников 1956 года был торжественно перезахоронен в Будапеште. На церемонии присутствовало 250 000 человек и еще миллионы людей в Венгрии и по всему миру следили за происходящим по телевидению. Падение коммунистического однопартийного государства, к которому призывали в 1956-м восставшие, теперь представлялось неминуемым. Я стоял там, на площади Героев, среди сановников и представителей прессы, но не потому, что был сановником или журналистом, а потому, что отправился туда в компании с Марком Палмером, энергичным, деятельным послом США в Венгрии и ныне покойным Питером Дженнингсом из “Эй-би-си ньюз” и его женой Кэти Мэртон. Во всем происходящем было что-то нереальное. Почетный караул состоял из руководителей венгерской компартии, которые теперь пытались выдать Надя за своего. Со всех концов страны на площадь прибывал народ: люди, которые в течение десятилетий мирились с коммунистическим режимом, стремились навеки запечатлеть краткие дни 1956-го в истории. Члены почетного караула делали вид, что не помнят, как в течение тридцати долгих лет подавляли всякое воспоминание о 1956 годе. Народ не хотел вспоминать годы покорного сотрудничества с репрессивным послереволюционным режимом Кадара. А бодрый, как всегда, посол Палмер предпочитал не говорить о том, как его шефы в Белом доме и в Государственном департаменте велели ему не выказывать чрезмерного энтузиазма по поводу происходящих исторических событий.

Речи уцелевших участников восстания и нескольких лидеров новой оппозиции были милосердно краткими. “Как могли вы [венгры] тридцать три года жить без свободы?” — вопрошал Имре Меч, участник восстания, который в 1956 году был студентом университета, а затем провел годы в камере смертников*. Видимость согласия между старым режимом и его противниками сломал Виктор Орбан, которому меньше чем через десятилетие суждено было стать премьер-министром Венгрии: “Мы не понимаем, — сказал он, — как те, кто яростно клеветал на революцию и премьер-министра, внезапно превратились в убежденных сторонников Имре Надя. Мы не понимаем и того, почему вожди партии, заставлявшие нас штудировать учебники, в которых Революция была оболгана, теперь стремятся прикоснуться к гробам, будто это талисманы, приносящие счастье”**. Парадоксальным образом Орбан, тогда убежденный либерал западного образца, всего через несколько лет превратился в ярого националиста.

Хотя ни тогда, на площади Героев, ни в истекшие с того дня годы венгры так до конца и не примирились с противоречивым наследием 1956-го, там, на площади, в воздухе витало воодушевление. В людях, много лет гордившихся тем, что они живут в “лучшем бараке коммунистического лагеря” и пользуются скудными свободами при полуавторитарном режиме Кадара, вдруг ожили воспоминания о подлинной свободе 1956-го. Что это, люди наконец встали во весь рост или так только казалось? По щекам у меня текли слезы. Во второй раз в жизни история творилась на моих глазах.

3

За пять с лишним лет я изучил десятки тысяч страниц документов в различных архивах Будапешта, Москвы и Вашингтона; посетил тюремные камеры, где содержались узники 1956 года; запечатлел копию киноплёнки, на которой запечатлено последнее судилище над Надем и его сподвижниками, и, подобно сыщику, выследил и провел интервью с более чем сотней участ-

* *Magyar Nemzet*, 17 июня 1989 г.

** *New York Times*, 17 июня 1989 г.

ников событий, включая уцелевших арестантов и жертв, членов венгерского политбюро, нескольких офицеров полиции и даже двоих осведомителей. Я упомянул или описал некоторые из этих встреч в примечаниях к настоящей работе; иные беседы были включены в ткань повествования.

Пожалуй, наиболее памятными и, безусловно, пробудившими во мне самые противоречивые чувства были встречи с генералом венгерской тайной полиции Шандором Райнаи. Беседы, которые состоялись у меня с ним в 1991 году, продлились в общей сложности сорок часов. В 1957 году именно Райнаи взял под стражу Имре Надя и его товарищей по ссылке в санатории близ Бухареста и привез их в Будапешт в наручниках и надетых на глаза черных очках сварщиков; именно он руководил их допросами, поддерживал связь с “местными” советниками из КГБ и писал сценарий обвинительного заключения. Он был драматургом и сценическим директором последнего кровавого показательного процесса в истории советского блока.

Представлявшие собой мешанину из лжи, уклончивых ответов и немногих проницательных замечаний рассказы Райнаи редко соответствовали известным мне фактам. Он сказал мне, что сожалеет о жестоких приговорах, но что он мог сделать тогда? Насколько ему было известно, судья сам подготовил текст приговоров. *Это было неправдой. Сценарий написал Райнаи. Кадар и его политбюро, после совещаний с Хрущевым и советским политбюро, решили, кто останется жить, а кто умрет.* Знал ли он, почему некоторые из подсудимых получили более жесткий приговор, чем другие? Нет, не знал. Непостижимо. Имре Надь, генерал Пал Малетер и Миклош Гимеш были приговорены к смерти; начальник будапештского управления внутренних дел Шандор Копачи был приговорен к пожизненному заключению; Золтан Тилди, Ференц Донат, Ференц Яноши и Миклош Вашархейи получили от двенадцати до пяти лет тюремного заключения. Разлученный с товарищами Йозеф Силади был также приговорен к смерти, а Гезе Лошонци, который не получал в тюрьме должной медицинской и психологической помощи, “позволили” умереть. Райнаи принимал непосредственное участие в каждой стадии судебного процесса. Какую роль он играл? Он сказал, что осуществлял контроль над следствием вначале, до августа 1957 года, и не присутствовал на суде и не знал о ходе процесса до его окончания. Неправда. Он присутст-

вовал на судилище и наблюдал зловещее представление. Кто из вышестоящих лиц присутствовал на суде? Никто из тех, кого он знал. Неправда. Несколько офицеров тайной полиции и чиновников министерства юстиции слушали судебное разбирательство в тайной комнате близ зала суда. Райнаи был одним из двух доверенных офицеров, которым было позволено находиться там вместе с вышестоящими лицами. Наряду с иными относящимися к делу документами я обнаружил в венгерском архиве выписанный на его имя счет из буфета. Кто давал ему указания? Он знал свои должностные обязанности и знал, что ему делать. Он подчинялся заместителю министра внутренних дел. Отчасти правда. Ибо косвенные доказательства свидетельствуют о том, что он выполнял также роль связного между венгерскими режиссерами судебного процесса и советской тайной полицией.

Пытаясь вывести Райнаи на чистую воду, я сказал ему во время нашей предпоследней встречи, что его ответы напоминают мне защиту нацистов: те никогда не признавали ответственности за содеянное. Моя жена, которая также присутствовала при этом интервью, проходившем на вилле Райнаи в окрестностях Будапешта, высказалась еще более резко. Она сказала Райнаи, что ему очень повезло, потому что нынешние, посткоммунистические власти Венгрии решили не обращаться с ним и с ему подобными как с военными преступниками. Наш выпад не достиг желаемой цели: побагровев, оскорбленный Райнаи с негодованием отверг сравнение с нацистами, но не сказал мне ничего нового. По сути, во время всех наших долгих бесед он едва ли сообщил мне что-то, что не было мне известно из других источников. Когда мы с женой шли тем вечером к автобусной остановке, чтобы вернуться в Будапешт, она спросила меня, не думаю ли я, что трачу время даром. Я так не думал. Эти долгие беседы, подробности, которые мне поведал Райнаи, добавили немало характерных штрихов к портрету этого уравновешенного, хорошо образованного, прекрасно излагающего свои мысли, даже утонченного и все же в конечном итоге злого человека. Когда мы познакомились, он, очевидно, метался между дерзкими попытками самооправдания и раскаянием, переживая глубокий разлад с собой. Он очень хотел говорить, но не желал рассказывать то, что знал. Как-то он выразил свое отношение к суду над Надем, правда не при мне, а в разговоре с Маркусом

(“Мишей”) Вольфом, некогда знаменитым восточногерманским шпионом: “Миша, — сказал, согласно Вольфу, Райнаи, — такое не должно повториться”*.

В письме, которое я получил от Райнаи в 1993 году, спустя пару лет после последнего интервью, он просил меня о помощи с получением американской визы. У него не было большего желания, писал он, чем посетить свою дочь, которая проживала в США. Принимая во внимание те сорок часов, что я провел в его обществе, и полагая, что в Америке я смогу побудить его говорить со мной более откровенно, я думал, что мне стоит попытаться ему помочь. Но я этого не сделал. Таков был мой долг памяти по отношению к его жертвам — к отважным героям 1956 года и, конечно, к Имре Надю.

4

Почему Надя и нескольких его сподвижников приговорили к смерти, кто принимал решение о жизни и смерти этих людей — это важные вопросы, на которые теперь можно ответить определенно. Дело в том, что летом 1957 года центр принятия решений по делу о венгерском восстании сместился из Москвы в Будапешт, а в Будапеште — к Яношу Кадару. В конечном итоге именно Кадар, а не советское руководство, с фанатичным упорством довел процесс до печальной развязки.

В архивах содержится множество сведений о том, как принимались решения в Будапеште и Москве. С ноября 1956 по июнь 1958 года дело Надя обсуждалось почти каждый день — разными лицами и в разных кабинетах. Протоколы и отчеты о заседаниях необычайно подробны и содержат исчерпывающие сведения о проводившихся встречах. Имена тех немногих, кто участвовал в тайной подготовке судебного процесса и допросах обвиняемых, присутствовал на совещаниях и принимал решения, не изъяты и отлично прослеживаются в архивных источниках. Как следует из этих документов, обоснование суровой кары эхом вторило публичным заявлениям советских и венгерских

* Markus Wolf. *Man Without a Face: The Autobiography of Communism's Greatest Spymaster* (New York: Times Books — Random House, 1997), 85.

вождей: Надь “вымостил дорогу” к контрреволюции, допустил убийство невинных коммунистов и рабочих, предал народную демократию и т. д. Властители как в Москве, так и в Будапеште считали Надя предателем, причинившим непоправимый ущерб Венгрии, советскому блоку и “делу социализма” в целом. Соответственно, суровый приговор должен был отразить тяжесть содеянных преступлений и упредить чьи-либо попытки подражать своеволию Надя.

Как публичные, так и приводившиеся за закрытыми дверями доводы в пользу того, чтобы призвать Надя и его сподвижников к ответу за приписываемые им преступления, отражали естественное стремление коммунистической партии защитить собственную монополию на власть. Так, в дополнение к другим преступлениям, Надя обвинили в убийстве коммунистов на площади Республики 30 октября. Однако в архивных документах нет ответа на следующий вопрос: какие личные мотивы побудили некоторых венгерских или советских вождей вынести те или иные суждения на основе недавних событий? В архивах не найти удовлетворительного ответа и на еще один, вполне конкретный вопрос: почему, если приписываемые Надю преступления были столь чудовищны, суд несколько раз откладывался и состоялся только в середине 1958 года?

Вопрос — почему потребовалось полтора года для того, чтобы провести суд над Надем и вынести “назидательный” приговор, — имеет значение, так как политическая ситуация непосредственно после революции в корне отличалась от ситуации в середине 1958 года. В декабре 1956 или январе 1957 года обстановка в Венгрии оставалась крайне неустойчивой. Все еще действовали некоторые советы рабочих; писатели распространяли письма протеста; западные посольства получали тысячи обращений с призывами к действию или требованиями осудить марионеточный режим Кадара. В других частях коммунистического лагеря, в частности в Польше, ситуация была напряженной, даже критической. В этих обстоятельствах скорая расправа и военные суды над сотнями повстанцев служили рациональной, хотя и низменной цели. Они должны были посеять в народе страх и привести людей к повиновению. Так, несколько рядовых участников восстания, обвиняемых в преступлениях гораздо менее серьезных, чем Надь и его сподвижники, были казнены немедленно по-

сле установления режима Кадара, и суд над ними был предан широкой огласке — “в назидание”*. Тем временем Надь, которого обвиняли практически во всем, что произошло в дни революции (группа следователей уже начала работать с его делом), содержался на фешенебельном румынском курорте под домашним арестом. В основном из-за двойственной позиции Кадара возможность немедленно покарать “главного зачинщика” восстания 1956-го была упущена.

Напротив, в июне 1958 года, когда Надь был предан суду и казнен, в Венгрии было тихо, дух сопротивления истощился. Янош Кадар сосредоточил в своих руках всю власть. Владислав Гомулка, своего рода “польский Надь”, к тому времени спустил паруса реформатора и вернулся в лоно советской власти. В Советском Союзе теперь безраздельно правил Хрущев — годом ранее он нанес поражение своим противникам-сталинистам, так называемой антипартийной группе, возглавляемой Молотовым, Маленковым и Кагановичем. Времена, когда он был вынужден утверждать свою власть под сильным давлением — в течение венгерского восстания и в первую половину 1957 года — отошли в прошлое. Теперь “будапештский мясник” снова хотел выглядеть антисталинистом, правителем, с которым мог бы иметь дело Запад. В конце 1957 года он стремился к встрече с президентом США, выражая интерес к подписанию соглашения о сокращении вооружений и развивая общую концепцию “мирного сосуществования”. Надь перестал значиться в списке его приоритетов. Хотя советская пресса продолжала обличать Надя в “ревизионистских” грехах, с точки зрения Хрущева это дело утеряло политическую актуальность.

* После советского вторжения венгерские суды приговорили к смерти 229 человек; половине из них (51 проценту обвиняемых) инкриминировалось участие в вооруженном восстании. Еще одной группе приговоренных к смерти (15 процентов) были предъявлены обвинения в участии в антикоммунистическом сопротивлении после восстания. С 4 ноября 1956 по 1 апреля 1958 года гражданские и военные суды Венгрии, по делам, связанным с восстанием, приговорили к тюремному заключению 14 378 человек. Достоверных данных о числе лиц, незаконно переправленных в Советский Союз, нет, однако представляется, что оно ниже называвшегося в народе числа в несколько тысяч человек. Данные из работы: Attila Szokolczai. *Az 1956-os forradalom és szabadságharc* [Революция 1956 и борьба за свободу] (Budapest: 1956-os Intézet, 2001), 92–93.

Перемены в политическом положении Хрущева объясняют изменчивость отношения Кремля к Надю в период после революции. В первой половине 1957 года инициативу взяла группа членов политбюро во главе с Молотовым, настаивавшая, чтобы Кадар, который тогда еще пребывал в нерешительности, как можно быстрее довел процесс до конца. Маршал Ворошилов даже сказал Кадару, что если тот не готов выполнить задачу, Москва рассмотрит вопрос о возвращении к власти в Венгрии находившихся в советском изгнании сталинистов, включая Матиаса Ракоши. Однако во второй половине 1957-го интерес Москвы к делу Надя начал убывать. В августе прилетевшего в Москву Белу Биску, венгерского министра внутренних дел и одного из заместителей Кадара, против установленных правил встречали советские руководители среднего звена. Биску сообщил Андропову, бывшему послу СССР в Венгрии, а ныне заведующему отделом ЦК КПСС, и двум другим советским сановникам — генеральному прокурору Роману Руденко и генералу КГБ Петру Ивашутину, — что приготовления к суду над Надем завершены, и что венгерское политбюро рассмотрело возможность “самого сурового приговора” в отношении семи из одиннадцати соответчиков: Надя, Лошонци, Доната, Гимеша, генерала Малетера, Силади, а также генерала Белы Кирая заочно. Три советских чиновника почти безразлично доложили о содержании консультаций с Биску на заседании ЦК*.

* См. два “письма” в ЦК КПСС, одно из которых, датированное 29 августа 1957 года, было подписано бывшим послом в Венгрии Юрием Андроповым, к тому времени заведовавшим отделом ЦК по связям с компартиями стран социалистического блока, генпрокурором Руденко и заместителем председателя КГБ Ивашутиным. Второй документ, от 29 августа 1957 года, был написан Андроповым. Оба письма были опубликованы на английском в переводе Светланы Савранской и Малькольма Бирна соответственно: *The 1956 Hungarian Revolution: A History of Documents*, под ред. Csaba Békés *et al*, 539–542. В этих документах раскрывается содержание бесед трех советских должностных лиц с Белой Биску, министром внутренних дел Венгрии, ведавшим приготовлениями к судебному процессу над Надем. Тщательно подбирая слова, Биску сообщил собеседникам, что венгерские правители не пришли к окончательному решению, но обсудили вопрос и высказались за вынесение “самого сурового приговора” Надю, Лошонци, Донату, Гимешу, Малетеру, Силади, а также Беле Кирая заочно.

Во второй половине 1957-го венгерская телега встала впереди советский кобылы. Пришел черед Кадара взять инициативу в свои руки и навсегда закрыть дело Надя. На это у Кадара были веские причины. Вновь поднявшие головы сталинисты в партии и особенно в тайной полиции с удвоенной настойчивостью заговорили о прошлых и настоящих ошибках нового венгерского правителя. Для них Кадар был “слишком мягким”. Так, следователи говорили Надю, что со временем и сам Кадар окажется за решеткой. Они весело вспоминали, как всего за несколько часов до того, как дезертировать в Москву 1 ноября 1956 года, Кадар восхвалял венгерский народ за “нашу славную революцию”. Мы знаем, что Кадар ничем от вас не отличается, говорили заключенным*.

В августе, дабы нейтрализовать сторонников жесткой линии, которые требовали еще большей крови, Кадар принял решение о начале судебного процесса в сентябре. Однако в сентябре суд не состоялся. Еще до начала первого заседания Москва, утверждая, что проведение суда сейчас осложнит сентябрьское обсуждение “венгерского вопроса” в ООН, попросила об отсрочке. Кадару пришлось ждать**. Затем венгерское политбюро вновь приказало судебным властям начать разбирательство. Но этот процесс, который начался 5 февраля 1958 года в зале суда тюрьмы на улице Фё в Буде, продлился лишь полтора дня. Как только сторона обвинения завершила представление дела, суд был внезапно прерван — формально из-за нерешенных процессуальных вопросов, но фактически потому, что Советский Союз попросил о новой отсрочке. На этот раз просьба Москвы была мотивирована тем, что судебное разбирательство и протест, который оно наверняка вызовет в западных столицах — усилит позицию американских “ястребов”, таких как госсекретарь США Джон Фостер Даллес, и поставит под угрозу срыва советско-американскую встречу на высшем уровне. Объяснение вы-

* Интервью с генерал-лейтенантом Йожефом Салма и Миклошем Вашархейи.

** Только в декабре 1957 года Хрущев, через нового советского посла в Венгрии Громова, спросил Кадара, что венгры собираются делать с Надем — “...что это будет, тюрьма, выговор или что-то еще?”. См. рассказ Кадара об этой беседе с советским послом в материалах Венгерского национального архива, 288. f. 5/69.

глядело натянутым, но не неправдоподобным*. После этого председателю суда в присутствии обвиняемых сообщили о необходимости прервать заседание, он заболел (так он утверждал), немедленно лег в больницу и отстранился от дела. Кадар вынужден был прождать еще несколько месяцев, но не сдавался. Наконец в июне с согласия Москвы новый, более привычный к смертным приговорам судья довел дело Имре Надя и его сподвижников до мрачной развязки.

Наказание было столь неожиданным и суровым, таким необычным, если не исключительным для постсталинской эпохи, что его невозможно объяснить только ущербом, который Надя и его сподвижники якобы причинили “делу социализма”. Если Кадар не мог выпустить Надя на свободу, его не обязательно было казнить. Но даже если Надем необходимо было пожертвовать из соображений “высокой политики”, то как насчет Гезы Лошонци, фактического заместителя Нады, которого, по сути, умертвили в тюрьме? Что насчет Миклоша Гимеша, журналиста, который поддерживал революцию только силой своего пера? Что насчет генерала Малетера, который *не* отправил свои войска сражаться с вторгшейся в Венгрию Советской армией? А что насчет Йожефа Силади, телохранителя Нады и главы секретариата в революционном правительстве, главное преступление которого заключалось в том, что он в лицо сказал следователям, что он думает о них и о Кадаре, своем друге по временам коммунистического подполья?

Кадар, изредка совещаясь с несколькими членами венгерского политбюро, самолично направлял работу следствия и су-

* Фактически в тот самый день, 5 февраля 1958 года, собравшееся на заседание советское политбюро обсудило вопрос о суде над Надем и его сподвижниками. Запись этой встречи показательна несмотря на ее краткость: “1. О суде над Имре Надем. Хрушев, Ворошилов, Микоян, Аристов, Кириченко. Принять предложения (проявить твердость и великодушие). Не записывать в протокол”. См. “Протокол № 138 Президиума ЦК КПСС: заседание 5 февраля 1958 г.”, 5 февраля 1958 года, в РГАНИ, п. 3, оп. 12, д. 1008, л. 48. Не нужно быть блестящим кремленологом, чтобы понять: к тому времени Кремль был гораздо менее заинтересован в казни Нады, чем Кадар и его коллеги по венгерскому политбюро. Весной, когда отношения Хрущева с Югославией Тито ухудшились, Кремль дал зеленый свет Кадару — казнь Нады косвенно воспринималась теперь и как наказание Тито.

дей на сфабрикованном процессе и принимал все решения по вынесению приговоров. Он давно и хорошо знал всех обвиняемых, а не только дерзкого, прямого Силади. Их многое объединяло. Он, конечно, помнил годы, которые провел политическим узником в пыточных камерах Ракоши вместе со своими друзьями Гезой Лошонци и особенно близким ему Ференцем Донатом. Помнил ли он (а если и помнил, какое это имело значение?), что они втроем были арестованы бандитами Ракоши в один и тот же день — в мае 1951-го, и что Имре Надя, человек, которого он собирался послать на виселицу, освободил их из тюрьмы тоже в один день, в июле 1954-го? Какое сочетание страха и ненависти, зависти, злости и чувства неполноценности, какая жажда мести в отношении людей, встать рядом с которыми он не захотел или не смог, побудила его пожертвовать ими во имя “дела социализма”?

5

То, что мысли о деле Нады преследовали Кадара всю жизнь, со всей очевидностью проявилось в 1989 году, когда, уже страдающий от множества недугов, он испытал тяжелое душевное потрясение. Второго апреля 1989 года фактически отошедший от дел Кадар внезапно появился на заседании Центрального комитета и взял слово. Ошеломленные коллеги, которые знали о состоянии престарелого генсека, выслушали его длинную, путаную, почти лишенную смысла речь, в продолжение которой он то и дело упоминал “этого человека”, подразумевая Имре Нады. В той мере, в какой вообще было возможно расшифровать смысл сказанного Кадаром, его больше всего беспокоило лживое обещание безопасности, которое он дал “этому человеку” в ноябре 1956 года. Ведь он позволил Надю, его семье и севшим с ними в автобус сподвижникам с семьями покинуть югославское посольство, где они ранее получили политическое убежище, и обещал, что они смогут беспрепятственно вернуться домой; вместо этого, по договоренности с советской тайной полицией, их всех ссадили с автобуса, арестовали и отправили в Румынию, где они долгое время содержались под домашним арестом. Вероятно, воспоминание о предательстве мучило Кадара всю жизнь.

Хотя многие венгерские и большинство западных политиков довольно одобрительно относились к Кадару и к установившемуся в начале шестидесятых в Венгрии “гуляшному коммунизму”, некоторые так и не простили ему предательского поведения в 1956-м и в последующие годы.

Шестого июля 1989 года, спустя три недели после официальной реабилитации Надя и меньше чем через три месяца после того, как он выступил перед ЦК в состоянии умственного и физического распада, Кадар умер — в тот самый день, когда Верховный суд Венгрии начал передававшиеся по телевидению слушания об оправдании Имре Надя и его погибших сподвижников. В середине дня заседания в зале начали циркулировать две записки одинакового содержания — одну передали судьям, другая пошла по залу: КАДАР УМЕР, ПЕРЕДАЙТЕ ДАЛЬШЕ.

Судьи оставались бесстрастными, зал шумно выдохнул. Новость не вызвала у публики ликования, но, безусловно, заставила людей оглянуться назад. Кто был этот человек, искусно управлявший Венгрией с начала 1960-х годов, человек, пославший на виселицу своих бывших друзей и товарищей по партии?

Лишь немногие посвященные знали, что, после того как годом ранее встал вопрос о реабилитации Надя, Кадар пребывал в состоянии физического и душевного расстройства. Еще меньшему числу людей было известно, что ему не давало покоя чувство вины, что его мучили кошмары и страх за собственную жизнь, что он доверял только жене. И только считанные единицы знали, что, страшась ареста и смерти, он не раз просил жену собрать ему небольшой чемодан, который потом ставил у одной из входных дверей дома; иногда он даже прятался под обеденным столом. Принимая во внимание его душевное состояние, уместен вопрос: умер ли Кадар естественной смертью (как утверждали врачи) буквально за несколько минут до оправдания Надя или покончил с собой? Возможно ли, что он хотел, чтобы весть о его смерти совпала с формальной, “юридической” реабилитацией Надя?

То утро в зале суда стало эпилогом к политической драме, достойной воображения Шекспира, — разве что она была разграничена в действительности.

6

В США подавление венгерской революции вызвало негодование и было воспринято как откат в отношениях с советским блоком, однако поражение восстания создало и новые политические возможности. Те, кто ожидал от постсталинского Кремля более либеральной политики, были разочарованы. Иные, пользуясь случаем, стремились доказать всем вокруг, насколько ужасной и дьявольски коварной была Москва. Третьи, возможно пытаясь компенсировать бездействие Вашингтона, стали помогать беженцам: около 80 000 венгров, прибывших после подавления восстания в Америку, получили искреннюю, щедрую помощь от государственных ведомств и частных организаций. Я сам многим обязан доброте американцев, в частности людям из университета штата Индиана, где в 1957 году начал изучать английский и где позже получил ученую степень. Вторым из самых мудрых решений, которые я принял в жизни, было то, что я обосновался в Америке. (Моим самым мудрым решением была женитьба на Тоби.)

Непосредственно после венгерского кризиса в политических кругах Соединенных Штатов было модно заниматься кабинетной стратегией. Известный кремленолог Ричард Лёвенталь убедительно писал в “Нью рипаблик”, что Запад “мог бы сделать потерю сателлитов в Восточной Европе более приемлемой для России, если бы уход Советской армии из Восточной Европы сопровождался выводом американских войск из Западной Европы. Предложение Советов об одновременном роспуске Организации стран Варшавского договора и НАТО не может быть принято Западом, в первую очередь потому, что господство Советского Союза над Восточной Европой зависит не от Варшавского пакта, а от существования коммунистических режимов, и потому что пока Восточная Европа находится под контролем Советов, Западная Европа не может защитить себя собственными силами. Однако в ситуации, когда советская коммунистическая система в Восточной Европе трещала по швам, предложение американцев о выводе войск [из Западной Европы] при условии полного освобождения Восточной Европы [Советами] могло бы кардинально изменить обстановку в регионе. ...Подобное предложение могло бы

внести в расчеты советских правителей новое измерение и побудить их отступить”*

В статье, опубликованной в “Нью лидер”, Фрэнк А. Линдси, бывший сотрудник ЦРУ, ушедший в отставку в начале 1950-х по причине того, что он не видел перспектив для успешной деятельности в Восточной Европе, предложил список возможных политических мер со стороны США и ООН во время венгерского кризиса, среди которых значились “демонстрация стратегического превосходства США” и отправка делегации ООН в Будапешт. Линдси утверждал, что у революции существовал небольшой шанс на успех после 1 ноября, когда Надь заявил о нейтралитете Венгрии, денонсировал Варшавский договор и обратился с просьбой о помощи к Генеральному секретарю ООН Дагу Хаммаршельду. Линдси полагал, что Кремль мог отказаться от плана вторжения в Венгрию, если бы туда была направлена группа наблюдателей ООН. В свете того, что нам сегодня известно о дебатах в советском политбюро, такая возможность действительно существовала.

В 1961 году, экстраполируя конкретный венгерский опыт на общую концепцию новой политики в отношении Восточной Европы, Збигнев Бжезинский, тогда преподаватель в Колумбийском университете, и Уильям Гриффит, бывший политический директор радио “Свободная Европа”, опубликовали совместную статью в журнале “Форин эфферс”. Извлекая уроки из венгерского кризиса, авторы исходили из предпосылки, что “освобождение” Восточной Европы в обозримом будущем — химера и, следовательно, Соединенным Штатам следует стремиться к достижению реалистичных целей. Обозначенные ими цели включали стимулирование многообразия в странах коммунистического блока (*обратите внимание*: не демократии, а многообразия); содействие получению ими большей независимости от Москвы (*обратите внимание*: не полному освобождению, а получению большей независимости); и создание пояса нейтральных государств, подобных Финляндии, которые пользовались бы свободой во внутривосточных делах, не вступая в западные альянсы (*обратите внимание*: свободных во внутрен-

* Richard Lowenthal. Hungary—Were We Helpless? // *New Republic*, November 26, 1956.

ней, но не во внешней политике). Выступая за принятие умеренного курса, балансирующего между желаемым и возможным, авторы статьи считали, что некоторые конкретные шаги Соединенных Штатов, такие как либерализация торговых соглашений и расширение программ образовательного обмена, смогут в течение лет привести к эффективным, хотя и ограниченным уступкам со стороны правительств стран-сателлитов Советского Союза*.

По мере того как администрация Кеннеди начала реализовывать эти и подобные идеи, политика США в отношении Восточной Европы стала более прагматичной: фундаменталистская риторика “освобождения” пятидесятых отошла в прошлое. После венгерской трагедии Вашингтон осознал, что внешняя политика должна строиться не только на вдохновляющих словах, но и на мудрости и искусстве маневра, сделав выбор в пользу тактики содействия эволюционным изменениям. Как жаль, что столь много людей в Венгрии и других странах коммунистического блока утратили доверие к Америке и пострадали из-за своих иллюзий прежде, чем Вашингтон понял, как именно он может содействовать преобразованиям в Центральной и Восточной Европе.

7

Эта книга призвана объяснять, а не воодушевлять; это попытка исторического исследования, а не политическая или религиозная проповедь. Всегда, когда это представлялось возможным, я старался использовать пастельные тона, не прибегая к краскам агитплакатов. Я не преследовал цели прославлять храбрость участников восстания или восставать против несправедливости, но пытался прояснить, насколько более успешной могла быть революция, если бы мужество сочеталось с мудростью и осмотрительностью. В мои намерения не входило и приписывать главным действующим лицам венгерской драмы качества, которые не были им присущи. Например, Имре Надь, в

* Zbigniew Brzezinski and William E. Griffith. Peaceful Engagement in Eastern Europe. // *Foreign Affairs* 39, № 4 (1961), 642–654.

1956 году проявивший себя человеком замечательной честности и истинным патриотом, не был действенным лидером. Наконец, я не стал повторять расхожие фразы о том, что в 1989 году венгры вышли победителями, и избегал говорить об их “нравственной победе”. Впрочем, последнее не означает, что герои 1956 года и их политические наследники не внесли вклад в дело окончательного освобождения Венгрии наряду с Горбачевым и Рейганом, папой Иоанном Павлом II и польской “Солидарностью”. Я считаю, что они сыграли в этом значительную роль.

Разумеется, ни американцев, ни венгров не заставишь отказаться от желания улучшить свою участь. Что требовалось от них в 1956 году и что нужно миру сейчас, так это способность найти точку равновесия между желаемым и возможным, обрести способность быть идеалистами без иллюзий.

Благодарность

Я рад выразить признательность всем, кто помогал мне при создании книги. Начало этой работы восходит к 1991 году — тогда меня особенно интересовали жизнь и судьба Имре Надя, его пленение после советской интервенции, учиненные ему венгерской политической полицией допросы, суды над ним и его казнь в 1958 году. В «Обманутых ожиданиях», конечно, рассматривается не только биография Надя, но и тема повстанцев, политики Советского Союза и Соединенных Штатов; и я благодарен за щедрую поддержку, которую я получил уже на раннем этапе работы, в начале 1990-х годов от фондов Форда и Смита Ричардсона. Это дало мне возможность работать в открывшихся тогда венгерских и — в той мере, в какой мне это было позволено, — российских архивах. Компетентная поддержка Пола Баларана, работавшего в то время в фонде Форда, была для меня особенно ценной. Я благодарен ему за веру в мою работу и терпение.

Эта книга не была бы написана без интеллектуальной и даже эмоциональной поддержки Джима Гершберга. Лучшего редактора нельзя и пожелать: он сочетал энтузиазм и глубокую заинтересованность с самыми строгими стандартами. Они двое — Джим Гершберг, полный энтузиазма, и Марк Крамер, прочитавший всю книгу, главу за главой, дали мне много ценных советов и критических замечаний и удостоили работу похвалы, за что я очень им благодарен. Меня не перестают восхищать их познания в области истории холодной войны, и в частности событий 1956 года. По просьбе издателя свое мнение о книге высказал Малькольм Бирн; признаюсь, что его щедрые похвалы, учитывая замечательную осведомленность Малькольма в вопросах истории 1956-го, звучали для меня му-

зыкой. Когда работа над книгой близилась к концу, рукопись прочитали и высказали ряд ценных критических замечаний несколько моих друзей и коллег, в том числе Иван Беренд, Збигнев Бжезински, Вудро Кунс, Том Лантош и Фред Старр. Моя жена Тоби Гати также прочитала книгу в рукописи: благодаря ее вдумчивым замечаниям в тексте было сделано немало важных исправлений. В последний год или два работы над книгой она также взяла на себя дополнительные хлопоты по дому, что, учитывая ее собственную занятость, было особенно ценно. Эта книга посвящена ей.

При написании первой, второй и третьей версий главы 1 мне, пожалуй, больше обычного требовались участие и дружеский совет — ведь я пытался совместить традиционное вступление к исследовательской работе с личными воспоминаниями о 1956 годе. Главным образом по этой причине я попросил нескольких друзей, экспертов и коллег просмотреть эту главу и благодарен за добрые советы, полученные от Франка Гадо, Миклоша Харасты, Джона Лукача, Агиллы Пока, Эдит Пор, Боба Шарлета и Стива Сабо. В ноябре 2004 года, работая над одной из многочисленных ранних версий этой главы, я доложил о ее основных тезисах и своих открытиях на семинаре в будапештском Институте по изучению венгерской революции 1956 года. Семинар был организован Яношем М. Райнером и Чабой Бекешем; в нем приняли участие виднейшие венгерские специалисты по истории 1956 года, в том числе Дьёрдь Литван, Магдолна Барат, Ласло Ёрши, Янош Кенеди, Золтан Рипп и Эва Стандейски. Я благодарю за честь, оказанную мне этим замечательным исследовательским центром, и признателен за пытливые вопросы и ценные советы участников семинара.

В Школе современных международных исследований Пола Нитце при университете Джонса Гопкинса, где я преподаю курс “Европейские исследования”, мне посчастливилось получить помощь от множества талантливых и усердных научных сотрудников. Среди них Элисон Мак-Кой, которая провела не один выходной, просматривая для меня папки военной разведки США в Национальном архиве, и Райан Миллер, оказавший мне значительную помощь на стадии окончательной подготовки рукописи. Мне и моим сотрудникам помогала в работе никогда не унывающая, прекрасно знающая свое дело Нэнси Тобин, координатор программы “Европейские исследования”.

Наконец, мне бы хотелось поблагодарить Ференца Глатца и Тибора Зиннера за помощь в организации и проведении интервью с бывшими должностными лицами, с которыми мне, возможно, не удалось бы встретиться самому. Среди людей, так или иначе связанных с режимом Кадара, у которых я взял интервью в Будапеште, были Дьёрдь Ацел, доктор Ласло Бенце, Миклош Береш, Бела Биску, Йожеф Богнар, Ева Эрлих, Енё Фок, Шандор Гаспар, Антал Дьенеш, Йожеф Хорват, Дюла Каллаи, Йожеф Кёбёл, Режё Ньерш, г-жа Золтан Радо, Шандор Райнаи, Агнеш Шагвари, Йожеф Салма и Дюла Тюрмер. С моим другом детства Вилмошем Шошем я беседовал о деятельности его отца, Дьёрдя Шоша, некогда шефа будапештской полиции. Из людей, в 1956 году стоявших по другую сторону баррикад, мне посчастливилось встретиться и взять интервью у Ференца Доната, Евы Бозоки, Ласло Доната, Арпада Гёнца, Ализ Халда, Марии Харасты (г-жи Лошонци), Белы Кирая, Шандора Копачи, гопожи Пал Малетер, Евы Молнар, г-жи Йожеф Силади, Юлии Силади, Силарда Уйхейи, Миклоша Вацархейи и Эржебет Веси. В Москве, где откровенные беседы о венгерской революции гораздо более затруднены, мне тем не менее удалось провести несколько официальных интервью с Валерием Мусатовым и Александром Яковлевым, а также поговорить о 1956 годе с Владимиром Лукиным и Андреем Козыревым. В Соединенных Штатах у меня состоялись плодотворные беседы с Ависом Боленом, Робертом Габором, Уильямом Гриффитом, А. Россом Джонсоном, Гезой Катона, Френком Линдси, Джеймсом Мак-Каргаром и Эллисом Уиснером.

Само собой разумеется, что эта книга не была бы написана без всех сведений, пронизательных замечаний и в особенности «ощущения» 1956 года, которым поделились со мной люди. За все это я глубоко им признателен. Однако вся ответственность за изложение фактов и сделанные в этой книге выводы лежит на мне одном.

Чарльз Гати.
Вашингтон.
Май 2006 г.

Избранная библиография

АРХИВЫ

Будапешт

Архив Института политических наук.
 Архив Министерства внутренних дел.
 Архив Верховного суда Венгрии.
 Венгерский национальный архив.
 Институт изучения венгерской революции 1956 года.
 Новый центральный архив Венгрии.

Москва

Архив Министерства иностранных дел РФ
 Архив ФСБ РФ (Архив КГБ СССР)

Вашингтон

Center for the Study of Intelligence (CIA).
 National Archives (Washington and Maryland).
 National Security Archive (George Washington University).

КНИГИ

Aczél, Tamás, and Tibor Méray. *The Revolt of the Mind: A Case History of Intellectual Resistance Behind the Iron Curtain*. — New York: Praeger, 1959.
 Andrew, Christopher. *For the President's Eyes Only: Secret Intelligence and the American Presidency from Washington to Bush*. — New York: HarperCollins, 1995.
 Andrew, Christopher, and Oleg Gordievsky. *KGB: The Inside Story of Its Operations from Lenin to Gorbachev*. — New York: HarperCollins, 1990.

Andrew, Christopher, and Vasili Mitrokhin. *The Sword and the Shield: The Mitrokhin Archive and the Secret History of the KGB*. — New York: Basic Books, 1999.
 Applebaum, Anne. *Gulag: A History*. — New York: Doubleday, 2003.
 Azrael, Jeremy R. *The KGB in Kremlin Politics*. — Los Angeles: RAND and University of California, Los Angeles, 1989.
 Bain, Leslie B. *The Reluctant Satellites: An Eyewitness Report on East Europe and the Hungarian Revolution*. — New York: Macmillan, 1960.
 Balogh, Sándor, Под ред. *Nehéz esztendők krónikája 1949–1953: Dokumentumok* [Хроника тяжелых лет 1949–1953: документы]. — Budapest: Gondolat, 1986.
 Baráth, Magdolna, под ред. *Szovjet nagyköveti iratok Magyarországról 1953–1956: Kiszelyov és Andropov titkos jelentései* [Документы советских послов о Венгрии в 1953–1956 гг.: тайные донесения Киселева и Андропова]. — Budapest: Napvilág Kiadó, 2002.
 Barron, John. *KGB: The Secret Work of Soviet Secret Agents*. — London: Hodder and Stoughton, 1974.
 Becker, Theodore L., под ред. *Political Trials*. — Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1971.
 Békés, Csaba. *Európából Európába: Magyarország a konfliktusok keresztjében* [Из Европы в Европу: Венгрия под перекрестным огнем конфликтов]. — Budapest: Gondolat, 2004.
 — “ —. *The 1956 Hungarian Revolution and World Politics*. Cold War International History Project Working Paper 16. — Washington: Woodrow Wilson International Center for Scholars, 1996.
 — “ —. *Az 1956-os magyar forradalom a világpolitikában* [Венгерская революция 1956 года в мировой политике]. — Budapest: 1956-os Intézet, 1996.
 Békés, Csaba. Malcolm Byrne, János M. Rainer, eds. *The 1956 Hungarian Revolution: A History in Documents*. — Budapest: Central European University Press, 2002.
Beszélo Összkiadás [Полное собрание (журнала) Беселё]. — Budapest: A-B Beszélo Kiadó, 1992. (См. Речь Надя 1953 г. в т. 1, 628–641.)
 Bethell, Nicholas. *Betrayed*. — New York: Times Books, 1984.
 Bibó, István. *Democracy, Revolution, Self-Determination (Selected Essays)*, под ред. Károly Nagy. — New York: Columbia University Press, 1991.

- Bohlen, Charles E. *Witness to History, 1929–1969*. — New York: W. W. Norton, 1973.
- Borbándi, Gyula. *Magyarok az Angol Kertben: A Szabad Európa Rádió története* [Венгры в английском саду: история радио «Свободная Европа»]. — Budapest: Európa, 1996.
- Borhi, László. *Hungary in the Cold War 1945–1956*. — Budapest: Central European Press, 2004.
- Bowie, Robert R. *Suez 1956: International Crisis and the Role of Law*. — London: Oxford University Press, 1974.
- Brown, J. F. *Relations between the Soviet Union and Its Eastern European Allies: A Survey*. — Santa Monica, Calif.: RAND, 1975.
- Brzezinski, Zbigniew. *The Soviet Bloc: Unity and Conflict*, rev. ed. — New York: Praeger, 1961.
- Burke, Michael. *Outrageous Good Fortune*. — Boston: Little, Brown, 1984.
- Carson, William R. *The Armies of Ignorance: The Rise of the American Intelligence Empire*. — New York: Dial Press, 1977.
- Chester, Eric Thomas. *Covert Network: Progressives, the International Rescue Committee and the CIA*. — Armonk, N.Y.: M. E. Sharpe, 1995.
- Colby, William, and Peter Forbath. *Honorable Men: My Life at the CIA*. — New York: Simon & Schuster, 1978.
- Conquest, R. *Power and Policy in the USSR: The Study of Soviet Dynasties*. — London: Macmillan, 1962.
- Cookridge, E. H. *Gehlen: Spy of the Century*. — New York: Pyramid Books, 1971.
- Council on Foreign Relations. *Documents on American Foreign Relations, 1956*. — New York: Harper, 1957.
- Dallin, Alexander, Fridrikh Igorevich Firsov, and Vadim A. Staklo, eds. *Dimitrov and Stalin, 1934–1943: Letters from the Soviet Archives*. Annals of Communism Series. — New Haven, Conn.: Yale University Press, 2000.
- De Silva, Peer. *Sub Rosa: The CIA and the Uses of Intelligence*. — New York: Times Books, 1978.
- Documents on International Affairs, 1955*. — London: Oxford University Press, 1958.
- Donáth, Ferenc. *A Márciusi Fronttól Monorig: Tanulmányok, vázlatok, emlékezések* [От мартовского фронта до Монара: исследования, очерки, воспоминания]. — Budapest: Századvég Kiadó, 1992.

- Dorril, Stephen. *MI6: Inside the Covert World of Her Majesty's Secret Intelligence Service*. — New York: Simon & Schuster / Touchstone, 2002.
- Eisenhower, Dwight D. *Waging Peace*. — New York: Doubleday, 1964.
- Eörsi, László. *A Corvinisták 1956: A VIII. kerület fegyveres csoportjai* [Корвинцы 1956: боевые группы в 8-м округе]. — Budapest: 1956-os Intézet, 2001.
- “ —. *Mitoszok helyett, 1956* [Вместо мифов, 1956]. — Budapest: Noran, 2003.
- “ —. *A Széna tériek 1956* [Бойцы на площади Сена 1956]. — Budapest: 1956-os Intézet and Állambiztonsági Szolgálatok Történeti Levéltára, n.d.
- Fact-Finding Commission. *Törvénytelen szocializmus* [Беззаконный социализм]. — Budapest: Zrinyi Kiadó/Új Magyarország, 1991.
- Fazekas, György. *Forry ősz Budapesten: Életinterjú* [Жаркая осень в Будапеште: мемуары, интервью]. — Budapest; Magyar Hírlap, 1989.
- Fehérváry, István. *Börtönvilág Magyarországon* [Мир тюрем в Венгрии]. — Center Square, Pa.: Alpha Publications, 1978.
- Felix, Christopher. *A Short Course in the Secret War*. — New York: Dell, 1963.
- Fullbright, J. W. *The Arrogance of Power*. — New York: Vintage Books, 1967.
- Gábor, Róbert. *Az igazi szociáldemokrácia: Küzdelem a fasizmus és a kommunizmus ellen, 1944–1948* [Подлинная социал-демократия: борьба с фашизмом и коммунизмом, 1944–1948]. — Budapest: Századvég, 1998.
- Gál, Éva, András B. Hegedüs, György Litván, and János M. Rainer, eds. *A “Jelcin Dosszié”: Szovjet dokumentumok 1956-ról* [“Ельцинское досье”: советские документы о 1956 году], перевод с русского на венгерский Эвы Гал, Аготы Голлер и Эрны Палль. — Budapest: Századvég Kiadó-56-os Intézet, 1993.
- Gati, Charles. *Hungary and the Soviet Bloc*. — Durham, N.C.: Duke University Press, 1986.
- Granville, Johanna C. *The First Domino: International Decision Making during the Hungarian Crisis of 1956*. — College Station: Texas A&M University Press, 2004.
- Grose, Peter. *Gentleman Spy: The Life of Allen Dulles*. — Boston: Houghton Mifflin / Richard Todd, 1994.

- “ —. *Operation Rollback: America's Secret War behind the Iron Curtain*. — Boston: Houghton Mifflin, 2000.
- Gyurgyák, János. *A zsidókérdés Magyarországon: Politikai eszmetörténet* [Еврейский вопрос в Венгрии: история политической мысли]. — Budapest: Osiris Kiadó, 2001.
- Gyurkó, László. *A bakancsos forradalom* [Революция в дырявых башмаках]. — Budapest: Kossuth, 2001.
- Halda, Aliz. *Magánügy* [Частное дело]. — Budapest: Noran, 2002.
- Hay, Julius. *Born 1900: Memoirs*. — La Salle, Ill.: Library Press, 1975.
- Hazard, Elizabeth W. *Cold War Crucible*. — Boulder, Colo.: East European Monographs, 1996.
- Hegedüs, András. *Élet egy eszme árnyékában* [Жизнь в тени идеала]. — Vienna: Zoltán Zsille, 1985.
- “ —. *A történelem és a hatalom ígézetében: Életrajzi elemzések* [Зачарованный историей и властью: автобиографическая оценка]. — Budapest: Kossuth, 1988.
- Hershberg, James G. *James B. Conant: Harvard to Hiroshima and the Making of the Nuclear Age*. — New York: Alfred A. Knopf, 1993.
- Ioanid, Peana, под ред. *Nagy Imre, Însemnari de la Snagov: Corespondenta, rapoarte, convorbiri* [Имре Надь, записки из Снагова: переписка, донесения, беседы]. — Bucharest: Polirom, 2004.
- Iratok az igazságszolgáltatás történetéhez* [Документы по истории отправления правосудия]. — Budapest: Közgazdasági és Jogi Könyvkiadó, 1993.
- Irving, David. *Uprising!* — London: Hodder and Stoughton, 1981.
- Israelyan, Viktor. *On the Battlefields of the Cold War: A Soviet Ambassador's Confession*. — University Park: Pennsylvania State University Press, 2003.
- Izsák, Lajos and Miklós Kun, eds. *Moszkvának jelentjük—Titkos dokumentumok 1944–1948* [Донесения в Москву — секретные документы, 1944–1948]. — Budapest: Századvég, 1994.
- Javorniczky, István. *Eljo az a nagy, szép ido* [Прекрасные времена все еще впереди]. — Budapest: A Héttorony Könyvkiadó, n.d. but c. 1991.
- Kaplain, Karel. *Report on the Murder of the General Secretary*. — Columbus: Ohio State University Press, 1990.
- Kennan, George F. *Memoirs, 1925–1950*. — Boston: Atlantic–Little, Brown, 1967.

- Kopacsi, Sandor. *In the Name of the Working Class: The Inside Story of the Hungarian Revolution*. — New York: Grove Press, 1987.
- Kovágo, József. *You Are All Alone*. — New York: Praeger, 1959.
- Kövér, György. *Losonczy Géza 1917–1957* [Геза Лошонци, 1917–1957]. — Budapest: 1956-os Intézet, 1998.
- Kovrig, Bennett. *Communism in Hungary: From Kun to Kádár*. — Stanford, Calif.: Hoover Institution Press, 1979.
- “ —. *The Myth of Liberation: East-Central Europe in U.S. Diplomacy and Politics since 1941*. — Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1973.
- “ —. *Of Walls and Bridges: The United States & Eastern Europe*. — New York: New York University Press / Twentieth Century Fund, 1991.
- Lewis, Flora. *A Case History of Hope*. — Garden City, N.Y.: Doubleday, 1958.
- Lippmann, Walter. *U.S Foreign Policy: Shield of the Republic*. — Boston: Little, Brown, 1943.
- Litván, György. *The Hungarian Revolution of 1956: Reform, Revolt and Repression 1953–1963*. — London: Longman, 1996.
- Loftus, John. *The Belarus Secret*. — New York: Alfred A. Knopf, 1982.
- Lukacs, John. *A Thread of Years*. — New Haven, Conn.: Yale University Press, 1998.
- Lundestad, Geir. *The American Non-Policy towards Eastern Europe 1943–1947*. — New York: Humanities Press, 1975.
- Marshall, Charles Burton. *The Exercise of Sovereignty: Papers on Foreign Policy*. — Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1965.
- “ —. *The Limits of Foreign Policy*. — New York: Henry Holt, 1954.
- Mastny, Vojtech. *Russia's Road to the Cold War*. — New York: Columbia University Press, 1979.
- Marchio, Jim. *Rhetoric and Reality: The Eisenhower Administration and Unrest in Eastern Europe, 1953–1959*. — Washington, D.C.: American University Press, 1990.
- Marton, Endre. *The Forbidden Sky*. — Boston: Little, Brown, 1971.
- Matthews, John P. C. *Tinderbox: East-Central Europe in the Spring, Summer, and Early Fall of 1956*. — Tucson: Fenestra Books, 2003.
- McCargar, James. *A Short Course in the Secret War*. — New York: Dell, 1988.
- Méray, Tibor. *Thirteen Days That Shook the Kremlin: Imre Nagy and the Hungarian Revolution*. — New York: Praeger, 1959.

- Meyer, Cord. *Facing Reality: From World Federalism to the CIA*. — New York: Harper & Row, 1980.
- Mićunović, Veljko. *Moscow Diary*. — Garden City, N.Y.: Doubleday, 1980.
- Mindszenty, Josef Cardinal. *Memoirs*. — New York: Macmillan, 1974.
- Miscamble, Wilson D. *George F. Kennan and the Making of American Foreign Policy, 1947–1950*. — Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1992.
- Mitrovich, Gregory. *Undermining the Kremlin: America's Strategy to Subvert the Soviet Bloc, 1947–1956*. — Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2000.
- Morgenthau, Hans. *In Defense of the National Interest*. — New York: Alfred A. Knopf, 1951.
- Nagy, Imre. *On Communism: In Defense of the New Course*. — New York: Praeger, 1957.
- “ —. *Viharos emberölto, 1896–195... ?* [Бурное поколение, 1896–195... ?]. — Budapest: Nagy Imre Alapítvány, 2002.
- Ostermann, Christian F., под ред. *Uprising in East Germany 1953: The Cold War, the German Question, and the First Major Upheaval behind the Iron Curtain*. — Budapest: Central European University Press, 2001.
- Pongrátz, Gergely. *Corvin köz 1956* [Корвинский перешеек 1956]. — Чикаго: авторское издание, 1982. (Репринт в Будапеште, 1985, самиздат; 1989; 1992.)
- Puddington, Arch. *Broadcasting Freedom: The Cold War Triumph of Radio Free Europe and Radio Liberty*. — Lexington: University Press of Kentucky, 2000.
- Prados, John. *Presidents' Secret Wars: CIA and Pentagon Covert Operations from World War II through Iranscram*. — New York: Quill / William Morrow, 1986.
- Radzinsky, Edvard. *The Last Tsar: The Life and Death of Nicholas II*. — New York: Doubleday, 1992.
- Rainer, János M. *Nagy Imre: Politikai életrajz* [Имре Надь: политическая биография]. — Budapest: 1956-os Intézet, 1996.
- Rákosi, Mátyás. *Visszaemlékezések 1940–1956* [Воспоминания, 1940–1956, vols. 1–2]. — Budapest: Napvilág, 1997.
- Révész, Sándor. *Egyetlen élet: Gimes Miklós története* [Удивительная жизнь: история Миклоша Гимеша]. — Budapest: 1956-os Intézet and Sík Kiadó, 1999.

- Richardson, John H. *My Father the Spy: An Investigative Memoir*. — New York: HarperCollins, 2005.
- Rocca, Raymond G., and John J. Dziak. *Bibliography on Soviet Intelligence and Security Services*. — Boulder, Colo.: Westview Press, 1985.
- Romsics, Ignác. *Magyarország története a XX. században* [История Венгрии в XX веке]. — Budapest: Osiris, 1999.
- “ —, под ред. *Wartime American Plans for a New Hungary: Documents from the U.S. Department of State, 1942–1944*. — New York: Columbia University Press, 1992.
- Rositzke, Harry. *The KGB: The Eyes of Russia*. — London: Sidgwick & Jackson, 1981.
- Saunders, Frances Stoner. *The Cultural Cold War: The CIA and the World of Arts and Letters*. — New York: New Press, 1999.
- Sawatsky, John. *For Services Rendered*. — Toronto: Penguin Books, 1982.
- Sayer, Ian and Douglas Botting. *America's Secret Army: The Untold Story of the Counter Intelligence Corps*. — New York: Franklin Watts, 1989.
- Sereda, Vyacheslav and János M. Rainer, eds. *Döntés a Kremlben, 1956: A szovjet pártelnökség vitái Magyarországról* [Решение в Кремле, 1956: дебаты в советском политбюро о Венгрии]. — Budapest: 1956-os Intézet, 1996.
- Sereda, Vyacheslav, and Aleksandr Stikhalin, eds. *Hiányzó lapok 1956 történetéből: Dokumentumok a volt SZKP KB levéltárából* [Недостающие страницы в истории 1956-го: документы из архива ЦК КПСС]. — Budapest: Zenit, 1993.
- Simpson, Christopher. *Blowback: The First Full Account of America's Recruitment of Nazis, and Its Disastrous Effect on Our Domestic and Foreign Policy*. — New York: Weidenfeld & Nicholson, 1988.
- Spulber, Nicolas. *The Economics of Communist Eastern Europe*. — Cambridge, Mass.: MIT Press, 1957.
- Sudoplatov, Pavel, and Anatoli Sudoplatov, with Jerrold and Leona Schecter. *Special Tasks: The Memoirs of an Unwanted Witness—A Soviet Spymaster*. — Boston: Little, Brown, 1994.
- Sulzberger, C. L. *The Last of the Giants*. — New York: Macmillan, 1970.
- Taubman, William. *Khrushchev: The Man and His Era*. — New York: W. W. Norton, 2003.
- Thomas, Evan. *The Very Best Men: Four Who Dared—The Early Years of the CIA*. — New York: Simon & Schuster / Touchstone, 1995.

- Thorne, Thomas C., Jr., and David S. Patterson, eds. *Foreign Relations of the United States, 1945–1950: Emergence of the Intelligence Establishment*. — Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1996.
- Tóbiás, Áron, Под ред. *In memoriam Nagy Imre*. — Budapest: Szabad Tér Kiadó, 1989.
- Tucker, Robert C., and Stephen F. Cohen, eds. *The Great Purge Trial*. — New York: Grosset & Dunlap, 1965.
- Unwin, Peter. *Voices in the Wilderness: Imre Nagy and the Hungarian Revolution*. — London: Macdonald, 1991.
- Urban, George R. *Radio Free Europe and the Pursuit of Democracy*. — New Haven, Conn.: Yale University Press, 1997.
- Váli, Ferenc A. *Rift and Revolt in Hungary: Nationalism versus Communism*. — Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1961.
- Varga, László, Под ред. *Kádár János bírái előtt: Egyszer fent, egyszer lent 1949–1956* [Янош Кадар перед лицом судей: вверх и вниз, 1949–1956]. — Budapest: Osiris, 2001.
- Vásárhelyi, Miklós. *Ellenzékben* [В оппозиции]. — Budapest: Szabad Tér Kiadó, 1989.
- Warner, Michael, под ред. *The CIA under Harry Truman*. — Washington, D.C.: Center for the Study of Intelligence, 1994.
- Yergin, Daniel. *Shattered Peace: The Origins of the Cold War and the National Security State*. — Boston: Houghton Mifflin, 1977.
- Zinner, Paul E. *Revolution in Hungary*. — New York: Columbia University Press, 1962.
- Крючков Владимир. *Личное дело*. — М.: Олимп-Акт, 1996.
- Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. — М.: РОССПЭН, 1998.

ЭССЕ И СТАТЬИ

- Békés, Csaba. Gyozhett volna-e a magyar forradalom 1956-ban? [Могла ли венгерская революция 1956 года увенчаться успехом?]. В сб.: *Mitoszok, legendák, tévhitok a 20. századi magyar történelemből* [Мифы, легенды, иллюзии в венгерской истории XX века], под ред. Ignác Romcsis. — Budapest: Osiris, 2002.
- Bell, Daniel. Ten Theories in Search of Reality: The Prediction of

- Soviet Behavior in the Social Sciences. In: Alexander Dallin, comp., *Soviet Conduct in World Affairs: A Selection of Readings*. — New York: Columbia University Press, 1960.
- Binder, David. 56 East Europe Plan of C.I.A. Is Described. // *New York Times*, November 30, 1976.
- Brogan, D. W. The Illusion of American Omnipotence. // *Harper's Magazine*, December 1952, 21–28.
- Deák, István. Jews and Communism: The Hungarian Case. In: *Dark Times, Dire Decisions: Jews and Communism*, под ред. Jonathan Frankel. Studies in Contemporary Jewry: An Annual XX, Avraham Harman Institute of Contemporary Jewry and Hebrew University of Jerusalem. Oxford: Oxford University Press, 2004.
- Dravis, Michael W. Storming Fortress Albania: American Covert Operations in Microcosm, 1949–1954. // *Intelligence and National Security* 7, № 4 (1992), 425–442.
- Dulles, John Foster. A New Foreign Policy: A Policy of Boldness. // *Life*, May 19, 1952, 146–148.
- Eastern Europe: The Situation in Hungary. // *Current Intelligence Digest—CIA FOIA*, October 24, 1956.
- Földes, György. Buharin és Nagy Imre [Бухарин и Имре Надь]. // *Múltunk* 37, № 4 (1992), 15–25.
- Földvári, Rudolf. Egy ungvári kéretlen “vendéglátás” [Непрошеное “гостеприимство” в Унгваре]. // *Új Tükör*, № 53 (1989), 6–8.
- Gati, Charles. Another Grand Debate? The Limitationist Critique of American Foreign Policy. // *World Politics* 21, № 1 (October 1968), 133–151.
- “ —. From Liberation to Revolution, 1945–1956. In: *A History of Hungary*, под ред. Peter F. Sugar, Péter Hanák and Tibor Frank. — Bloomington: Indiana University Press, 1994.
- “ —. New Russia, Old Lies. // *New York Times* [op-ed], July 11, 1992.
- Gehler, Michael. From Non-Alignment to Neutrality? Austria's Transformation during the First East-West Détente, 1953–1958. // *Journal of Cold War Studies* 7, № 4 (Fall 2005), 104–136.
- Gluchowski, G. L. The Defection of Józef Swiatlo and the Search for Jewish Scapegoats in the Polish United Workers' Party, 1953–54. Paper presented at Fourth Convention of the Association for the Study of the Nationalities, Harriman Institute, Columbia University, New York, April 15–17, 1999. Available at <http://www.columbia.edu/cu/sipa/regional/ECE/gluchowski.pdf>.

- Gluchowski, L. W. Poland, 1956: Khrushchev, Gomulka, and the “Polish October”. // *Cold War International History Project Bulletin*, issue 5 (Spring 1995): 1, 38–49.
- Gosztonyi, Péter. Az Ideiglenes Nemzeti Kormány megalakulásának elötörténetéhez [К истории учреждения Временного национального правительства]. // *Uj Látáhatár* 15, № 3 (August 1972), 228–229.
- Granville, Johanna. Imre Nagy, aka “Volodya”—Dent in the Martyr’s Halo? // *Cold War International History Project Bulletin*, issue 5 (Spring 1995), 34–37.
- Griffith, William E. Policy Review of Voice for Free Hungary Programming, October 23–November 23, 1956 (review dated December 5, 1956). In: *The 1956 Hungarian Revolution: A History in Documents*, под ред. Csaba Békés, Malcolm Byrne, and Janos Rainer. — Budapest: Central European University Press, 2003.
- Hajdú, Tibor. Az 1956. október 24-i moszkvai értekezlet [Московская встреча 24 октября 1956 года]. In: *Évkönyv 1992* [Yearbook of the Institute for the Study of the 1956 Revolution, 1992]. — Budapest: 1956-os Intézet, 1992.
- “ —, под ред. The Interrogation of László Rajk, 7 June 1949: The Transcript of the Secret Recording. // *New Hungarian Quarterly*, Spring 1996, 87–99.
- Hungary Heralds ‘New Era’ of Independent Communism. // *Current Intelligence Digest—CIA FOIA*, October 12, 1956.
- Hungary: Resistance Activities and Potentials. // *U.S. Department of the Army Project No. 9570—Georgetown University Research Project*, January 5, 1956.
- Kajári, Erzsébet. Az egységesített belügyminisztérium államvédelmi tevékenysége, 1953–1956 [Государственная безопасность в Объединенном министерстве внутренних дел]. В сб.: *Államvédelem a Rákosi-korszakban* [Государственная безопасность в эру Ракоши], под ред. György Gyarmati. Budapest: Történeti Hivatal, 2000.
- Katona, Judit, and György Vámos. Nagy Imre és a Szabad Európa Rádió 1956-ban [Имре Надь и радио «Свободная Европа» в 1956 году]. В сб.: *Nagy Imre és kora: Tanulmányok és források* [Имре Надь и его эпоха: исследования и источники]. — Budapest: Nagy Imre Alapítvány, 2002.
- Kende, Péter. Elkerülhetetlen volt-e a magyar forradalom, és mi volt

- a haszna? [Была ли революция неизбежной, и каковы были ее плоды?]. // *Világosság* 37, № 10 (October 1996), 3–22.
- Kramer, Mark. The Early Post-Stalin Succession Struggle and Upheavals in East-Central Europe: Internal–External Linkages in Soviet Policy Making, Part 2. // *Journal of Cold War Studies* 1, № 2 (Spring 1999), 3–38.
- “ —, translator and annotator. The “Malin Notes” on the Crises in Hungary and Poland, 1956. // *Bulletin of the Cold War International History Project*, issues 8–9 (Winter 1996–1997), 385–410.
- “ —. New Evidence on Soviet Decision-Making and the 1956 Polish and Hungarian Crises. // *Bulletin of the Cold War International History Project*, issues 8–9 (Winter 1996–1997), 358–384.
- “ —. The Soviet Union and the 1956 Crises in Hungary and Poland: Reassessments and New Findings. // *Journal of Contemporary History* 33, № 2 (April 1998), 163–214.
- Lippmann, Walter. How Far in Eastern Europe? // *Washington Post and Times Herald*, October 26, 1956.
- Litván, György. Mitoszok és legendák 1956-ról [Мифы и легенды о 1956 годе]. In: *Évkönyv 2000* [Yearbook 2000]. — Budapest: 1956 Institute, 2001.
- Lukacs, John. The Night Stalin and Churchill divided Europe. // *New York Times Magazine*, October 5, 1969, 36–50.
- Lukes, Igor. The Slanský Affair: New Evidence. // *Slavic Review* 58, № 1 (Spring 1999), 16–187.
- McCargar, James. Their Man in Budapest: James McCargar and the 1947 Road to Freedom. // *Hungarian Quarterly* 42 (Spring 2001), 38–62.
- McCormack, John. Reporter in Budapest Tells How Protest Grew into War. // *New York Times*, October 27, 1956.
- Marchio, Jim. Resistance Potential and Rollback: U.S. Intelligence and the Eisenhower Administration’s Policies Toward Eastern Europe, 1953–56. // *Intelligence and National Security*, April 1995, 219–241.
- Memorandum from the Assistant Director for Policy Coordination (Wisner) to Director of Central Intelligence Hillenkoetter (October 29, 1948). In: *Foreign Relations of the United States, 1945–1950: Emergence of the Intelligence Establishment*, под ред. C. Thomas Thorne Jr. and David S. Patterson. — Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1996.

- Murányi, Gábor. Születésnap az Orsó utcában: Nagy Imre köszöntése vagy “politikai demonstráció”? [День рождения на улице Оршо: поздравления Имре Надю или «политическая демонстрация»?] // *Magyar Nemzet*, June 6, 1991.
- Muszatov, Valerij. Kádor János és M. Sz. Gorbacsov találkozója Moszkvában, 1985. szeptember 25-én [Встреча Яноша Кадара и М. С. Горбачева в Москве 25 сентября 1985 года]. // *Történelmi Szemle*, № 1–2 (1992), 133–149.
- Nelson, Anna K., под ред. The Attitude of this Government toward Events in Yugoslavia, PPS/35 dated June 30, 1948. In: *The State Department Policy Planning Staff Papers*, vol. 2 (1948). — New York: Garland Press, 1983.
- Ostermann, Christian F. Keeping the Post Simmering: The United States and the East German Uprising of 1953. // *German Studies Review* 15, № 2 (Spring 1996), 61–89.
- Palasik, Mária. Láttelel a magyar függetlenségről [Диагноз венгерской независимости]. // *Kapu*, May 1989, 4–10.
- Rákosi Mátyás 1945. szept. 3-i jelentése Dimitrovnak [Отчет Матьяша Ракоши Димитрову 3 сентября 1945 г.]. // *Múltunk*, № 2–3 (1991), 287.
- Rainer, János M. Döntés a Kremlben, 1956: Kísérlet a feljegyzések értelmezésére [Решение в Кремле, 1956: попытка истолковать записи]. В сб.: *Döntés a Kremlben, 1956: A szovjet pártelnökség vitái Magyarországról* [Решение в Кремле, 1956: дебаты в советском политбюро в отношении Венгрии], под ред. Vyacheslav Sereda and János M. Rainer. — Budapest: Intézet, 1956.
- Révész, Béla. A Belügyminisztérium SZER-képe 1955-ben [Образ РСЕ в министерстве внутренних дел]. // *Múltunk*, № 2 (1999), 170–222.
- Ripp, Zoltán. A pártvezetés végnapjai [Последние дни партийного руководства]. В сб.: *Ötvenhat októbere és a hatalom* [Октябрь пятьдесят шестого и власть], под ред. Julianna Horváth and Zoltán Ripp. — Budapest: Napvilág, 1997.
- Stout, Mark. The Pond: Running Agents for State, War, and the CIA. // *Studies in Intelligence* 48, № 3 (2004), 69–82.
- Szabó, Miklós. A magyar Buharin [Венгерский Бухарин]. Неопубликованная рукопись, ок. 1989.
- Their Man in Budapest: James McCargar and the 1947 Road to Freedom. // *Hungarian Quarterly* 42, № 161 (Spring 2001), 38–62.

- Thomas, Evan. A Singular Opportunity: Gaining Access to CIA's Records. // *Studies in Intelligence* 39, № 5 (1996), 19–23.
- Transcript of the Conversation between the Soviet Leadership and a Hungarian United Worker's Party Delegation in Moscow on 13 June 1953, trans. Mónika Borbély. // *Cold War International History Project Bulletin*, issue 10 (March 1998), 81–86.
- Urbán, Károly. A Nagy Imre-kormány megalakulása (1953) [Формирование правительства Имре Надя (1953)]. В сб.: *Nagy Imre és kora* [Имре Надь и его эпоха], под ред. József Sipos and Levente Sipos. — Budapest: Nagy Imre Alapítvány, 2002.
- Varga, György T., comp. Dokumentumok: Jegyzőkönyv a szovjet és a magyar párt- és állami vezetők tárgyalásairól (1953. június 13–16) [Документы: записи переговоров между советскими и венгерскими партийными и государственными руководителями, 13–16 июня 1953 г.]. // *Múltunk* 37, № 2–3 (1992), 234–269.
- “ —. Nagy Imre politikai levelei 1954. Dec. 14–1956 okt. 9 [Политические письма Имре Надя, 14 декабря 1954 — 9 октября 1956 г.]. // *Új Fyrum*, № 4 (1989), 11–39.
- “ —, под ред. A Politikai Bizottság 1955. január 13. ülésének jegyzőkönyve [Протокол заседания Политического комитета 13 января 1955 г.]. В сб.: *Jalta és Suez között: 1956 a világpolitikában* [Между Ялтой и Суэцом: 1956 год в мировой политике]. — Budapest: Tudósítások Kiadó, 1989.
- Zsitnyányi, Ildikó. Egy 'titkos háború' természete: A Magyar Narcosok Bajtársi Közössége tagjaival szemben lefolytatott internálási és büntetőeljárás gyakorlat, 1948–1950 [Природа “тайной войны”: практика интернирования и уголовного преследования в отношении членов Венгерской ассоциации ветеранов, 1948–1950]. *Hadtörténelmi Közlemények*, 2002–4, 1086–1101.
- Кузьмичев П. Если не закрывать глаза... // *Литературная Россия*, 20 декабря 1991, 22–23.

Чарльз Гати

Обманутые ожидания

Москва, Вашингтон, Будапешт
и венгерское восстание 1956 года

Корректор Л. Бусуек
Компьютерная верстка О. Козак

ЛР № 00972 от 14.02.2000

Подписано в печать 2.10.2006
Формат издания 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура “Newton”
Печ. л. 19.00. Тираж 1000. Заказ №

Московская школа политических исследований
123104, Москва, Б. Козихинский пер., д. 7, стр. 2, оф. 21.
e-mail: msps@co.ru
<http://www.msps.ru>

*Получить информацию об изданиях
Московской школы политических исследований
Вы можете на сайте Школы:
www.msps.ru*